Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

И. Г. Добродомов

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Монография

2-е издание, стереотипное
электронное

МПГУ
Москва • 2024

УДК 811.161.1’373.6
ББК 81.411.2-323
Д561

Рецензент:

А.В. Святославский, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Института филологии МПГУ

Добродомов, Игорь Георгиевич.

Д561 Историко-этимологические разыскания : монография / И. Г. Добродомов. – 2-е изд., стер. электрон. – Москва: МПГУ, 2024. – 220 с. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-4263-0887-9

Монография доктора филологических наук, профессора И.Г. Добродомова представляет собой многоаспектное исследование происхождения и истории как исконной, так и заимствованной лексики русского языка, а также лексики тюркских языков народов России. При исключительном внимании к формальной точности анализа эти проблемы решаются автором с привлечением широкого круга данных смежных наук – истории, этнографии, литературоведения. Несомненной ценностью книги является то, что в ней представлены статьи, опубликованные ранее в малотиражных и труднодоступных сборниках, тексты докладов на международных конференциях, а также ранее не опубликованные работы ученого.

УДК 811.161.1’373.6
ББК 81.411.2-323

ISBN 978-5-4263-0887-9

© МПГУ, 2020
© Добродомов И.Г., текст, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ГЛАВА 1.
ВОСТОЧНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Из древнерусской этнонимики. *Древнерусское Сорочининъ и греческое* Σαρακηνός 6
Половцы и поле 16
Хазары и русское правописание 18
Из булгарского вклада в славянскую антропонимию (к этимологии имени *Борисъ*) 21
Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка 28
Об аланизмах в западных и восточных славянских языках 39

ГЛАВА 2.
ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Карий 61
Два булгаризма в древнерусской этнонимии: др.-рус. *тиверьцы* (*тиверцы*) 63
Калякать 67
О половецких этнонимах в древнерусской литературе 69

ГЛАВА 3.
ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ

К историографии изучения тюркизмов в русском языке 98
Из истории изучения тюркизмов русского языка 104

ГЛАВА 4.
СОЦИОЛОГИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Урал 125
Стрёма! (из историко-лексикологических маргиналий к одному лексикографическому проекту) 129

ГЛАВА 5.
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

К этимологии топонима *Саратов* 158
О лексической неуловимости архаизаций и инноваций в XIX в. 161
Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях 185

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 204

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА 205

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная книга представляет собой продолжение исследований автора, значительная часть которых была опубликована в книге «Избранные труды по этимологии и лексикологии», однако имеет от нее существенное отличие. В предшествующей книге, как и вообще в многочисленной лингвистической русской историко-этимологической литературе, преобладали конкретные этимологические разыскания, посвященные отдельным словам или их группам; при этом общим проблемам этимологии, ее теоретическим основаниям и методологии исследований уделено значительно меньше внимания. Новая книга автора, как бы обобщающая результаты его предыдущей книги, в большой мере восполняет этот пробел. В новой монографии рассматривается зависимость этимологических разысканий от других лингвистических дисциплин – лексикологии, фонетики, грамматики и т.п., а также текстологии и источниковедения. На многих примерах убедительно показано, насколько неверным является отрыв собственно лингвистического исследования от тщательного филологического рассмотрения источника. Кроме того, здесь обоснована мысль о необходимости расширения круга источников для решения собственно этимологических и историко-лексикологических проблем. В этой связи основное внимание автор уделяет так называемым «бродячим словам», которые распространены в целом ряде языков, отражая прежние связи разных культур и народов. Ярким примером «бродячих слов» являются общие слова Восточной Европы с тяготением к Поволжью, особенно Среднему, где в силу определенных исторических обстоятельств развития этого региона с давних пор присутствует языковая чересполосица, отчасти имеющая место и в настоящее время. Для объяснения этой чересполосицы автор опирается на историю языков и народов как этого региона, так и других областей России и зарубежья, неоднократно сталкивавшихся на перепутьях истории. В разысканиях автора лингвистическая проблематика теснейшим образом пересекается с исторической, что повышает доказательность сделанных выводов. Таким образом, в качестве главного теоретико-методологического вывода утверждается необходимость историко-филологического фундамента для верифицированного суждения о происхождении и истории словарного состава русского языка и языков других народов России.

Глава 1
ВОСТОЧНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Из древнерусской этнонимики

Древнерусское Сорочининъ и греческое **Σαρακηνός**[1]

Исследование древних этнонимов обычно сопряжено с рядом трудностей. Во-первых, среди многочисленных орфографических вариантов этнонимов, подчас довольно сильно отличающихся друг от друга, приходится выбирать в качестве основного один и путем его анализа устанавливать, как он попал в древний памятник. При этом обязательно следует дать точные соответствия звуков в языке-источнике и в языке, который заимствовал данное этнографическое название. Для этого необходимо знать фонологические системы взаимодействующих языков.

Во-вторых, этнонимы не всегда восходят к самоназванию, а иногда заимствуются от какого-нибудь соседнего народа. Причем источник этнонима – самоназвание или название, полученное от соседей, – не всегда можно определить из-за отсутствия достаточного количества надежного исторического материала. Приходится считаться и с возможностью традиционного употребления этнонима, восходящего к совершенно другой эпохе и по традиции переходящего к новым насельникам данной территории[2]. В таком случае этноним является производным от географического названия.

Следует также учитывать возможность случайного совпадения двух разных этнонимов и их контаминации. Такое совпадение может привести к отожествлению этих этнонимов, и в результате этого возможны неправильные выводы. Поэтому для более точного анализа необходимо рассмотреть все варианты этнонима, встречающиеся в памятниках письменности. Анализ разных вариантов этнонима должен учитывать контекст, в котором употребляется термин, только таким путем можно установить исходный вариант.

---

[1] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Из древнерусской этнонимики. Древнерусское *Сорочининъ* и греческое Σαρακηνός // Советская этнография. – 1966. – № 3. – С. 122–128.

[2] *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // Советская этнография. – 1964. – № 2.

Вообще собственные имена в большей степени подвержены сближениям с другими словами, поэтому в их развитии наблюдаются иногда незакономерные изменения их звуковой стороны, обусловленные народной этимологией.

В русских этимологических словарях слово *сарацúны* вместе с производными и вариантами *сарацы́нский, сарачúнский, сракининъ, саракининъ, срацине* (мн. – в Словаре М.Р. Фасмера; *саракинъ* – у А.Г. Преображенского) выводится из греческого σ*αρακηνός*. При этом М. Фасмер ссылается на заметку А.И. Соболевского «Несколько этнографических названий», где рассматривается лишь форма *срацининъ*, заимствованная, по его мнению, от дославянского «очень смешанного населения» Балканского полуострова, в состав которого «входили элементы греческие, романские, германские и др.». «В *срацининъ ц* принадлежит латинскому произношению, – пишет А.И. Соболевский, – а следующее за ним *и* – греческому. Опущение *а* после *с,* по-видимому, также греческое...»[3]. Но примеров на опущение звука *а* в славянских заимствованиях из греческого *языка* автор заметки не приводит; славянские *парьмия, пармия* из греческого παροιμία и *сноксарь* из συναξάριον ничего не доказывают, ибо здесь просто результат выпадения редуцированных звуков[4]. Древнерусское *сорочининъ,* по мнению Соболевского, «представляет скорее самостоятельное заимствование из греческого, чем переделку церковнославянского слова». К этим замечаниям А.И. Соболевского М.Р. Фасмер добавляет, что «формы с к заимствованы непосредственно из греческого»[5].

Что касается этимологии греческого σ*αρακηνός,* то и А.Г. Преображенский, и М.Р. Фасмер выводят его из арабского شرق – *шарк* «восток», повторяя этимологию А. Мухлинского (1858) и Ф. Миклошича (1886)[6]. Однако более аргументированной, на наш взгляд, является другая этимология греческого σ*αρακηνοί*, связывающая этот этноним с названием

---

[3] Русский филологический вестник. – 1910. – Т. 64. – № 3–4. – С. 176–177.

[4] Греческое ν могло дать на славянской почве ь или ъ, которые потом исчезли. Греческое οι, как нам любезно сообщил Б.В. Горнунг, в период создания славянской письменности уже превратилось в монофтонг типа *и* (*i*) и при заимствовании дало ь, который впоследствии исчез.

[5] *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. II. – Heidelberg, 1955. Ср.: *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – Т. II. – С. 252.

[6] *Muchliński A.* Źródłosłownik wyrazów, które przeszły do naszej mowy z języków wschodnich. – СПб., 1858. – С. 114–116; *Mikloisich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. – Wien, 1886. – С. 316.

одного арабского племени. Сначала название этого арабского племени распространилось на всех арабов, а затем на мусульман вообще. Со времен Крестовых походов так стали называть всех нехристиан[7]. Греческое σαρακηνοί и латинское *saraceni,* особенно последнее, проникли во все европейские языки: немецкое *Sarazenen,* французское *sarrasins,* английское *saracens* и т.п. Венгерское *szerecsen* является, по-видимому, славянизмом.

Отметим, что уже Ф. Миклошич, который все славянские формы выводил из греческого σαρακηνός, в качестве единой общеславянской праформы назвал реконструированное ***sorcininŭ***[8]*,* как бы указывая на невозможность выведения всех славянских форм из греческого σαρακηνός и намечая пути поисков новой этимологии.

До сих пор не обращали внимания на то обстоятельство, что греческое σαρακηνός относилось к мусульманам, а славянские названия очень часто относились к половцам, которые мусульманами не являлись, а были язычниками или частично христианами[9]. Поэтому часть славянских форм следует отделить от греческих, если они из них невыводимы. Естественно, что в таком случае поиски источника древнерусского *сорочининъ* надо связывать с тюркоязычными половцами, которые назывались *сорочинами.* Все многочисленные варианты этнонима *сорочининъ*, встречающиеся в русских и южнославянских источниках, можно разделить на три группы:

1) формы, отражающие греческое σαρακηνός и латинское *saracēnus: саракин-* (без окончаний и суффиксов), *сарацин-, сарачин-;*
2) формы с восточнославянским полногласием – *оро-: сорокин-* (в «Архангельских былинах» А.Д. Григорьева, т. III, с. 450–451), *сороцин-, сорочин-;*
3) формы с южнославянским неполногласием *-ра-: сракин-, срацин-, страцин-, срачин-*[10].

Следует заметить, что восточнославянские и южнославянские формы отражаются лишь памятниками XI в. и более поздними, т.е. со времени, когда половцы вышли на историческую арену в Восточной Европе. Западным

---

7 Статья «Sarazenen» И. Мордтмана в «Enzyklopädie des Islams» (Bd. IV. – Leiden; Leipzig, 1934. – C. 173–174) с разбором старых этимологий.

8 *Miklosich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. – C. 316.

9 *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. – Berlin, 1914. – C. 33. О показаниях русских летописей см. ниже.

10 Формы приводятся по картотеке древнерусского словаря Института русского языка АН СССР и по словарю Ф. Миклошича «Lexicon paleoslovenicum-graeco-latinum». – Vindobonae, 1862–1865.

славянам (полякам) слово известно в греко-латинской огласовке. Формы с полногласием и неполногласием, безусловно, связаны общностью происхождения.

Первым, кто обратил внимание на возможность тюркского происхождения этнонима *сарракине* – половцы, был датский тюрколог К. Грёнбек, опиравшийся на соответствующую глоссу известного половецко-русского словарика «Толкование языка половецкого». Он разделял это название на *сарыг* + *ɣына* «маленький половец», предлагая при этом чтение *сарыкына* (?) (с известными сомнениями относительно возможности такого объяснения и сопровождая свою этимологию вопросительным знаком)[11]. Эта этимология вызвала возражения известного алтаиста и синолога Поля Пельо, который считал, что *сарракине* половецко-русского словарика являются всего-навсего *сарацинами* (mais «Sarrakine» signifie simplement «Sarrazins»). Ф.Е. Корш в примечаниях к изданным П.К. Симони «Памятникам старинной русской лексикографии по рукописям XV–XVII столетий» писал по поводу этого слова: «*Σαρακηνοί* (сарацины), как называли турок и арабов греки, а не сами турки»[12].

Если рассматривать только изолированные слова: половецкое *сарракине*, византийское *σαρακηνοί* и латинское *sarraceni,* то предположение о византийско-греческом происхождении термина *сарракине не* вызывает особых возражений. Но если учесть то обстоятельство, что половецкое *сарракине* соответствует не только греко-латинским *sarraceni,* но и разнообразным формам древних славянских памятников, которые с трудом можно возвести к греческому σαρακηνοί, то оказывается, что, по справедливому замечанию А. Зайончковского, «дело обстоит не так уже просто, как кажется с первого взгляда»[13]. А. Зайончковский делает первую попытку разобраться в разнообразных вариантах этнонима (*саракыне, срацини, сарини*), которые отмечены в «Повести временных лет», но, к сожалению, им приведены далеко

---

[11] *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. – Kopenhagen, 1942. – C. 215.

[12] *Pelliot P.* Tängrim > tärim. – T'oung Pao. – T. 37. – Leiden, 1944. – C. 173, со ссылкой на статью В. Банга «Beitrage zur Kritik des Codex Cumanicus». Но на указанной странице (36) в «Bulletin de la classe des lettres etc. d'Académie royale de Belgique» (1911, № 1) никаких высказываний В. Банга относительно этого слова нет. Ср.: *Bang W.* Zu der Moskauer Polowzichen Wörterliste // Bulletins de l'Académie royale de Belgique (classe des lettres). – Bruxelles, 1911; Moskauer Polowzichen Worterliste, «Bulletins de Γ Academic royale de Belgique (Classe des lettres)», Bruxelles, 1911; *Симони П.К.* Памятники старинной русской лексикографии // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. – 1908. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 189.

[13] *Zajączkowski A.* Związki językowe połowecko-słowiańskie. – Wrocław, 1949. – C. 27–30.

не все засвидетельствованные летописцем формы. Заслуживает внимания указание А. Зайончковского на возможность народно-этимологического сближения библейского имени Сарры с этнонимом *сарракине*[14].

А. Зайончковский, анализируя встретившиеся в «Повести временных лет» под 1096 г. термины *срацины, саракыне, сараны*, считает, что здесь, безусловно, сказалась церковно-книжная традиция связывать происхождение народов с определенными библейскими персонажами. Он отмечает также противоречие, в которое впадает летописец, называя половцев то сынами Измаила, то потомками Сарры или Сары (библейский Измаил был сыном не Сары, а Агари: отсюда и другое название – *агаряне*). В качестве гипотезы А. Зайончковский выдвигает предположение, что летописец сопоставил термин *саракыне* с тюркским этнонимом *сары*, зафиксированным в мусульманских источниках, вероятно, известным на Руси. Но эта гипотеза самим Зайончковским не была развита.

Восточные источники упоминают страну и народ *сары* в связи с событиями до середины XI в., когда в Восточной Европе появились половцы.

В персидском тексте Мухаммала Аури рассказывается, что народ *каю* (قای) напал на народ *кун* (قون); последний продвинулся в страну *сары* (ساری), жители которой перешли в страну туркменов (ترکماذیه), а *гузы* (غزان) ушли в страну *печенегов* (بجذاکیه) вблизи Армянского моря[15]. Это же известие содержится в его источнике – сочинении арабского автора Шараф аз-Заман Тахир Марвазӣ под названием Табā'и 'аль-хайаван (Природные свойства животных). В тексте Марвазӣ имеется, однако, некоторое отклонение в транскрипции: персидскому ساری у Марвазӣ соответствует (الشارية), т.е. *с* заменено на *ш*[16]. Аналогичное чередование отмечается в имени половецкого князя *Шарукана*, известного в конце XI – начале XII в. по «Повести временных лет» и упоминаемого в «Слове о полку Игореве». Это имя тоже связывается с тюркским прилагательным *сары*, *сарыг* «желтый» (ср. монгольские *širga, šira,* венгерское

---

[14] Интересно отметить, что эта народная этимология этнонима отразилась даже в примечаниях к изданию «Повести временных лет»: «Сами мусульмане считали себя потомками Авраама и его жены Сарры (отсюда их наименование "сарацины")» – см.: Повесть временных лет. – Т. II. – М.; Л., 1950. – С. 246.

[15] *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. – Berlin, 1914. – С. 40–42 (общей пагинации). Перевод по тексту, изданному В.В. Бартольдом в первой части «Туркестана в эпоху монгольского нашествия».

[16] *Minorsky V.* Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. – London, 1942. – С. 100.

sárga, японское *široi*[17]; ср. также чувашские прилагательные *шурă* «белый, светлый» и *сара* «желтый» с отражением этого чередования).

Известно, что после печенегов в южнорусских степях некоторое время кочевали торки (<тӱрк), которых историки отождествляют с *узами* византийских источников[18] и *гузами* мусульманских источников. «Повесть временных лет» называет также и *торкменов* (*тортменов*), хотя, по-видимому, последние не принимали столь активного участия в столкновениях с русскими, как печенеги, торки, половцы. Под именем *кунов* (латинское *Cuni*, венгерское *Kunok*) половцы известны венгерским летописцам. Но непосредственными виновниками движения *торков* (*узов*, *гузов*) и *торкменов* в страну печенегов были не *куны*, а жители страны *Сары* (*Шары*), которую Маркварт располагает восточнее туркмен[19]. Возможно, что название этой страны *Сары* продолжает жить в казахском *Сары-арқа* – названии степи в районе Арало-Иртышского водораздела (ср. название реки *Сары-су*, протекающей на этой территории). Такое предположение лишь уточняет гипотезу В.Ф. Минорского о том, что народ *сары-шари*(*йя*) жил вблизи Аральского моря и нижнего течения Сыр-Дарьи[20].

Следовательно, *сары* (*шары*) являлись передовым отрядом половцев, которые упоминаются впервые в «Повести временных лет» под 1054 г.: «В сѣм же лѣтѣ приходи Болушь с половци...» Поэтому вполне вероятно, что этноним *половцы* связан с названием народа и страны *Сары* (как это уже предполагал В.В. Бартольд)[21], представляя собой кальку с тюркского этнонима.

Можно предположить, что составителю «Повести временных лет» был известен этот этноним, ибо его реминисценции можно обнаружить под 1096 г.,

---

17 *Menges K.* The oriental elements in the vocabulary of the oldest russian epos, The Igor' tale. Slovo o pъlku Igorevě. – N. Y., 1951. – С. 64–65.

18 *Голубовский П.В.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. – Киев, 1884.

19 *Marquart J.* Über das Volkstum der *Komanen.* – С. 202 (общей пагинации).

20 Ср.: *Minorsky V.* Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. – С. 101.

21 *Бартольд В.* Новый труд о половцах // Русский исторический журнал. – Кн. 7. – Пг., 1921. – С. 142. Ю. Немет (Die Volksnamen quman und qūn «Kőrösi Csoma Archivum». – III. – Budapest – Leipzig, 1940) в статье, посвященной этнонимам *куман* и *кун*, не возражает по существу против объяснения русского *половцы*, армянского *хардаш*, немецкого *Valwen*, чешского *plavci*, венгерского *palocs* как перевода тюркского *сары* «желтый», считая, что другое название половцев, известное древнерусским, византийским и латинским источникам, – *куманы*, греч. *κουμάνοί* или *κομανοί*, лат. *cumani*, *comani*, а также венг. *kunok*, арабское и персидское *кун* полностью соответствует древнерусскому *половцы*, арм. *хардеш* и т.д. Собранный нами материал не дает возможности отдать предпочтение ни одному из существующих объяснений слова *половцы* (калька с тюрк. *сары* или *куман*) перед другим.

где автор говорит о происхождении половцев, совершивших в том году опустошительный набег на Киев: «а *сраꙋини* от Израиля творятся *Сарини* и прозваша имена собѣ *саракыне*, рекше сарини есмы».

Летописец указывает, что имена *сраꙋини*, *саракыне* связаны с самоназванием этих народов, которые сами о себе говорят: «*сарини* есмы». При этом слово *сарини*, понимаемое в этом тексте как притяжательное прилагательное, вероятно, было употреблено вместо этнонима *сары*, воспринятого, очевидно, летописцем в качестве родительного падежа от библейского имени *Сара* (*Сарра*)[22]. На наличие у половцев самоназвания с прилагательным *сары* указывает и глосса в «Толковании языка половецкого»: «сарракине – половчане, рек'ше тотарове». Это *сарракине*, включенное в список половецких слов, безусловно, подверглось сближению с библейским именем *Сарра* (*Сара*) и, возможно, греческим σ*αρακηνοί*.

Кроме того, древнерусское *сорочининъ*, южнославянское *срачининъ* с их вариантами, которые невыводимы из греческого σ*αρακηνός*, в первой своей части содержат прилагательное *сары*, *сарыг*. Вторую часть этого этнонима составляет тюркское слово *кӱн* со значением «народ», переоформившееся в славянских языках и претерпевшее значительные изменения уже на славянской почве: отсутствовавший у славян тюркский звук *ӱ* был заменен звуком *и*, перед которым заднеязычный согласный изменился в шипящую аффрикату, т.е. *кӱн* > *чин*. Последняя часть – *инъ-* – представляет собой суффикс единичности, добавляемый в единственном числе к этнонимам для образования названий представителя народности: ср. Литва – литвин, мордва – мордвин и т.п. Следовательно, тюркское *сары* (*г*) + *кӱн* + славянское *-инъ* дало древнерусское *сорочининъ* и соответствующее ему южнославянское и церковнославянское *срачининъ*.

Кыпчакский звук *ы* (э) не имеет точного соответствия в русском языке, это «задний, краткий, неполного образования, негубной узкий гласный верхнего подъема. В приближенной передаче звук *ы* соответствует русскому

[22] В этом контексте могла отразиться также народная этимология, восходящая к византийским церковным текстам. Такую этимологию можно найти в рукописной «Книге, глаголемой алфавит», относящейся к XVII в.: «Пронырливый же Моамеф, хотя угодити агарянам, повелѣ им нарицатися саррацынами рекше сарриными чады, въклепавшесь в чужую матерь». Автор благодарит Г.А. Богатову за указание на этот пример из картотеки древнерусского словаря в Институте русского языка АН СССР.

а в артикуляции для *ы,* т.е. среднему звуку между русским *а* и *ы,* ближе к *ы*»[23]. Вероятно, близко к нему звучал гласный, который развивался во второй части полногласных сочетаний в восточнославянских языках и впоследствии изменялся в *о*[24].

Следовательно, кыпчакское **сарə-кӱн* в древнерусском языке дало *сорочинъ*. Интересно отметить, что «Повесть временных лет» в описании распределения земель между сыновьями Ноя имеет в соответствии с греческим название какой-то страны Δερ̀βις – *деревни* (впрочем, в славянском переводе «Хроники Георгия Амартола», из которой черпал свои сведения летописец, это название передается как *дерьви*). Если развитие Δερ̀βις > *дереви* не является результатом народной этимологии (сближения со словом *дерево*), то оно могло бы свидетельствовать о развитии полногласия даже в XI в.

Изменение кыпчакского **сарə-кӱн в* древнерусское *сорочин-* указывает на то, что в середине XI в. процесс развития полногласия еще полностью не завершился[25].

Не исключена возможность, что древнерусское *сорочин-* развивалось из тюркской формы с *выпавшим* гласным *ы* (*ə*)*: *саркун* (ср. название хазарской крепости Σὰρκελ (<*сары кел*), имя турецкого предводителя 1300–1345 гг. Σὰρχὰνης (<*Сары хан*), в которых этот кыпчакский гласный *ы* (*ə*) опускался)[26]. Возможно, что упоминаемая у арабского автора ас-Самāнӣ в его «Книге относительных имен» деревня *сāркӱн* ساركون возле Бухары [27] связана с предполагаемым нами половецким этнонимом **Сары кӱн*.

Вообще прилагательное *сары* (*сарыг*), обозначающее цвет, очень часто встречается в тюркских этнонимических наименованиях, о чем можно судить по «Указателю племенных имен» к статье Н.И. [!А] Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения о их численности», составленному Н.З. Бравиным и И.А. Беляевым [28]. Что касается значения слова *сары* в этнониме **сары кӱн,* то оно употреблено не в значении цвета

---

[23] *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. – II. – М., 1952. – С. 31; Қазіргі қазақ тілі. – Алматы, 1954. – С. 108–109.

[24] *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 711.

[25] *Ekblom R.* Die ostslavische Pleophonie // Zeitschrift fur slavische Philologie. – XXIV. – H. 1. – Heidelberg, 1955. – С. 1–9.

[26] *Moravcsik Gy*. Byzantinoturcica. – II. – Berlin, 1958.

[27] The Kitāb al-Ansāb of Abd al-Karīm ibn Muhammad al Sam'anī reproduced in facsimile from the manuscript in the British Museum Add 23, 355 with an introduction by D.S. Margoliouth. – Leyden; London, 1912. – С. 285 об.

[28] Записки Русского географического общества по отделению этнографии. – СПб., 1903. – Т. 28. – Вып. 2.

и поэтому не может обозначать ни цвет волос, ни цвет кожи, ни название лошадиной масти, ни наиболее распространенный цвет почвы в районе кочеваний этого народа. Представляется наиболее вероятным, что цветовое обозначение в этом этнониме выступает как символическое название страны света. Известно, что тюрки пользовались двумя системами обозначения стран света с помощью цветовых наименований – китайско-уйгурской и буддистско-ламаистской [29]. Согласно первой системе желтый цвет обозначал центр, согласно второй – север.

Что касается мнения И. Маркварта относительно того, что русская летопись причисляет половцев к мусульманам [30], то такой вывод является преждевременным. Вставленное в «Повесть временных лет» под 1096 г. рассуждение о происхождении половцев противопоставляет последним мусульман-хорезмийцев (*хвалиси*), а также мусульман-булгар. Летописец решительно возражает тем, кто называет *половцев-срацинов* «сынами Амоновыми»: «Се же нѣс[ть] тако: с[ы]нове бо Моавли хвалиси, а с[ы]н[о]ве Аммонови Болгаре, а срацыны от Измаиля творятся сарини и прозваша имена собѣ саракыне, рекше сарини есмы. Тѣм же хвалиси и болгаре суть от дечерю Лотову, иже зачаста от отца своего, тъмъ же неч[и]сто есть племя ихъ». Составитель данного рассуждения не удержался от соблазна сблизить известных ему *сорочин – сары кӱн* с библейскими именами, однако он отделяет Измаиловых сынов – половцев от мусульман. Кстати, мусульманство в «Повести временных лет» по ранним спискам называется не *срацинской верой* (такое название встречается в поздних летописных сводах), а *верой бохмичей*, т.е. *верой Бохмета – Мухаммада*.

Например, в Никоновской летописи под 990 г. сообщается, что «посла Володимеръ философа, нарицаемаго Марка Македонянина, въ Болгары, иже есть во Агаряны, еже Измаилтене глаголются и Срацини, яко отъ Сарры наречни отъ свободныя, яко Агарь раба бяше Саррѣ, и по многих наименований и Бесермени нарицаются, и Тотары, и друзии имена ихъ дѣмонскиа». Аналогичные рассуждения содержит эта же летопись в «Сказании о хулнѣй вѣрѣ Сраниьстѣй» (990). Начинающая описание событий 986 г. фраза

---

[29] *Gabain A.* Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // Acta orientalia. – T. XV. – Fasc. 1–3. – Budapest, 1962. – C. 111; *Ludat H.* Farbenbezeichnungen in Volkernamen. – Saeculum V. – 1954. – C. 148–151; *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз».

[30] *Marquart J.* Über das Volkstum der *Komanen.* – C. 33.

«Придоша Болъгары вѣры Бохъмичѣ» в «Никоновской летописи» передается: «Прииидоша Срацыни къ Володимеру вѣры хощеши» (с переделкой Бохмичѣ в *хощеши*).

Следовательно, близкое звучание тюркского этнонима **сары кӱн* и греческого наименования мусульман σαρακηνοί, которые могли совпасть в древнерусской передаче в *сорочине*, привело в дальнейшем к путанице, к слиянию двух разных слов в одно. Вероятно, встречающаяся в древнерусских памятниках неполногласная форма *срачине* является церковнославянским гиперизмом по отношению к *сорочине*. «Повесть временных лет» знает в основном неполногласные формы, встречающиеся в тех местах летописи, где летописец стремится говорить по-книжному. Лишь под 1116 г. при описании событий в Подунавье упоминаются *два Сорочинина*, которые убили царевича Леона (Ипат. летопись). Скорее всего, эти *сорочины* были представителями западных половцев.

У южных славян это слово появляется тоже в XI в., но в южнославянской огласовке *сраџине* (Супральская рукопись – памятник старославянского языка XI в.). Являются ли южнославянские формы типа *сраџине* результатом развития тюркского **сары кӱн* или результатом переделки по южнославянскому образцу восточнославянских форм с полногласием, следует решать на южнославянском материале.

При переводе с греческого языка «Хроники Георгия Амартола» древнерусское название недавно появившегося половецкого народа – *сорочине*, *срачине* и т.д. – было использовано для перевода какого-то неизвестного греческого σαρακηνοί. Иногда это греческое слово оставалось без перевода, лишь подвергаясь транслитерации. Смешению восточнославянских и церковнославянских слов с греческими способствовала также, помимо близости их звучания, неясность значения: ведь половецкие самоназвания **сары кӱн* и *куман* полностью были вытеснены из древнерусского языка словом *половцы*, которое является просто древнерусской калькой с самоназваний.

Половцы и поле[31]

Многолетние споры вокруг «Слова о полку Игореве» то затухают, то разгораются вновь. «Комсомольская правда» (6 июля 1968 г.) опубликовала статью О. Сулейменова «Невидимые слова». К сожалению, не все ее положения соответствуют данным современного языкознания.

Так, название *половец* (древнерусское *половьць*, *половьчинъ*) автор возводит к слову *поле* и ошибочно восстанавливает для древнерусского языка форму *полъвец* (?). Однако в корне пол^{ь}-е согласный *л*^{ь} всегда мягкий и производное от него существительное со значением ‘обитатель поля’ могло бы звучать только как **полевьць* → **полевец*.

На самом деле слово *половцы* образовано от прилагательного *половый* ‘желтый’ и представляет собой дословный перевод половецкого самоназвания *куман* ‘желтый’.

Излагая как свое открытие высказанное ранее в науке отождествление загадочного эпитета «Слова…» *харалужный* с прилагательным *каролингский*, *карлязский* (чему препятствуют не только звуковые различия, но и разные суффиксы), О. Сулейменов высказывает не подкрепленные никакими фактами предположения: «Французов древние славяне назвали “королями” или “королевичами”, порой употребляя для этого книжное латинское (?) слово caralus (“каралус”) – король».

Забыв, что «Слово о полку Игореве» – поэтическое произведение, образы которого не всегда укладываются в привычные каноны традиционной поэтики, О. Сулейменов на основе того, что щит часто противопоставляется мечу, пытается доказать, что «дети бесовы (половцы) перегородили поле клинками», а не кликами, как читается в «Слове». В слове *клик* он видит «типичный пример невидимого тюркизма» – тюркское название меча или сабли *кылыч*, *кылыш*, *кылыс*, *килич* (причем последняя форма сравнительно новая). Правда, эти тюркские названия приведены неточно: *клич*, *клыш*, а приведенный в статье вариант *клык* вообще никакому тюркскому языку не известен.

В другом месте *засапожники* и стоящее рядом слово *клики* читается вольно: как *засапожные клики*.

---

[31] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Половцы и поле // Русская речь. – № 6. – 1968. – С. 105.

В статью вкрались досадные опечатки, которые превращают реку *Немигу* в *Немичу*, а загадочные *хиновские стрелы* в еще более загадочные *хиповские*.

Очень жаль, что важная и серьезная тема о восточных словах в языке «Слова о полку Игореве» получила на страницах «Комсомольской правды» недостаточно квалифицированное освещение.

Хазары и русское правописание[32]

Названия народов (лингвисты обычно называют их этнонимами) относятся к именам собственным, хотя в русской орфографии установилась традиция писать их со строчной буквы. Орфография этнонимических названий часто зависит от того, знакомы ли мы с этими народами непосредственно или через носителей других языков. Кроме того, важно учитывать, давно или недавно возникло знакомство, являются ли они нашими современниками или же принадлежат истории. Часто бывает, что с течением времени меняется традиция написания таких слов.

Интересно название одного древнего тюркоязычного народа средневековой Восточной Европы. Даже в справочных изданиях оно пишется по-разному. «Орфографический словарь русского языка», изданный Институтом русского языка АН СССР (начиная с издания 1956 г.; 6-е издание – 1965), в качестве единственно возможного написания рекомендует *хозарский*, *хозары*, а второе издание «Большой Советской Энциклопедии» – лишь *хазарский*, *хазары* (с уступкой в написании геологического термина *хозарский ярус*, в котором допускается также вариант *хазарский ярус*). Такая двойственность встречается даже в изданиях для школы. Учебник истории употребляет вариант *хазары*, а в учебнике литературного чтения и в школьном орфографическом словаре находим *хозары*. Подобный разнобой нарушает единство орфографического режима в школе. Он, однако, не исчерпывается двумя вариантами: в исторических трудах иногда встречается также написание *козары*, *козарский*. Например, его можно найти в переиздании «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьева (Кн. 1. – М., 1959). В 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», который, как правило, обстоятельно отражает историю орфографического облика слова, оно не отмечено совсем. Там находим лишь варианты *хозары*, *хозарский* (как основные) и *хазары*, *хазарский* (как устаревшие).

Вообще же написание *хазары* встречается преимущественно в трудах историков и лингвистов, которые непосредственно занимались вопросами исторической этнографии Восточной Европы VI–X вв.: в «Сочинениях»

[32] Первая публикация*: Добродомов И.Г.* Хазары и русское правописание // Русская речь. – № 3. – 1968. – С. 63–64.

В.В. Бартольда (Т. I–VI. – М., 1963–1967), в книге М.И. Артамонова «История хазар» (Л., 1962), в книге Б.Н. Заходера «Каспийский свод сведений о Восточной Европе» (М., 1962) и др. Орфографический вариант *хозары* встречается в трудах неисториков или тех ученых, которые специально вопросами этнической истории Восточной Европы не занимались – см., например, в «Курсе русской истории» В.О. Ключевского (М., 1907 – отдельное издание: Сочинения. – Т. 1. – М., 1956).

Какой же из трех вариантов можно оправдать исторически?

Этимология этого этнонима может считаться установленной. Название *хазары*, по мнению многих ученых, происходит от тюркского глагола *каз-* ‘бродить, шататься, кочевать’ в форме причастия *казар*. Ударение, вероятно, падало на последний слог, отсюда закономерна его древнерусская передача *козары* с *о* в безударном слоге: в старых заимствованиях безударное а часто передавалось как *о*. Возможно, сказалось здесь и сближение со словом *коза* – **козарь* ‘козий пастух’. Правда, такое предположение все же маловероятно.

Глубокозаднеязычный тюркский согласный *қ* в древнерусском языке преобразовался в обыкновенный взрывной заднеязычный *к*, в других языках он был при передаче слова *казар* заменен щелевым заднеязычным *х*, однако гласный начального слога остался без изменения: отсюда латинское *Chazari*, греческое χάζαροι. Сходным образом слово звучит в армянском, арабском, персидском и сирийском языках. Сводку различных отражений этнонима *қазар* в разноязычных средневековых источниках можно найти в капитальном труде венгерского византиниста Дьюлы Моравчика «Byzantinoturcica» (Berlin, 1958). От того же тюркского корня *қаз-*, но в более позднюю эпоху было образовано существительное *казак* (*козак*), которое значило первоначально ‘бродяга’. Наименование предшественников казачества *бродники* представляет буквальный перевод какого-то образования от тюркского глагола *қаз* – ‘бродить’.

Кстати, М. Фасмер в «Этимологическом словаре русского языка» анализирует данный этноним под словом *козары*, а варианты *хозары*, *хазары* не приводит даже как ссылочные. Написание *козары*, *козарский* постоянно употреблялось в русском языке начиная с XI в., когда память о государстве этого во многом загадочного народа и его связях с древними русами была еще очень свежа. В картотеке «Словаря древнерусского языка XI–XIV веков» Института русского языка АН СССР представлены только написания *козары*,

козарский. Материалы другой картотеки – Малого древнерусского словаря XI–XVII вв. – указывают на такое написание вплоть до XVI в., когда стал употребляться вариант *казары* (особенно в прозвище *Казарин*), который можно объяснить как отражение аканья на письме. Написание *хазары*, *хазарский* появилось в трудах историков, которые пользовались иноязычными источниками. *Хазары* – просто русская транслитерация греческого и латинского облика этого же тюркского слова.

Появившаяся вскоре компромиссная орфография *хозары* была вызвана стремлением примирить древнерусское *козары* с новым вариантом *хазары*: древнерусское написание дало *о* в первом слоге, а транслитерация этнонима из иностранных источников – *х* (вместо *қ*), отсюда *хозары*. Поэтому возникает колебание *козары – хазары – хозары*. Например, в произведениях А.С. Пушкина встречаются два последних варианта:

младой *хазарский* хан Ратмир

«Руслан и Людмила»;

отмстить неразумным *хозарам*

«Песнь о Вещем Олеге».

Из трех встречающихся сейчас написаний (*козары – хазары – хозары*) исторически оправданными следует считать два первых: *козары* – отражает звуковые особенности древнерусской передачи названия, *хазары* – восходит к европейской и восточной традиции. Орфография же *хозары* не имеет под собой никаких оснований, к тому же она отвергнута специалистами, поэтому вряд ли желательно искусственное насаждение ее авторитетом орфографического словаря, в следующем издании которого, очевидно, надо сделать соответствующее направление.

Из булгарского вклада в славянскую антропонимию (к этимологии имени *Борисъ*)[33]

Не подлежит сомнению, что предки современных славянских народов должны были уже в древнейшее время иметь связи с разными тюркскими народами. Кочевые тюркские народы последовательно сменяли друг друга в степях Восточной Европы: гунны, авары (известные древнерусским летописцам под именем *обры*), булгары, затем печенеги, торки, половцы и т.д. Часто эти связи были очень тесными: так, например, дунайские булгары полностью растворились среди славян. После них дунайские славяне стали называться болгарами, получив это наименование от булгаров, говоривших на тюркском языке типа чувашского. Поэтому-то древнечувашский язык называется булгарским[34].

Начавшиеся в середине I тысячелетия связи славян с тюрками до сих пор изучены недостаточно глубоко. Это связано с нерешенностью вопроса об этнической принадлежности гуннов, а также со скудостью наших сведений о гуннском, аварском и булгарском языках. Существует мнение, что и гуннский, и аварский (обрский) языки были языками булгарско-чувашского типа. Многовековые контакты славян с носителями булгарского (древнечувашского) языка не остались без последствий для славянских языков. В разных славянских языках содержатся заимствования из булгарского языка или, скорее, булгарских языков, причем эти булгаризмы славянского словаря до сих пор не имеют систематической историко-лингвистической обработки. Суперстратные и адстратные булгаризмы в славянских языках должны изучаться в связи с историей и географией их распространения.

История этимологизирования славянского личного имени *Борисъ* представляется весьма поучительной во многих отношениях, тем более что было предложено большое количество различных объяснений происхождения этого имени, хотя общая оценка существующих до сих пор толкований может быть дана только в негативном плане.

---

[33] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Из булгарского вклада в славянскую антропонимию (к этимологии имени *Борись*) // Антропонимика. – М., 1970. – С. 229–236.

[34] Чтобы не смешивать древний тюркский булгарский (древнечувашский) язык со славянским и болгарским языками, эти названия пишутся по-разному. При этом в названии *булгарский* гласный *у* отражает бóльшую старину.

Прежде всего предложенная уже давно этимология имени *Борисъ* как уменьшительной или сокращенной формы от имени *Бориславъ* [35] представляется неубедительной хотя бы только на том основании, что многие имен на *-славъ* не имели подобного рода «сокращенно-уменьшительных» форм. Ср. у Г.Г. Гинкена: «Уменьшительных вроде *Борисъ*, т.е. соответствующих таким полным именам, у которых вторая часть начинается со звука *с*, например, *славъ*, в русских памятниках почти не встречается»[36] (это «почти», вероятно, относится к единственному *Борисъ*).

На основании того, что имя первого крещеного болгарского царя в византийских источниках передавалось как Βόγορις, Βώγωρις, Βορίσης, В. Томашек предложил новую этимологию болгарского личного имени *Борисъ*, якобы восходящего к монгольскому прилагательному *boghori* ‘низкий, маленький (niedrig, klein)’ [37]. Подобная этимология, хотя она и объясняла только часть слова, а не все слово целиком, оставляя в стороне конечный согласный *-с-*, который не мог получить истолкования ни на славянской, ни на алтайской почве, получила широкое распространение во многих справочных изданиях (например, в «Этимологическом словаре русского языка» М.Р. Фасмера). Это обстоятельство тем более странно, что еще в 1951 г. этимология В. Томашека была подвергнута детальной критике востоковедом К. Менгесом, который в монгольских словарях не мог обнаружить предполагаемого В. Томашеком монгольского *boγori* ‘низкий, маленький (low, small)’. Он нашел в письменном монгольском языке лишь отдаленно напоминающее первоисточник прилагательное *boγoni*, *boγuni* со значением ‘низкий (low)’, причем это прилагательное, вероятно, было прочитано В. Томашеком ошибочно [38]. Следовательно, этимология

---

[35] *Гинкен Г.Г.* Древнейшие русские двуосновные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. – III. – 1893. – Вып 4. – С. 445; того же мнения придерживается Т. Маретич («O narodnim imenima i prezimenima u hrvata i srba». – Zagreb, 1886). В последнее время в пользу этой гипотезы высказался О.Н. Трубачев (см.: «Этимология, 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов». – М., 1968. – С. 8). Ср. также своеобразное варьирование этой этимологии у С. Роспонда (Вопросы языкознания. – 1965. – № 3. – С. 12).

[36] *Гинкен Г.Г.* Указ. соч. – С. 447. – Сноска 2.

[37] *Tomaschek W.* Bulgaroi // Paulys Real-Enciklopädie der classischen Altertumwissenschaft. – Bd. 3. – Stuttgart, 1899. – С. 1044; ср.: *Bromberg J.* Toponimical and historical Miscellanies on Medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia, II // Byzantion. – 1938. – XIII. – Fasc. 1. С. 22; *Бешевлиев В.* Първо-български надписи // Годишник на Софийския ун-т. Историко-филол. фак. – Кн. XXXI. – Ч. 1. – София, 1934. – С. 146.

[38] *Menges K.H.* Altaic Elements in the Protobulgarien Insciptions // Byzantion. – 1951. – XXI. – Fasc. 1. – С. 116. Менгес делает ссылку на «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского (Казань, 1846. – С. 1160–1161).

В. Томашека должна быть признана ошибочной и основанной на недоразумении.

К. Менгес высказывает предположение, что в основу славянского антропонима *Борисъ* могло бы лечь тюркское название волка *бӧри*, тем более что подобные «звериные» имена у древних тюрков были широко распространены, но отсутствие видимых причин для возникновения *-с* на алтайской и славянской почвах побудило К. Менгеса признать такую этимологию невозможной. И все-таки это объяснение К. Менгеса было подхвачено болгарским тюркологом Э. Боевым[39].

Сам К. Менгес предположил, что «если имя алтайского происхождения, то оно может быть идентично с наименованием тигра, пантеры или леопарда, которое встречается в орхоно-енисейских и уйгурских памятниках, у Махмуда Кашгарского и т.п. в виде *барс*». В орхоно-енисейских надписях встречается собственное имя *Барс-бег*, в юридических документах уйгуров – двойное мужское имя *Барс* (*Барз*)-*Бука*[40].

При этом славяне заимствовали, по К. Менгесу, это слово из такого древнего тюркского диалекта, в котором избегается сочетание согласных в конце слова и существительное *барс* имеет фонетический облик несколько другой – *барыс* (такая форма встречается, например, в современных казахском и каракалпакском языках). В классических памятниках старославянского языка имя *Борисъ* не встречалось (оно там и не должно было встречаться: ведь это переводы богослужебной литературы), поэтому К. Менгес предполагает, что имя *Борисъ* попало в болгарский именник уже после среднеболгарского слияния *ы* и *и* в одном звуке *и*: *Борисъ* < **Борысъ*. Действительно, случаи совпадения звуков *и*, *ы* в *и* или *ы* наблюдаются уже в старославянских памятниках XI в., но широко они распространились в среднеболгарский период[41]. Однако наличие имени *Борисъ* уже с X в. в древнерусском языке, где на протяжении всей истории отчетливо противопоставляются гласные *ы* – *и*, говорит против гипотезы К. Менгеса: булгарское имя **Барыс* на Руси получило бы оформление **Борысъ*, чего мы на самом деле не находим.

---

39 *Боев Е.* За предтурско-тюркско влияние в българския език. Още няколко прабългарски думи // Български език. – 1965. – XV. – Кн. 1. – С. 8.

40 *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951. – С. 368.

41 *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. – М., 1957. – С. 179.

Общим недостатком всех разобранных здесь этимологий является то, что они не учитывают всего многообразия форм этого имени в славянских, булгарских и византийско-греческих источниках. В.Н. Златарский установил, что византийцы обычно передавали это имя как Βορίσης, или Βωρίσης, а формы Βώγωρις или Βόγαρις, по его мнению, являются византийскими искажениями; в булгарских (протобулгарских) надписях, сделанных булгарами (болгарами), это имя передавалось Βορης[42]. Д. Моравчик, ссылаясь на книгу В.Н. Златарского «История на българската държава през срѣднитѣ вѣкове» (София, 1927. – Т. I. – Кн. 2. – С. 1), указывает: «Следует заметить, что в древних славянских (altslavischen) текстах наряду с формой *Борисъ* также встречается форма *Боришъ*»[43]. Именно последняя форма встречается в кратком житии св. Наума, ученика Кирилла и Мефодия, в списке XVI в.: «повелѣнием благочьстиваго цара блъгар'скаго Михаила *Бориша* и сына его Симеона цара».

Ср.: «Кнѣза же їхь *Бо́риша*, пакы́ битѐнскою банѐю обнови́» в «Кратком (проложном) житии св. Климента Охридского», приписываемом охридскому епископу Димитрию Хоматиану (1216–1234) по рукописи XIII–XIV вв., изданной Йорданом Ивановым[44]. В греческом тексте ему соответствует Βορίσην.

В.Н. Златарский регистрирует также употребление формы *Боришъ* в каком-то памятнике, цитируемом Г. Баласчевым в книге «Климент Словенски» (София, 1898. – С. ҂КН)[45], однако последняя работа осталась мне недоступной.

В заголовке перевода хроники И. Малалы встречается форма *Боришъ*, но как притяжательное прилагательное: «при князи блъгарьстѣмъ Симеонѣ, сынѣ *Бориши*»[46]. В силу этого ссылка В.Н. Златарского на данный источник, будто бы подтверждающий наличие славянской формы имени *Боришъ*, лишена основания.

---

42 *Златарски В.Н.* Намереният в Албания надпис с името на българския княз Бориса Михаила // Slavia. – 1923. – Rocn. II. – Ses. 1. – С. 90.

43 *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica, II. – Aufl. 2. – Berlin, 1958. – С. 96.

44 *Ковачевић Л.* Неколико прилога на црквену и политичку историју јужних словена // Гласник српскога ученог друштва. – Кв. 63. – Београд, 1885. – С. 3; *Иванов Йор.* Български старини из Македония. – 2-е изд. – София, 1931. – С. 313.

45 *Златарски В.Н.* История на българската държава през средните векове. – Т. I. – Кн. 2. – София, 1927. – С. 1.

46 *Калайдович К.* Иоанн эксарх болгарский. – М., 1824. – С. 178.

Итак, в имени *Борисъ* обнаруживается колебание в области консонантизма, причем наличие свободного чередования *с/ш* никак нельзя объяснить влиянием польских мазуракающих или древнерусских псковских говоров, где встречается частая мена *с/ш*[47]. Эта мена *с/ш* получит более легкое объяснение, если учесть, что такая мена шипящего и свистящего известна тюркским языкам.

В основе славянского имени лежит булгарское отглагольное имя действия на *-иш* (*-ис*) от глагола *бäр-* ‘давать, подавать’ – **бäриш* (**бäрис*), причем славянские формы на *-съ* и на *-шъ* восходят к различным тюркским булгарским диалектам. О формах общетюркского глагола *бäр-* в различных тюркских языках см. под словом *пар* ‘давать’ в «Этимологическом словаре чувашского языка» В.Г. Егорова (Чебоксары, 1964). Суффиксу *–иш* (*-ис*) в современном чувашском языке соответствует суффикс *-ăш* (*-ĕш*), сохраняющий общетюркское значение. Древнее булгарское имя **Бäриш* (**Бäрис*) переходило к славянам в тот период, когда в булгарском языке начиналось изменение общетюркского *ä* > чув. *а*, но когда *и* еще сохраняло свое прежнее звучание, находясь под ударением: ** Бäриш* > ** Бариш*. Славяне закономерно передали безударное тюркское краткое *а* своим обычным звуком *о*.

Имя *Бäриш* широко известно у тюркских народов. Например, Л. Рашоньи приводит тюркское имя برش *Beriš* из книги арабского писателя Ибн Ияса под 1421 г., а также указывает на существование казахского рода *Токберишъ* с именем *Бериш* во второй части[48].

Возможно, что это же самое имя отражено в чувашских языческих именах *Парыска*, *Парышъ*, *Порысъ*, *Парисъ*, *Борысъ*, *Борышка*, *Борисъ*, собранных В.К. Магницким, причем имя *Борисъ* отмечалось также и как древнее марийское (черемисское) имя[49].

Имя *Борисъ* – *Боришъ* отмечается у дунайских булгаров как имя царя (852–889 гг.), принявшего крещение в 864 г. и получившего имя *Михаил*. Появление имени *Борисъ* на Руси также связано с булгарами. Это имя носит один из сыновей крестившего Русь Владимира, среди многочисленных жен

---

47 *Селищев А.М.* Соканье и шоканье в славянских языках // Slavia. – 1931. – Rocn. X. – Ses. 4 (доказывается субстратный или суперстратный характер неразличения шипящих и свистящих в славянских языках).

48 *Rasonyi Nagy L.* Der Volksname *Берендъи* // Seminarium Kondakovianum. – VI. – Praha, 1933. – C. 223. – Сноска 59.

49 *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. – Казань, 1905.

которого были и булгарки. Заслуживает внимания то обстоятельство, что мать Бориса Владимировича была именно булгаркою: «Володимеръ... роди... от Болгарыни Бориса и Глѣба» (Лаврентьевская летопись под 980 г.)[50]. Можно предположить, что мать Бориса (его христианское имя Роман) была приведена Владимиром из знаменитого похода 985 г. против волжских булгаров:

«Иде Володимеръ на Болгары, с Добрыною съ воемъ своимъ в лодьях. а Торъки берегомъ приведе на коних и побѣди Бол[г]ары реч[е] Добрына Володимеру съглядахъ колодникъ. иже суть вси в сапозѣх. симъ дани намъ не даяти поидемъ искатъ лапотниковъ. и сотвори миръ Володимеръ с Болгары, и ротѣ заходиша межу собѣ. и реша Болгаре. толи не будеть межю нами мира, елико камень начнеть плавати а хмель почнет тонути. и приде Володимеръ Киеву»[51].

Правда, составитель «Повести временных лет» здесь ничего не говорит о женитьбе Владимира на «болгарыне», вероятно, потому, что о ней уже говорилось под 980 г., где были осуждены действия Владимира-язычника как многоженца.

Любопытно, что эти Борисъ и Глѣбъ были князьями на самом востоке Киевской Руси: «Володимеръ... посади... Бориса Ростовѣ а Глѣба Муромѣ» (Лаврентьевская летопись под 988 г.)[52]. Такими действиями Владимир хотел, вероятно, обезопасить Киевскую Русь с востока, посадив на ее восточных границах своих детей-полубулгар, которые могли бы поддерживать дружеские отношения с могущественными родственниками.

Следовательно, можно предполагать, что на Русь имя *Борисъ* попало без болгарского посредства (дунайских болгар), а непосредственно от волжских булгаров.

Булгарское чередование звуков *с/ш* в булгарских диалектах обнаруживается также в древнем кавказском адыгском этническом названии *касоги* (в русских летописях), которое в мусульманских источниках передано как كشك *кäшäк*.

Если учесть явление булгарско-чувашского ламбдаизма, которое заключается в том, что общетюркскому *ш* в чувашском языке соответствует *л*

[50] См.: Полное собрание русских летописей. – Т. I. – 2-е изд. – Л., 1926. – С. 80.
[51] Там же. – С. 84.
[52] Там же. – С. 121.

(татарск. *таш* ‘камень’ = чувашск. *чул*; татарск. *көмөш* ‘серебро’ = чувашск. *кĕмĕл*; татарск. *төш* ‘сновидение’ = чувашск. *тĕлек* и т.п.), то к рассмотренной группе славянских личных имен булгарского происхождения необходимо будет также привлечь личное имя булгарского царя 1207–1218 гг. – *Борилъ* (в византийской передаче Βορίλας), которое до сих пор не получало общепризнанного этимологического объяснения.

Итак, имя *Борисъ* было трижды заимствовано славянами из разных древних булгарских диалектов: *Борисъ, Боришъ, Борилъ*.

Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка[53]

В чувашском языкознании существовала довольно устойчивая традиция считать арабские и персидские заимствования единым вкладом этих языков в чувашскую лексику[54]. Эта традиция сложилась в основном под влиянием лексикологических разысканий на базе тюркских языков мусульманских народов, в которых этот вклад действительно был единым, связанным с кругом понятий ислама. Вместе с тем в чувашский язык многочисленные арабские и иранские элементы заимствовались совершенно иначе, т. е. не в комплексе, а по отдельности из разных языков и в разное время. Поэтому иранские (так же как и арабские) лексические элементы чувашского языка, в основном уже выявленные, требуют дифференцированного подхода с целью установления более точной хронологии и непосредственного источника заимствования.

Среди иранских заимствований чувашского языка целесообразно выделить аланский пласт, восходящий к языку ираноязычных кочевых племен Северного Причерноморья, впоследствии ассимилированных тюрками и другими народами Восточной Европы. Часть алан, сохранившая свой язык, участвовала в этногенезе осетин. Последнее обстоятельство делает особенно важным сопоставление чувашской и осетинской лексики и выявление аланского пласта среди иранизмов чувашского языка.

До сих пор этимологи не обращали внимания на периферийное чувашское обозначение лошади: *пах* детск. ‘лошадь’; *пах* или *пах-пах* ‘так подзывают лошадей и жеребят’; *пах-т’ыйха* ‘жеребенок’; *пахха*, *паххи* детск. ‘лошадь’; *пох* ‘так подзывают лошадей’ (*пох, пох, пох*); *пăх* ‘так манят

---

[53] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Советская тюркология. – № 2. – Баку, 1980. – С. 21–29.

[54] *Федотов М.Р.* Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке // Учен. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Вып. XXVI. – Чебоксары, 1963. – С. 89–124; *Скворцов М.И.* Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику // Учен. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Вып. XXXIX. – Чебоксары, 1969. – С. 139–153. В последней статье термины *персидский, фарсизмы* автор сохранял как дань традиции, хотя указывал, что правильнее было бы говорить об иранском источнике и об *иранизмах*. Традиции следует: *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М., 1978. – С. 122–124.

жеребят'[55]. Среди тюркских языков это слово имеет сходную параллель лишь в татарском – детск. [56] *бахбай* 'лошадка; жеребенок' и слово *бах* или *бah* (подзыв лошади).

Сводный диалектный «Словарь русских народных говоров» (Вып. 2. – М.; Л., 1966. – С. 152) отмечает близкую по звучанию и значению лексему в русских вятских говорах: *бах* 'старая или замореная лошадь, кляча', также не получившую пока этимологической разработки. Указание В.И. Абаева на созвучие этого слова с осетинским названием лошади *бæх* (bæx), которое он считает кавказским субстратным словом[57], требует дальнейшего уточнения, ибо отдаленность Кавказа от северных областей России говорит против возможности такого заимствования. Вместе с тем близость чувашско-татарских форм к русскому диалектизму *бах* не может считаться случайной.

Совсем недавно было обращено внимание на созвучное всем указанным лексемам старорусское слово *бахмат* 'ногайская лошадь, боевой конь' [58]. В сопоставляемой паре *бах – бахмат* второе слово едва ли может быть производным от первого, поскольку неясна природа «дополнительной части» второго слова. Однако слово *бах* и сходные с ним могут быть объяснены как результат сокращения слова *бахмат*.

Попытка этимологизации этого старинного коневодческого термина, известного также и в польском языке, была предпринята уже в конце XVIII в. польским востоковедом-любителем А.К. Чарторыйским (1732–1824), писавшим об этом в статье «Slowniczek wyrazów przyjętych do mowy poiskiey ze wschodnich języków», опубликованной уже после его смерти, в 1828 г., в первой книжке львовского журнала «Czasopism Naukowy Księgozbioru Publicznego imienia Ossolińskich». А.К. Чарторыйский выводил bachmat из сочетания персидского پهن pähn 'широкий, просторный, обширный' и тюркского at 'конь'[59].

---

[55] *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. – Вып. IX. – Чебоксары, 1935. – С. 143, 148; Вып. X. – Чебоксары, 1936. – С. 57, 169.

[56] «Толковый словарь татарского языка» (Т. I. – Казань, 1977. – С. 135) помечает слово *бахбай* как разговорное и ласкательное, а Р.Г. Ахметьянов в статье «Некоторые названия лошадей в татарском языке» (Советская тюркология. – 1975. – № 2. – С. 70) квалифицирует как просторечно-ласкательное. Чувашские параллели остались в последней статье неучтенными.

[57] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М.; Л., 1958. – С. 256.

[58] *Добродомов И.Г.* Язык исчез – слова остались (Об аланских словах в русском языке) // Русская речь. – 1977. – № 1. – С. 93.

[59] *Reychman J.* Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII w. – Wroclaw, 1950. – С. 118.

Этимология А.К. Чарторыйского получила широкое распространение в различных словарях и исследованиях особенно благодаря словарю восточных элементов польского языка профессора Петербургского университета А.О. Мухлинского [60]. В 30-е гг. XX в. польский тюрколог А. Зайончковский подверг этимологию А.К. Чарторыйского (в редакции А.О. Мухлинского) резкой критике, утверждая, что персидское прилагательное پهن pähn семантически не может быть отнесено к коневодческой лексике и неизвестно тюркским языкам. Но и этимология А. Зайончковского, заменившего в той же схеме персидское پهن pähn на чрезвычайно редкое (и, кажется, неизвестное тюркам) арабское بهيم bahīm со значением «конь чистой масти (без примеси и пежин)» [61], имела тот же недостаток, что и предыдущая, и в современной языковедческой литературе отклика не получила (см. примечание на с. 29).

Этимология загадочного русского архаического (XVI–XVII вв.) названия низкорослой боевой лошади тюркских кочевников из степей Северного Причерноморья *бахматъ*, предложенная К.Г. Менгесом, в последнее время стала почти общепризнанной. Согласно этой этимологии, коневодческий термин *бахматъ* восходит к мусульманскому личному имени محمد *Мухаммад* (в тюркской огласовке *Бахмат*), весьма распространенному у тюрков-мусульман[62]. Следовательно, конь был назван по имени всадника, что могло произойти только на почве русского языка, ибо у самих тюрков-мусульман это весьма престижное у них личное имя на коня перенесено быть не могло. Г.Ф. Одинцов, как будто безоговорочно принимающий этимологию К.Г. Менгеса, фактически вопреки ей, на основе исторических сопоставлений, справедливо постулирует и убедительно доказывает ногайское происхождение

---

60 *Muchliński A.* Źródłosłownik wyrazów, które przesły wprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich. – Peterburg, 1858. – C. 5.

61 *Zajączkowski A.* O zapożyczeniach wschodnych w języku polskim. – II. – Poradnik językowy. – 1937/38. – № 4. Перепечатано в книге*: A. Zajączkowski*. Studia orientalistyczne z dziejów słownictwa polskiego. – Wroclaw, 1953. – C. 46–47.

62 *Menges K.H.* Slavo-altajische Wortforsehungen. – Festschrift für Dmytro Čyževśkyj zum 60. Geburtstag. – Berlin, 1954. – C. 187–189. Предположение К.Г. Менгеса было принято М.Р. Фасмером в его «Этимологическом словаре русского языка» (Т. I. – М., 1964. – С. 136–137). В русском издании словаря данная этимология перенесена в основной текст из «Поправок и дополнений» к III тому немецкого издания, причем в первоначальном тексте статьи *бахмат* почему-то опущена фраза: «Вероятно, восточное слово с неустановленной этимологией», что создало впечатление окончательного решения вопроса. Ср. также: *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М., 1960. – С. 57; *Dickenmann E.* Das Pferd in russischen Nomina appellativa und nomina propria. – Heidelberg, 1977. – C. 113–116.

указанного термина [63], хотя в современных ногайских и вообще тюркских источниках слово *бахмат*, насколько нам известно, не отмечается. Это не должно вызывать удивления, ибо речь идет о старом ногайском слове, в настоящее время утраченном по важным объективным причинам нелингвистического характера. Рассмотрим эти причины.

Работу исследователя старых тюркских элементов в восточнославянских языках весьма осложняет и затрудняет то обстоятельство, что все те тюркские языки, из которых в древности заимствовались восточными славянами отдельные слова, как правило, либо не имели письменности, либо же получили письменную фиксацию на поздней стадии их развития уже значительно изменившимися и частично утратившими свой древнейший лексический фонд. Некоторые древние тюркизмы, особенно термины, можно найти в трудах иностранных путешественников прошлых веков. Изучение этих памятников дает интересный материал для анализа тюркизмов в различных языках. В частности, тюркские слова можно найти в «Записках о московитских делах» («Rerum Moscoviticarum Commentarii») австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна (1486–1566), вышедших первым изданием на латинском языке в 1549 г. и потом неоднократно переиздававшихся. Особого внимания заслуживает авторский пересказ-перевод «Записок» на немецкий язык «Moscovia der Hauptstat in Reissen», напечатанный в Вене в 1557 г. Второй раздел этой книги посвящен «татарам» – тюркскому населению Московии и сопредельных территорий. Описывая в разделе о татарах малорослых и внешне невзрачных, но очень сильных и выносливых татарских лошадей, С. Герберштейн пишет, что их называют *пахматами* (*Hoc genus equorum Pachmat vocant*). В немецком пересказе-переводе более четко указывается на принадлежность слова *Pachmat* языку «татар», которым и посвящен весь раздел: *Ihre Pferd nennen sy Pachmat* ‘Свою лошадь они (татары!) называют пахмат’. Следовательно, тюркский характер названия *бахмат*, зафиксированного у С. Герберштейна в немецком переводе как *Pachmat*, весьма вероятен [64], а этимология К.Г. Менгеса требует пересмотра и поисков источника уже на чисто тюркской почве.

---

[63] *Одинцов Г.Ф.* Два ногайских заимствования в русском языке // Этимология 1971. – М., 1973. – С. 195–201.

[64] *Herberstain S.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. – Basileae, 1551. – С. 94; Basileae, 1556. – С. 89; *Herberstain S.* Moscovia der Hauptstat in Reissen. – Wienn, 1557. – С. 90. Не случайно А.В. Исаченко не рассматривает это слово в числе русизмов, отмеченных в тексте у С. Герберштейна; см.: *Isačenko A.V.* Herbersteiniana. I–II. – Zeitschrift für Slawistik. – 1957. – Bd. II. – С. 321–346; 493–512.

Свидетельство С. Герберштейна может быть дополнено сообщением более поздним, подтверждающим «татарскую» принадлежность слова *бахмат*, известного в южнорусских степях и в более позднее время. Француз Боплан (ок. 1600–1673), служивший в 1630–1648 гг. на Украине в польской армии, в своем «Описании Украины» (1650) пишет: «...Татарские кони... переносят труды почти невероятные: только сии неуклюжие и некрасивые бакематы (так называют их татары) в состоянии проскакать без отдыха 20 или 30 миль. Густая грива и хвост их достают до земли»[65]. В этом переводе следует отметить неточность транскрипции французского написания *baquemates* (следует читать *bakmat*).

Прототип лексемы *бахматъ* легко реконструируется на основе тюркских языков. Это словосочетание *baqma at* ‘домашний (приученный) конь’, состоящее из двух лексем: *baqma* ‘приученный, домашний’[66] и общетюркского названия лошади *at*[67]. В живой речи это сочетание произносилось со стяжением гласных на стыке компонентов словосочетания как *baqmat*. Согласный *q*, особенно в положении перед следующим смычным легко спирантизируется, переходя в *x,* отсюда и тюркская форма **baxmat*, весьма близкая к русской. Можно также допустить, что долгота второго слога способствовала озвончению конечного согласного: **baxmād*, как это имеет место и в огузских тюркских языках.

---

[65] *Боплан Г.* Описание Украины. – СПб., 1832. – С. 44, 169. Ср. иной перевод в издании «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси» (Вып. II. – Киев, 1896. – С. 330): «Это особая порода лошадей, некрасивая и плохо сложенная, но необыкновенно выносливая и неутомимая, потому что никакая лошадь не способна пройти в один раз от 20 до 30 миль подобно этим бахматам, как называется эта порода; она отличается густою гривою, которая падает до земли, и таким же длинным хвостом»; *G. Beauplan*. Description d’Ukranie. – Rouen, 1660. – С. 38; то же в парижском издании 1661 г., где заменен лишь титульный лист. В немецком переводе 1780 г. (с. 57): *Bakémath*. Последняя форма осталась неизвестной в книге: *Опельбаум Е.В*. Восточнославянские: лексические элементы в немецком языке. – Киев, 1971. – С. 36.

[66] От общетюркского глагола *baq-* ‘смотреть; ухаживать; пасти и т.п.’. Прилагательное *baqma* зафиксировано сейчас лишь в «Киргизско-русском словаре» К.К. Юдахина (2-е изд. – М., 1965. – С. 100): *бакма канаттуулар* ‘домашняя птица’, *бакма айбан* ‘домашнее животное’, *бакма өрдөк* ‘домашняя утка’ и т.п.

[67] Ср. целую серию сербско-хорватских названий коней по мастям с тюркским ат ‘конь’ в качестве второго компонента словосочетания, слившегося с первым в одно слово: *дорат* ‘гнедой конь’, *кр(х)ат* ‘серый конь’, *бӱгат* ‘белый конь’, *алат* ‘рыжая лошадь’. См. этот список без объяснения: *Трубачев О.Н*. Указ. раб. – С. 60. Любопытно изменение конца тюркского слова *аргамак* (‘скаковая лошадь’) в удмуртском *аргамат* ‘иноходец’ (см.: *Соколов С.В*. Этимологии удмуртских названий животных // Вопросы удмуртского языкознания. – Вып. 3. – Ижевск, 1975. – С. 151) под влиянием тюркского ат ‘лошадь’. Ср. также чувашское название иноходца *çăрха*, но *çурхат* устар. ‘ендова; старинный медный сосуд для пива, своей формой напоминающий коня-иноходца’ – из **çурха (çăрха)* + ат ‘конь’, проникшее в татарский язык: *чурат* ‘ендова (кадочка)’, *чургат* ‘медный сосуд для пива’; *Егоров В.Г*. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964. – С. 222. В чувашском слове *ут* ‘конь, лошадь’ в самостоятельном употреблении произошел переход *а* в *у* в первом слоге слова, но в составе сложного слова *çурхат* (во втором слоге) сохранился архаический общетюркский облик *ат*.

Сочетание *baqma at* ‘домашний конь’ было вполне оправданным в эпоху, когда в южнорусских степях водились дикие кони. С исчезновением этих животных оно утратило актуальность и выпало из тюркских языков, почти не оставив в них следа и лишь на короткое время задержавшись в языках народов Восточной и Средней Европы. Г. Боплан описывал также и диких лошадей, водившихся в степях Украины.

«Татарско-ногайское» слово *baxmat* получило распространение у всех восточных славян в формах *ба́хматъ*[68] и *бахма́тъ* (в пользу чего говорит написание *бохматъ* в письменных памятниках)[69]. Оттуда, по свидетельству А. Брюкнера, оно попало в польский (*bachmat*)[70] и, вероятно, в чешский, где зафиксировано в чешско-немецком словаре И. Юнгмана. Как диалектное наименование боевого верхового коня, слово *бахмат* отмечается (почему-то лишь с литературными примерами из произведений художественной литературы) новейшим «Словником української мови» (Т. I. – Київ, 1970. – С. 113), а производное от него прилагательное *бахматий* (с дериватами) приобрело в украинском языке значение «мешковатый», как и белорусское *бахма́ты* ‘косматый, пушистый’. В уже упомянутой книге Е.В. Опельбаума «Восточнославянские лексические элементы в немецком языке» (Киев, 1971. – С. 36) собран большой материал о фиксации слова *Bachmatt* немецкими словарями и частично отражен текстовой материал.

---

[68] Лексикон латинський С. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Становського. – Київ, 1973. – С. 424: «ба́хматъ. Caballus. Bachmat». Это же ударение отмечено в кн.: *Поликарпов Ф.* Лексикон треязычный. – М., 1704. – С. 6: «Ба́хматъ, caballus magnus bachmat». В связи с этим указание академика М.Н. Сперанского об опущении словарной статьи «ба́хматъ – caballus – Bachmat» в «Лексиконе» Ф. Поликарпова (см.: *М.Н. Сперанский*. Из истории русско-славянских литературных связей. – М., 1960. – С. 205) следует считать ошибочным: слово *ба́хматъ* там есть, но не на своем согласно алфавиту месте. М.Н. Сперанский пользовался двумя экземплярами «Словено-латинского лексикона», оставшимися неизвестными его издателю В.В. Немчуку.

[69] *Булыка А.М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. – Мінск, 1972. – С. 39.

[70] *Brückner A*. Słownik etymolosiczny języka polskiego. – Kraków, 1927. – С. 10. В связи с этим прямолинейная абсолютизация наблюдения Г.Ф. Одинцова о польской и западной ориентации употребления термина *бахматъ* в русской письменности XVI – начала XVII в. может привести к ошибке, поскольку само польское слово *bachmat*, согласно толкованию Григория Кнапского, наоборот, обнаруживает восточную и русскую ориентацию: «caballus Moscoviticus et Scythicus». См.: *Одинцов Г.Ф.* Указ. раб. – С. 195–196, где приведена цитата из польско-латинского словаря XVII в. Г. Кнапского. В рукописном «Лексиконе полоно-словенском» 1670 г. (хранится в ЦГАДА), основанном, вероятно, на словаре Г. Кнапского, польское *bachmat* толкуется только как «Ко́нь Скӯəskĭй, Ло́шадь» (л. 7) с устранением следов прилагательного *Moscoviticus* в толковательной (теперь уже по-русски) части. Ср.: *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М., 1956. – С. 44. Э. Дикенман в своей книге о русских названиях лошадей неправомерно противопоставляет совершенно идентичные точки зрения А. Брюкнера и П.Я. Черных о взаимоотношении русск. *бахмат* и польск. *Bachmat*, хотя оба эти автора выводят польское слово из русского. См.: *Dickenmann E*. Указ. раб. – С. 115.

Попавший в языки немусульманских народов Восточной Европы коневодческий термин *бахмат* подвергся контаминации с мусульманским личным именем *Мухаммад*, *Магомед*, *Бахмет* и т.п., поскольку название *бахмат* ‘татарский конь’ легко осмысливалось как «конь Бахмата». В связи с этим этимологические выводы К.Г. Менгеса, вскрывающие поверхностный, вторичный этимологический слой, в значительной степени оправдываются. Однако они отражают лишь позднейшее осмысление слова на новой почве у христианских народов Восточной Европы. Особенно сильно такое вторичное народно-этимологическое осмысление проявилось в молдавско-румынском *бахмéт* – *bahmét*, *bahomét*, а также в приводимой О.Н. Трубачевым без указания источника украинской форме *бахмет*. Вероятно, эта же вторично переосмысленная форма легла в основу русского вятского диалектизма *бахмет*(*ка*) («о ком-либо неповоротливом; косматом, мохнатом или с длинной шерстью»)[71]. Отмечаемое «Диалектологическим словарем татарского языка» (Казань, 1969. – С. 72) камышловское название полного и крепкого человека *бахмит* (также *бахила*), очевидно, представляет собою вариант русского диалектизма *бахмёт*. На основании данных «Словаря говоров Соликамского района Пермской области» О.П. Беляевой (Пермь, 1973. – С. 36: *бахмётко* ‘неопрятный, неаккуратно одетый человек’), не учтенных в сводном «Словаре русских народных говоров» (М.; Л., 1966. – С. 155), и данных татарских диалектов можно предположить более широкое распространение этого слова в русских говорах. Вполне вероятно, что и в венгерском многозначном слове *behemót* ‘бегемот; слон; скот, животное, большое животное; рослый человек, бесформенный; громоздкий, сильный’, в котором исследователи отмечают контаминацию со словом mahomet ‘сильный, дородный’ (от мусульманского имени)[72], проявилось также и влияние весьма популярного в Восточной Европе XVI–XVII вв. ногайского слова *бахмат*, контаминировавшегося с личным именем.

Обращает на себя внимание необычное для тюркизма ударение *бáхматъ*, отмеченное в старинной русской лексикографии. Удовлетворительное объяснение оно получает на аланской почве, так как в языке аланов было

---

[71] Холмогорско-архангельское шутливое *бахмутко* («о ком-то волосатом, мохнатом»), вероятно, отражает контаминацию с другим мусульманским именем محمود *Махмўд – Бахмут.*

[72] «A Magyar nyelv történeti-etimológiai szótára». – I. – Budapest, 1967. – C. 269.

принято ударение на первом слоге слова (особенно в диалектах типа иронского наречия осетинского языка)[73]. Как уже отмечалось, слово *бахматъ* было сопоставлено с осетинским общим названием лошади *бæх* (*bæx*) и русским вятским диалектизмом *бах* ‘кляча’[74]. Это сопоставление вполне обосновано, поскольку в аланском языке (как было уже показано, форма **бахмāд* тоже вероятна) последний слог тюркского слова *бахмат* (*-мат* или *-мад*) мог отождествляться с аланским существительным *мад* ‘мать’ (ср. осет. иронск. *мад*, дигорск. *мадæ*), и все слово в духе «народной этимологии» осмыслялось как сложное[75]. Выделившийся из тюркизма «первый элемент» *бах* на аланской почве вступил во взаимодействие с исконным (индоевропейским по происхождению) названием лошади, которое стало употребляться лишь как наименование кобылы: современное осетинское *ефс* (jæfs, в дигорском æfsæ) ‘кобыла’ примыкает к индоевропейскому названию лошади, отраженному в латинском *equus*, греческом ἵππος, др.-индийск. *aśva*, персидск. اسپ *asp* и т.п. Ср., впрочем, литовск. *ašva* устар. ‘кобыла’[76]. Вятский диалектизм *бах* ‘кляча’ может считаться региональным аланизмом русского языка. Предположительно это слово пришло из языка малоизученного народа – буртасов, жившего в Поволжье. Этноним *буртас* хорошо этимологизируется на иранской почве как сложение старого иранского этнонима *as* ‘алан, яс’ (во второй части)[77] с иранским же названием большей реки или моря, отраженным в осетинском языке (иронск. *furd*, дигорск. *ford*) и в гидрониме *Прут* (у Геродота πόρατα). Первоначальное значение этнонима *burtas* – ‘речные асы (ясы)’. Под рекой подразумевается Волга. Получившая в последнее время распространение точка зрения о тюркоязычности буртасов[78], вероятно, объясняется упоминаниями об этом в средневековых мусульманских памятниках, а также известным

---

[73] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – I. – М.; Л., 1949. – С. 385–386.

[74] См.: Русская речь. – 1978. – № 1. – С. 93.

[75] Ср. выделение ложных суффиксов в словах *зонтик*, *шлафрок* и образование форм *зонт*, *шлафор* в русском языке или выделение элемента *электр* в узбекском языке из русских сложных слов типа *электромагнит*, *электромотор* и превращение его в обозначение электричества.

[76] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – С. 563.

[77] Об этой этимологии см.: *Попов А.И.* Буртасы и мордва // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова. – № 104 (Серия востоковедческих наук). – Вып. 2. – 1947. – С. 209.

[78] *Попов А.И.* Названия народов СССР. – Л., 1973. – С. 111–121. Ср. тюркскую этимологию: *Скворцов М.И.* Этнические названия в чувашской топонимии и антропонимии. – I // Диалекты и топонимия Поволжья. – Вып. 5. – Чебоксары, 1977. – С. 54–59. Автор рассматривает слово *буртас* как результат универбации парного этнонима из тюркских элементов bŏri ‘волк’ + taz ‘лысый’, что с фонетической точки зрения объяснить несколько затруднительно.

переходом большей части буртасов на тюркский язык после принятия ими ислама и утраты старого аланского языка. Целесообразно в связи с этим поставить вопрос о влиянии на мишарское цоканье (произношение общетюркского *č* как *c*) аланского субстрата.

В пользу тюркского происхождения аланско-осетинского названия лошади *бæх* говорит следующий факт. В небольшом списке слов из языка венгерских алан, составленном в Венгрии в 1422 г. и опубликованном академиком Ю. Неметом, зафиксировано аланское слово *bah* с неправильно орфографически записанным латинским переводом *ecus* вместо *equus* ‘лошадь’[79]. Это ставит под сомнение ранее высказанное предположение о кавказском происхождении осетинского слова. Вероятно, название жеребенка в вейнахских языках (чечен. *beqhi*, орфогр. *бекъа*; ингуш. *baqh*, орфогр. *бакъ*), считавшееся кавказским источником для осет. *бæх*[80], само является заимствованием из осетинского языка. Ср. также *baxi* ‘кляча’ в имеретинском диалекте грузинского языка (из осетинского). В Венгрию аланский тюркизм *bah* был занесен с Украины, а не с Кавказа, как было принято считать ранее.

Аланское слово *бах* не только вошло в русские вятские говоры, но и вернулось в усеченной форме в тюркские языки Среднего Поволжья: отсюда татарское подзывное слово для лошадей *бах* или *бah*, детское слово *бахбай* ‘лошадка’; чуваш. *пах*. ‘лошадь’ (детск.), *пах-т’ыйха* ‘жеребенок’, *пах* ‘так подзывают лошадь’, *паххa*, *паххи* ‘лошадь, лошадка’ (детск.), *пох*, *пăх* ‘так манят жеребят’[81].

Возможно, аланское название лошади нашло отражение в румынском фразеологизме *a prinde bâhă* ‘упрямиться (о быках, лошадях)’, букв. ‘чувствовать bâhă’, а также в старобелорусском неясном производном слове *баховец*, *бохавец*, отмеченном в 1510 г. в следующих контекстах: «пограбил меня *баховецъ* пана воеводинъ за тыи пенязи; мы велели ему на *бохавци* искати»[82].

---

[79] *Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алан. – Орджоникидзе, 1960. – С. 8, 11, 14–15, 21–23.

[80] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – С. 255–256. Любопытно, очевидно, случайное созвучие с афганским *بګ бāх* ‘конь с белой звездочкой на лбу и в белых чулках’.

[81] *Ашмарин Н.И.* Упомянутый словарь. – Вып. IX. – С. 143, 148; Вып. X. – С. 57, 169.

[82] *Булыка А.М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. – С. 39.

Хорошо известные из исторических источников контакты тюрков с аланами, конечно, нашли отражение и в языке, но следы языкового взаимодействия приходится отыскивать по крупицам, используя скудные сведения о лексике средневековых тюркских и аланских диалектов, сохранившиеся в памятниках.

До последнего времени этимологами недооценивались весьма важные факты, приводившиеся в сочинениях иностранных путешественников по России XVI–XVII вв. и сопредельным с ней областям. Поэтому представляется целесообразным в дальнейшем собрать и обработать эти факты.

В связи с тем что то или иное характерное иноязычное слово-термин обычно заимствуется целым рядом соседних языков определенного ареала, при этимологическом анализе таких слов особую важность приобретает учет материала всех этих языков[83].

В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина (Вып. IX. – 1935. – С. 146) отмечено загадочное прилагательное *пахмат* ‘отчаянный, смелый’ с пометой о записи его в Бугульминском уезде Самарской губернии, неясными сокращениями СПВБ. ЕС. и СПВВ.Т., значение которых раскрыть не удалось, и речевыми примерами пояснительного характера: *Пахмат – çын кĕмелле мар çĕре хăрамасăр кĕрекен çын* ‘*Пахмат* – это человек, который входит без страха туда, куда нельзя входить’; *Пахмат тесе сăмаха шухăшламасăр калакана калаççĕ* ‘Кто говорит, не обдумывая слова, того называют *пахмат*’. Это редкое чувашское слово можно увязать со старым кыпчакским названием коня *бахмат*, помня, что так назывался ценный боевой конь[84]. В чувашском языке это слово, не имеющее глубокой хронологии (*а* начального слога не изменилось в *у*!), получило переносное значение при забвении исходного терминологического употребления. Любопытно, что глагольное образование, семантически тесно связанное с этим словом, в том же словаре Н.И. Ашмарина имеет несколько отличную основу: *пахмас-лан* ‘стать отчаянным, наглым’ (синоним *куштанлан*). Указание на источник *Хоразан* остается неясным. Неустойчивость основы, вероятно, следует рассматривать как показатель ее архаизации и постепенного выхода из употребления.

---

[83] В этом отношении заслуживает внимания исследование: *Doerfer G.* Türkische und monologische Elemente im Neupersischen. – Bd. I–IV. – Wiesbaden, 1963–1975.

[84] *Г.Ф. Одинцов*. Указ. раб. – С. 197.

В.Г. Егоров в своем «Этимологическом словаре чувашского языка» (Чебоксары, 1964. – С. 145) останавливается на омонимичном слове *пахмат* (с вариантом *пахмат*): ‘1. чувство меры, такт; 2. рассудок’ с производным *пахматсăр* (*пахмăтсăр*) ‘1. несуразный, нелепый; 2. безрассудный’ [85], сопоставляя его с кумыкскими *пагьму* ‘способность’, *пагьмусуз* ‘неспособный’. К этому следует добавить, что и кумыкское, и чувашское слова в конечном счете восходят к арабскому فهم *fahm* ‘понимание; проницательность; ум; умение’, проникшему и в другие тюркские языки[86].

Отмеченное у Н.И. Ашмарина янтиковское диалектное *пахмăт* ‘обжора’ с пояснением: *Пахмăт тесе, çисе тăрана пёлмен çынна калаççе* (*Нумай çийекен çын*) ‘Человека, который не может наесться, называют *пахмăт* (много едящий человек)’, вероятно, как предполагал и сам Н.И. Ашмарин, восходит к собственному имени и к коневодческой лексике никогда не относилось. Личные мужские имена *Пахматмі* и *Пахмуть* Н.И. Ашмарин отметил в деревне Березовые Олгаши Сундырского района.

Как показывают приведенные примеры, при этимологическом анализе заимствованной лексики чрезвычайно важно не поддаваться влиянию вторичных сближений и народно-этимологических переосмыслений вторичного характера, порою совершенно заслоняющих собой реальную историю слова. В разных языках эти народно-этимологические преобразования имеют различные направления. Учет этого позволяет реконструировать реальную историю лексических единиц в языках определенного региона[87].

---

[85] У Н.И. Ашмарина в «Словаре» (Вып. IX. – С. 174) *пахмăтсăр* ‘бесцеремонный в движениях и обращении с другими’ (с. Ораушн Вуриарского района).

[86] *Одинцов Г.Ф.* Указ. раб. – С. 197.

[87] Уже после завершения данной статьи вышел в свет первый том «Этымалогічнага слоўніка беларускай мовы» (А-Б) (Мінск, 1979), где при этимологизации старобелорусского *бахмат* сочувственно упоминается рассмотренная нами на с. 22 этимология А. Зайончковского вместе с этимологией К.Г. Менгеса (см. с. 23).
Материалы первого тома также недавно вышедшего «Этимологического словаря марийского языка» Ф.И. Гордеева (Т. 1: А–Б. – Йошкар-Ола, 1979. – С. 182, 206, 221, 224), основанные на полевых записях самого автора, указывают на значительно более широкое отражение аланского тюркизма *бах* в языках Поволжья, где отмечены следующие формы подзывных слов для лошадей: марийск. *ба-ба, бо-бо, бах-бах, мбо-мбо, бок-бок*; удмурт. *бо-бо*, мордовск. *бо-бо*, эрзя-мордовск. *ба-ба*, возводимые Ф.И. Гордеевым к сарматскому или аланскому источнику. Однако, как следует из нашего изложения, сарматская эпоха для данных слов совершенно исключается, и можно говорить лишь об их аланско-буртасской природе. Часть последнего материала впервые и более подробно была рассмотрена в статье: *Гордеев Ф.И.* К этимологии некоторых чувашизмов марийского языка // Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения). – Вып. 1. – Чебоксары, 1972. – С. 24–26.

Об аланизмах в западных и восточных славянских языках[88]

В № 1 бакинского журнала «Советская тюркология» за 1982 г. была опубликована статья Э.Н. Болониной «Тюркизмы в восточнославянской письменности XV–XVI вв.» (С. 22–27. Далее ссылки на эту статью даются в виде указания на страницы в скобках), в которой авторесса остановилась на трех наименованиях предметов верхней одежды, встречающихся в памятниках восточнославянской деловой письменности XV–XVI вв. и относимых в статье к тюркским по происхождению (со ссылкой на «Этимологический словарь русского языка» М.Р. Фасмера. – Т. I–IV. – М., 1964–1973): *кабатъ*, *тегиляй*, *кебенякъ*.

Если применительно к двум последним словам у М.Р. Фасмера действительно привлечен для этимологизации тюркский материал, то применительно к слову *кабат* ‘рабочая рубаха, куртка, кофта’, несмотря на категорическое утверждение Э.П. Болониной («На тюркское происхождение этого слова указывает М. Фасмер» – с. 22) [89], следует отметить полное отсутствие тюркского материала у М.Р. Фасмера, что хорошо видно по приводимой Э.Н. Болониной цитате из словаря М.Р. Фасмера, где Э.Н. Болонина лишь опустила библиографические ссылки и дала текст с некоторыми сокращениями и опечатками, которые здесь исправляются: «Несомненно, это слово имеет тот же источник, что и ср.-греч. καβαδιον […], καβαδης – то же, которое византийцы считали перс. словом […]. Но из греч. слова можно объяснить только болг. *кавàд*, сербохорв. *кавад* ‘богатое верхнее платье’, а не зап. и вост.-слав. формы на *-б* и *-т* […]. Перс. *qaba* ‘кафтан’, по-видимому, заимств. из араб. […]. Должно быть, существует связь с пракритск. *kavaj'i* ‘верхнее платье’». Впрочем, ошибочное приписывание М.Р. Фасмеру предположения о тюркском происхождении слова *кабатъ*, вероятно, объясняется тем, что авторесса статьи и солидарный с ней журнал отнесли к числу тюркских какой-то один из языков (какой именно – остается на совести автора и журнала), материалы которых фигурировали в словаре М.Р. Фасмера.

---

[88] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Об аланизмах в западных и восточных славянских языках // Проблемы осетинского языкознания. – Вып. 1. – Орджоникидзе, 1984. – С. 25–45.

[89] Без особой мотивировки слово *кабат* фигурирует в числе тюркизмов в книге: *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований. – Казань, 1982. – С. 10.

Суждения М.Р. Фасмера абсолютно правильно были поняты Е.Н. Шиповой – автором «Словаря тюркизмов в русском языке» (Алма-Ата, 1976). В последнем слово *кабатъ* вполне закономерно отсутствует, хотя в ряде кыпчакских тюркских языков (татар., башкир., казах., каракалпак., ногай., кумык.) есть существительное *қабат*, но его значение ‘пласт, слой, ряд, этаж и т.п.’[90] слишком далеко от созвучного русского слова, чтобы допускать их этимологическое сближение.

Из всего изложенного видно, что помещенное на страницах «Советской тюркологии» безапелляционно-бездоказательное суждение о тюркском происхождении названия разновидности верхней одежды *кабат* является результатом обидного недоразумения и никак не может быть принято.

Э.Н. Болониной, к сожалению, осталась неизвестной статья И.С. Козырева «Из истории некоторых областных слов (*болото*, *кабат*, *понеделок*, *пара*)»[91], в которой убедительно доказано польское происхождение слова *кабат* в смоленских говорах, в западнорусской письменности, а также в московском письменном языке.

Письменные памятники (и соображения лексикографов, возникшие на материале этих памятников, – без их четкого противопоставления) Э.Н. Болонина использует на основании их отражения в составе старых словарей П.И. Савваитова (Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. – СПб., 1896. – С. 44; 1-е изд. – 1865) и И.И. Срезневского (Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I. – СПб., 1893. – Стб. 1170), причем сделано лишь одно добавление на основе параллельного текста о событиях 1428 г. из «Московского летописного свода конца XV века»[92] к соответствующей цитате из Никоновской летописи, приведенной по словарю И.И. Срезневского. Этого материала оказалось явно недостаточно для правильного вывода, который, однако, сам собой напрашивается из материала, использованного в новом издающемся Институтом русского языка Академии наук СССР «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (Вып. 7. – М., 1980. – С. 8),

---

[90] *Рясянен М.* сближает тюрк. *кабат* с близким по звучанию и значению, но более популярным в тюркских языках словом *кат* (*Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – S. 216a, 241a), однако это не вполне ясное сближение никак не комментируется.

[91] Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания // Учен. зап. Липецкого гос. пед. ин-та. – Вып. IV. – Воронеж, 1965. – С. 113–115.

[92] Полное собрание русских летописей. – Т. XXV. – М.; Л., 1949. – С. 248.

где встречаются интересные цитаты из документа 1632 г.: «Лодыгину здѣлано ньмецкого платья: плащь да *кабатъ*, да пукши в сукнѣ аглинскомъ»[93]. Можно думать, что и упоминаемые в других контекстах *царскые кабаты* были тоже *«немецкого»*, т.е. западноевропейского, покроя. Показания письменных памятников подтверждают уже давно сделанное этимологами предположение о польском происхождении слова *кабат* в русском языке (а также в украинском и белорусском)[94].

В качестве историзма слово *кабат* используется и в современном русском литературном языке, что подтверждается незаконченным академическим «Словарем русского языка, составленным Вторым отделением Императорской Академии наук» (Т. IV. – Вып. 1. – СПб., 1906–1907. – Стб. 17–18), на основании цитат из авторов XIX в. и чем опровергается следующее ошибочное суждение Э.Н. Болониной: «В словарях современного русского литературного языка слово *кабат* не значится» (с. 24).

Особого рассмотрения требуют севернорусские диалектные данные[95] о распространении слова *кабат*, которое едва ли можно здесь считать полонизмом. Но в любом случае география русского слова говорит не в пользу его заимствования с юга – из тюркского источника, где такого слова вообще нет и, по-видимому, никогда не было. Спорным оказывается и вопрос об ударении русского слова, поскольку оно в разных источниках дано противоречиво: *ка́бат* и *кабá́т*, но Э.Н. Болонина совершенно не учитывает этого вопроса и не рассматривает его.

Попутно следует заметить, что невнимание к географии слова – характерный недостаток многих «работ по тюркизмам». Можно ограничиться одним примером на основе обстоятельной по материалу статьи Н.А. Романовой «О судьбе тюркизма *урос* в русских говорах» (см. сборник «Диалектная лексика 1974» (Л., 1976. – С. 220–226), где севернорусский характер слова решительно противоречит довольно искусственной семантически и фонетически этимологии диалектной лексемы на тюркской почве. Фактически многозначный

---

[93] Грамоты из архива Оружейной палаты // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. – 1892. – Кн. 3, смесь. – С. 4.

[94] См., например: *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – Т. I. – М., 1910–1914. – С. 278–279, со ссылкой на более ранние высказывания о польском происхождении слова.

[95] Более полный, чем у Э.Н. Болониной, материал содержится в «Словаре русских народных говоров» (Вып. 12. – Л., 1977. – С. 283–284, 286). Он указывает на Русский Север, Сибирь (где вообще преобладает северный русский компонент) и на запад русской территории по соседству с белорусским языком.

русский диалектизм *урос* ‘упрямец; капризуля; несчастье’ едва ли можно отделить от многозначного по разным диалектам коми-зырянского слова *урӧс* ‘паршивец; беда; призрак’ и т.п.[96]

В белорусском и украинском языках слово *кабат* является устаревшим и диалектным, как это следует из помет в толковых словарях. Белорус. *кабат* устар. «Род жаночай цёплай камізэлькі, безрукаўка» (т. е. душегрейка) в словаре снабжено характерным примером: [Бабка] носіць спадніцу і зверху сарочкі нейкую камізэльку, якую заве *кабатом* (Якімовіч)[97]. Укр. *кабат* диал. «солдатська куртка, пальто» тоже снабжено аналогичным примером: «Нотар був одягнений у чорне з добротного сукна пальто, яке у них называли *кабат*» (А.Ф. Турчинська. Зорі на Верховині. – Київ, 1950. – С. 73). Характер иллюстраций к словарным определениям, несмотря на сбивчивость невнятной пометы *діал.* в новейшем одиннадцатитомном «Словаре украинского языка», позволяет видеть в термине *кабат* западноукраинское слово, что подтверждается более точным и ответственным четырехтомным «Словарем украинского языка» под ред. Б.Д. Гринченки[98].

В так называемой западнорусской письменности на территории Белоруссии и Украины слово *кабат* отмечается уже с начала XVI в. (1516 г.) и справедливо считается там полонизмом[99]. Не учитывая этого весьма существенного для истории и этимологии слова обстоятельства, Э.Н. Болонина приводит самостоятельно ею отысканный интересный пример (с ошибочным, впрочем, толкованием): «В одном из памятников, написанном на территории Западной Руси в XVII в., слово *кабат* приведено в новом значении – ‘вид женской одежды’: «...за робене *кабата* древняного для служебницъ нестатечныхъ, бонъдару Степану заплатили золотыхъ два; до того *кабата строкъ* и за робене заплатили осмаков двацать»[100] (с. 23). В этом примере вызывает недоумение (если принять толкование Э.Н. Болониной) определение *древняный*

---

[96] *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970. – С. 298 (без учета русского материала).

[97] Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т. 2. – Мінск, 1978. – С. 568. Этимологическая помета об украинском происхождении этого слова здесь ошибочна.

[98] Словник української мови. – Т. IV. – Київ, 1973. – С. 64; Словарь украинского языка. – Т. II. – Киев, 1908. – С. 203.

[99] *Булыка А.М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. – Мінск, 1972. – С. 133 (*кабатъ* и *кобатъ*).

[100] Историко-юридические материалы, извлеченные из Актовых книг губерний Витебской и Могилевской. – Вып. 4. – Витебск, 1873. – С. 122 (Цитируется с исправлением опечаток. Из приходно-расходных г. Могилева, 1686 г.).

при определяемом *кабат*, а также почему «за робене *кабата* древняного» плату получает «бонъдар Степан». Остается также неясным, почему один «*кабат* древняный» сделан для многих «служебницъ нестаточных».

Как и во многих других случаях, ключ к пониманию своеобразных слов и оборотов старинного западнорусского языка следует искать в тесно с ним переплетавшемся старопольском языке. А в старопольском языке существительное *kabat*, наряду с обозначением разного вида верхней одежды, могло употребляться как обозначение «темницы, тюрьмы», причем старопольский знает и промежуточные звенья, связывающие названия одежды с названием тюрьмы. В качестве связующих звеньев выступают значения «одежда преступников (тюремная)» и «приспособления для замыкания арестантов»[101].

В западнорусском документе развитие значения пошло еще дальше, но, кажется, без сохранения промежуточных звеньев.

Итак, все восточнославянские языки, вероятно, позаимствовали слово *кабат* из польского языка, где действительно есть такое же название одежды, известное с XV в.: *kabat* сейчас значит ‘куртка, кафтан’. Нужно также отметить, что соответствующее слово знают и все другие западнославянские языки: словацк. *kabát* ‘пиджак; пальто; шинель; жакет’; чешск. *kabát* ‘пиджак, сюртук; пальто, шинель; куртка’, верхнелужицк. *kabat* ‘куртка, пиджак, сюртук’.

Польское *kabat* иногда выводили из венгерского языка, такая этимология пользуется популярностью до настоящего времени[102], хотя польское слово известно с XV в., а венгерское *kabat* ‘пальто; куртка; пиджак; жакет’ только с середины XVIII в. (1751) и венгерские этимологи решительно считают свое слово западнославянским (даже точнее – словацким) по происхождению[103]. В связи с таким положением дел западнославянские слова[104] остаются этимологически невыясненными, а этимологические поиски стоит начать

---

[101] *Reczek St.* Podręczny słownik dawnej polszczyny. Wrocław – Warszawa-Kraków, 1968. – S. 146; *Sławski Fr.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – T. 2 zesz. 1 (6). – Kraków, 1958. – S. 9. Любопытно также наличие в старопольском языке формы *kabaj*, синонимичной *kabat* в первом значении (*kaftan*) и совпадающей с одной из форм новоперсидского языка (*gabaj* при более обычной *gaba*).

[102] *Sláwski Fr.* Op. cit. – S. 9–10.

[103] A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. – 11. kötet. – Budapest, 1970. – C. 291.

[104] Встречающиеся иногда указания на общеславянский характер слова *кабат* следует признать ошибочными, как это имеет место в кн.: *Holub J.*, *Lyer S.* Stručný etymologický slovníc jazyka českého. – Praha, 1967. – S. 225.

с отдаленного источника, с глубокой этимологии, которая, как правило, фигурирует почти во всех этимологических словарях.

Что касается этой глубокой этимологии славянских слов типа *кабат*, то все исследователи единодушно отсылают к иранскому первоисточнику, приводят при этом персидск. *қаба* (также *қабай*) ‘просторная мужская одежда с длинными рукавами, род кафтана’, но пути движения из иранского источника оставались вне объяснения, что и понятно, поскольку иранский материал учитывался далеко не полностью, а именно в полноте привлеченного материала можно видеть залог успеха этимологических разысканий. В этом отношении будет небесполезным учесть данные распространенного в Европе осетинского языка, где представлено слово *k’aba* (орфограф. *къаба*) ‘женское платье’, имеющее ряд соответствий в языках Кавказа, но восходящее к иранскому источнику (ср. пехлевийск. *kapah* ‘плащ’)[105]. Учет осетинского языка при выяснении происхождения славянской лексики очень важен, поскольку это единственный сохранившийся потомок длительно существовавшего и многочисленного по количеству говорящих скифо-сармато-аланского языкового мира, с которым когда-то контактировали славяне, причем О.Н. Трубачев недавно установил, что среди иранских элементов в славянских языках весьма значительное место занимают иранизмы, известные исключительно западнославянским языкам и совершенно не представленные ни в южных, ни в восточных славянских языках[106]. Слово *кабат* относится именно к такому разряду лексики, поскольку в восточнославянских языках оно распространилось вторично (если не принимать во внимание севернорусские говоры).

Кроме того, следует учесть, что слова заимствуются далеко не всегда в своей словарной исходной форме, применительно к существительным – это далеко не всегда именительный падеж единственного числа. Например, в таких заимствованиях русского языка, как *рельс*, *буц* (*бутс*), *клапан*, *розан*, *магазин*, *магарыч*, скрываются формы множественного числа английского, немецкого или арабского языка, хотя в русском языке это совершенно не чувствуется.

---

[105] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М.; Л., 1958. – С. 615. Арабское название верхней одежды, кафтана, *qaba* (мн. число *aqbija*) от корня *qbu* считается персидским заимствованием. См.: Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftstellr von Brünnow // Fischer. – Leipzig, 1960. – S. 102.

[106] *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. – М., 1967. – С. 3–81.

В качестве первоисточника для западнославянского *kabat* следует предположить нормальную восточноиранскую форму множественного числа с показателем *-m* типа **каба-м* (**ka-bat*) (ср. осетинск. *къаба-тæ*). Согласный *-t*, как показатель множественного числа, отмечаемый в таком качестве в современном осетинском языке, выполнял такую функцию уже в скифском языке. Такой показатель имеет параллелизм в согдийском (*-t*, *-t'*), ягнобском (*-t*) и хорезмийском (*-c* из *-t*)[107].

До обрисовки исторической перспективы бытования рефлексов аланского по происхождению слова *кабат* в каждом знавшем его славянском языке с тщательным учетом данных лингвистической географии слова на всех территориях славянских языков пока придется воздержаться от окончательного суждения о природе северновеликорусского диалектизма *кабат*, который не обязательно считать полонизмом, но можно пока рассматривать в качестве сепаратной западнославяно-северновеликорусской лексической изоглоссы.

Применительно к русскому языку следует упомянуть еще об одном ряде этимологических дублетов слова *кабат*, встречающемся в связи с описанием специфического быта кавказских горцев преимущественно в переводной с кавказских языков литературе: *кабалай* ‘вид кумыкской праздничной национальной женской одежды’, *кабало* (аварск. *хабáлу*) ‘верхняя женская одежда; свадебное платье’ и т.п. Однако следует помнить, что эта группа слов находится на периферии русской лексики и в русском языке малоизвестна, будучи зафиксированной лишь словарем И.Е. Гальченко[108].

Как уже было сказано, южнославянские языки не знают слова *кабат*, но им зато известно другое слово, возводимое в конечном итоге к тому же иранскому (персидскому) *qaba* (через посредство арабского *qaba'*, позднелатинского *cabanus*, *gabanus* и далее итальянского *gabbono*, *gabana*, диал. *cabbanu* (сицил.), которое имеет параллели во француз. *caban* ‘плащ с капюшоном’, испан. *gabán*, португальск. *gabao* и т.п.): болгар. *кабаница* ‘вид бурки (у пастухов и т.п.)’, македон. *кабаница* ‘плащ, накидка, дождевик’, сербскохорват. *ка́бан*, *кабà̀ница* ‘плащ, дождевик, накидка, свитка’, словенск. *gaban*, *gabnica* и т.п. Впрочем, этот термин известен также и южной ветви

---

[107] *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. Т. I. – М.; Л., 1949. – С. 218–220.

[108] *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975. – С. 77.

западнославянских языков: словацк. *kabana*, *gabana*, *kanica*, чешск. диал. *kabanica*, *kabanice*, где он взаимодействует с *kabát*. Есть он в румынском (*cabána*, устар. ‘плащ с капюшоном’, *cabánita*, устар. ‘боярская мантия’, диал. ‘зипун’), венгерском (*gabanica*) и турецком (*kapaniçe*, истор. ‘парадная меховая одежда, шуба султана, сановников’) языках[109].

В заключение следует сказать о возможном отношении сюда же тюркско-монгольского названия дождевого войлочного плаща типа *kepenek* (турецк.), широко распространенного и за пределами алтайских языков: русск. *кебеняк*, *тебеняк*, *кобеняк* (их употребление в письменных памятниках также на ограниченном материале рассматривает Э.Н. Болонина), а также аналогичные формы (в том числе и более краткие типа болгар. *кебе*, *кепе*, сербскохорват. *ћебе*, *ћебение*) почти во всех славянских языках, ср. также осет. дигор. *Gebena* ‘короткая верхняя одежда из грубого материала’[110].

О былой актуальности слова *кабат* на Русском Севере говорит проникновение этого слова в саамский язык, откуда слово вернулось в русские говоры Кольского полуострова в несколько модифицированном виде *коббáт* ‘повседневная летняя одежда у лопарок в роде юпы, грубого полотна’, как это было отмечено А.О. Подвысоцким в его «Словаре областного архангельского наречия» (СПб., 1885. – С. 67). Соответствующее саамское кильдинское слово Т. Итконен постулирует в виде *kabpadt*, хотя из словарных материалов ему было известно в форме *kabat* «Weiberjake» (с пометой *Eur.*)[111].

В заключение стоит добавить, что слово *кабат* является не единственным образцом усвоения русским языком (а также и другими славянскими языками) аланского слова в форме множественного числа. Вероятно, таковым следует считать и слово *кисет* (с этимологическим дублетом *киса*), восходящее к бродячему слову *кисе* ‘мешочек, карман’, причем *кисет* в конечном согласном также отражает аланское множественное число на *-т*.

---

[109] Подробно см.: Български етимологичен речник, св. IX–X (том II). – София, 1974. – С. 115.

[110] *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М.; Л., 1958. – С. 517; особенно подробно: *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd. III. – Wiesbaden, 1967. – S. 581–583. Другие разновидности этого специфического этнографического термина, встречающиеся преимущественно в переводной с кабардино-черкесского литературе (*габанеч, гобанач, гобанеч, губанеч*), приводит И.Е. Гальченко в своей книге «Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке» (Орджоникидзе, 1975. – С. 48, 52).

[111] *Itkonen T.Y.* Lappische Lehnwörter im Russischen // Annales Academiae Scientiarum Fennicae, serie B. – Bd. 27. – Helsinki, 1931. – S. 52.

Точно установленное время появления слова в языке в значительной степени предрешает направление этимологических поисков, поскольку для определенных эпох более или менее ясны источники обогащения словаря, особенно в плане заимствований. Но если прямыми указаниями на время появления слова в языке исследователь не располагает, а косвенные свидетельства оказываются двусмысленными, то этимолог обязан их все тщательно взвесить и делать на этом основании более или менее достоверный вывод или даже альтернативные выводы.

Общее для русского, белорусского и украинского языка[112] название затягивающегося шнурком мешочка для хранения табака, спичек и трубки *кисет* этимологи (вслед за Ф.И. Рейфом)[113] давно и устойчиво сопоставляют с теперь устаревшим словом *киса* ‘кожаный или суконный мешок, затягивающийся шнурами’. Однако словообразовательные отношения между первичным *киса* и производным от него *кисет* при этом подробно не рассматривались, как это сейчас сделано в «Этимологическом словаре русского языка» издательства МГУ: «Образовано с помощью суф. *-ет* на базе заимствованного из тюрк. яз. сущ. *киса*, сохранившегося в диалектах (Даль, 1880, II, с. 110), а также в укр. *киса* ‘кисет’, польск. *kiesa* ‘кошелек’, с.-х. *kesa* ‘мешок, патронташ’»[114]. Здесь происхождение слова переносится на почву русского языка; последний действительно располагает некоторым количеством семантически весьма пестрых слов, где выделяется суффикс *-ет*. Это прежде всего слова для называния материалов (кожа и текстиль): *шеврет* (ср. *шевро*), *сатинет* (при *сатин*), *фланелет* (при *фланель*); впрочем, у некоторых из подобных названий с суффиксом *-ет*

---

[112] В связи с этим указание «Этимологического словаря русского языка» издательства МГУ (Т. II. – Вып. 8. – М., 1982. – С. 136) на собственно русский характер слова *кисет* представляется ошибочным.

[113] *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. – Т. I. – СПб., 1835. – С. 393. Эта словарная фиксация слова *кисет* на 12 лет опережает фиксацию в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г., указываемую в семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (Т. V. – М.; Л., 1956. – Стб. 967) в качестве самой ранней, в связи с чем сведения семнадцатитомного словаря нуждаются в уточнении, как и их некритическое воспроизведение в других трудах. См., например: *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). – Казань, 1982. – С. 83, III.

[114] Этимологический словарь русского языка. – Т. II. – Вып. 8. – М., 1982. – С. 136. Попутно стоит заметить, что наличие польск. *kiesa* хорошо объясняет происхождение белорусского диалектного *кеска* ‘кошелек, торбочка’, которое в «Словаре балтизмов в славянских языках» Ю.Л. Лаучюте (Л., 1982. – С. 113) насильственно выводится из латыш. *keskis* ‘деревянные носилки для сена’ (литов. *kestis* ‘деревянные или плетеные носилки’) или *keska* ‘тряпки, лохмотья’, несмотря на семантические и фонетические трудности.

производящая основа не выделяется: *вельвет*, *маркизет*, *казинет*, *глазет*, *креп-жоржет*. Сюда же примыкают разные нарицательные наименования вокальных и инструментальных ансамблей по количеству участников (от двух до девяти): *дуэт*, *терцет*, *квартет*, *квинтет*, *секстет*, *септет*, *нонет*, где при невыделимости производящей основы четко выделяется «суффиксальная» часть *-ет*. Здесь же целая серия наименований лиц по разного рода признакам с разной степенью основательности выделения корневой и суффиксальной частей: *поэт* (занимается *поэзией*), *экзегет* (филолог, занимающийся *экзегезой* – толкованием неясных мест в текстах, особенно религиозных), *аскет* (ср. *аскеза* ‘образ жизни аскета’), *апологет* (кто выступает с *апологией* – заступничеством, защитой, часто предвзятыми), *масорет* (хранитель библейского текста, носитель филологической еврейской традиции – *масоры*), *баронет* (ср. *барон*). Сюда же оказалось примкнувшим название члена конституционно-демократической партии (*конституционные демократы* – сокращенно *к.-д.* или с обозначением конца слова *к.-д.-т.*) в дореволюционной России *кадет*, которое окончательно оформилось по образцу ставшего ему омонимом названия воспитанников кадетских корпусов – «военно-учебных заведений для мальчиков, готовящихся к офицерской службе», которые именовались *кадетами*, хотя название членов конституционно-демократической партии *кадеты* фактически образовано на основе аббревиатуры.

Можно привести также еще целый ряд слов на *-ет*, соотносимых с однокоренными словами, благодаря чему конечный элемент может квалифицироваться в качестве суффикса, хотя степень выделимости этого суффикса у семантически довольно пестрых разных слов этого ряда неодинакова: *балет* (ср. *балерина*), *этикет* (ср. *этика*), *корсет* (ср. *корсаж*), *пиетет* (ср. *пиетизм*), *баллонет* (ср. *баллон*), *пакет* (ср. *паковать*), *лорнет* (ср. *лорнировать*), *кабинет* (ср. *кабина*), *мотоциклет* (*мотоцикл*), *дублет* (*дубль*), *дуплет* (*дупль*), сюда же *триплет* без соотносительного слова. Аналогичным же образом к «суффиксальному» *пистолет* (ср. *пистоль*, *пистоля*) примыкают старинные оружейные термины *мушкет*, *фальконет* и, возможно, *стилет*, где условий для такого четкого выделения конечной части *-ет* в качестве суффикса нет из-за отсутствия в русском языке менее сложных или хотя бы одинаково сложных по составу слов с другими суффиксами, но здесь какие-то основания для

осознания конечного *-ет* в качестве суффикса дает их семантическое единство (все четыре последних слова относятся к названиям оружия).

Итак, в русском языке имеется достаточно большое число разнообразных по значению производных слов с суффиксом *-ет* разной степени его вычленяемости [115]. Однако важно учитывать, что все рассмотренные здесь существительные на *-ет* образованы не на почве русского языка и, являясь в этом языке заимствованными, лишь вторично выделяют на русской почве суффикс *-ет* при наличии однокоренных заимствований менее сложной (в таком случае менее сложное по структуре слово выступает в роли псевдопроизводящей, т.е. псевдомотивирующей) основы или сходной структуры (в этом случае заимствованные слова с разными суффиксами обнаруживают связанность основы)[116]. Иноязычный характер суффикса *-ет* и его непродуктивность на русской почве, вероятно, препятствуют выводить слово *кисет* в качестве образования на русской почве.

В связи с этим оказываются вполне оправданными поиски источника для слова *кисет* за пределами русского языка. Здесь особенно популярной оказывается попытка искать этимологию на тюркской (татарской) почве[117], причем сторонники этого объяснения все-таки задают себе остающийся без какого бы то ни было ответа трудный вопрос: «Однако остается неясным, откуда взялось конечное *т*?»[118]. Действительно, конечный согласный *-т* не объясняется на тюркской почве, ибо малопопулярный уже на древнетюркской почве показатель множественного числа *-т* считается там эпизодическим заимствованным элементом согдийского (или, что менее вероятно, монгольского или тунгусо-маньчжурского) происхождения, не получившим четкого осмысления и широкого распространения у тюрков и даже часто сопровождавшимся обычным активным тюркским показателем

---

[115] В связи с этим категорическое указание экспериментально-академической «Русской грамматики» (Т. I. – М., 1980. – С. 199) о том, что суффикс *-ет* представлен лишь в единичном образовании *апологет – апология* (с общей **семантикой** «носитель предметного признака» и **значением** «лицо»!!), следует считать неточным и ошибочным.

[116] *Добродомов И.Г.* Проблемы заимствования морфем // Актуальные проблемы русского словообразования. – Т. I. – Самарканд, 1972. – С. 259–266; *Пастушенков Г.А.* Структура слова (единицы структурно-функционального плана). – Калинин, 1978. – С. 77.

[117] *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. – Киев, 1915. – С. 33.

[118] *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976. – С. 33.

множественного числа *-лар* (*-лер*)[119]. Он никак не мог присоединиться к относительно поздно проникшему на тюркскую почву персидскому *кисе*, *кесе*, которое через арамейское посредство восходит к древнему ассирийскому *kisu*. Дело в том, что сильное персидское влияние на тюркские языки началось после принятия некоторыми тюрками мусульманства, а это произошло после омертвления показателя множественного числа *-т* уже на древнетюркской почве.

При этимологизации любого слова представляется чрезвычайно важным учет хронологии слова на почве этого языка. Поздняя фиксация слова в русских словарях и текстах (XIX в.), конечно, говорит в пользу позднего характера слова, но здесь нужно вспомнить, что существительным *кисет,* в отличие от слова *киса,* обозначается слишком мелкий по значимости предмет, который просто не заслуживал упоминания в документах или других письменных памятниках. Отсутствие слова в старых источниках в связи с этим не может рассматриваться в качестве конструктивного элемента для этимологических разысканий.

Зато некоторой опорой в поисках хронологии слова и его этимологии может быть признано географическое распространение слова: слова более старые обычно отражаются как более распространенные территориально. Из того факта, что наименование маленького мешочка для курительных принадлежностей *кисет* известно всем трем восточнославянским языкам (русскому, белорусскому, украинскому), можно предполагать, что оно было известно и их общему предку – древнерусскому языку, который начал распадаться на самостоятельные языки после XIV в. При этом важно обратить внимание на то, что гласный *е* во втором слоге не перешел в положении после мягкого согласного перед твердым под ударением в *’о* (орфографически *ё*), а в украинском языке в *і* в закрытом слоге, что имело бы место в случае наличия этого слова в древнерусском языке XII–XIII вв. Следовательно, проникновение слова *кисет* в восточнославянские языки на основании наличия его во всех трех этих языках и своеобразия его фонетики можно датировать XIV в.[120] Именно применительно к этим

---

[119] *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980. – С. 147; *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). – Л., 1977. – С. 87–88.

[120] После XIV в. переход *е* в о в русском языке перестал действовать. См.: *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1965. – С. 131–133.

условиям и следует вести поиски предполагаемого источника. Но такая хронология заставляет отказываться от трактовки этого слова как изначально обозначающего «мешочек для табака», поскольку появление табака в России относится к более позднему времени.

При этимологизации вовсе нет необходимости опираться на словарные формы слова, хотя чаще всего заимствуются именно они. В некоторых случаях заимствования могут отражать какие-нибудь вторичные формы слова.

Правда, языковая ситуация XIV в. нам известна лишь в общих чертах, а о языках того времени мы можем судить лишь на основании материала языков современных, в которые поневоле должны вносить исторические коррективы.

В качестве предполагаемого источника для русско-украинско-белорусского слова *кисет* может быть взят современный осетинский язык, который представляет собой конечный результат непрерывного развития старых иранских языков Восточной Европы: скифского, сарматского и – наконец – аланского, – причем для наших целей будут существенными данные именно аланского языка, отдельные важные черты которого восстанавливаются на основании материала письменных памятников с опорой на осетинский материал. Для этимологизации русских слов особенно ценны факты аланского языка[121].

В осетинском языке есть целый ряд близких по значению и форме слов: иронск. *kysæ*, *kyssæ* (орфогр. *чыссæ*), дигорск. *kisæ* ‘кошелек, мешочек, кисет, кошелечек’; *k’æssa*, дигорск. *k’issa*, *k’essa* ‘мешочек, кисет, кошелечек’; *k’æssa* (орфогр. *къæсса*) ‘кожаный мешок’, которые в конечном итоге вместе с большим количеством сходных слов в соседних языках восходят к персидскому *kisa*/*kucä*[122].

Но в основу слова *кисет* легли не эти исходные аланско-осетинские словарные формы, а регулярная аланская форма множественного числа типа

---

121 *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. – I. – М.; Л., 1949. – С. 248–259.

122 *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М.; Л., 1958. – С. 613, 630, 634. Указанный здесь арабский источник (*kīs*, *кис*) не может быть принят во внимание ввиду его односложности, но он восходит через арамейское посредство к тому же старому ассирийскому источнику, что и персидское *kisā*, *киса*. Ср.: Brünnow // Fischer. Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftstellern. – Leipzig, I960. – S. 117. В арабский язык слово попало в арамейском status absolutus, а в персидский в status emphaticus, что и обусловило разное оформление конца слова в этих языках.

kysætæ, *kisætæ*, образованная с помощью суффикса *-t-* и окончания *-æ*. Основа множественного числа без окончания *kysæt-*, *kisæt-* как раз и могла дать нам столь привычное слово *кисет*, которое, конечно же, в XIV в. никак не могло обозначать «мешочек для табака», а, скорее всего, обозначало «совокупность мешочков для хранения элементов огнива (кремень, стальное огниво, трут)», что и обусловило его употребление в форме множественного числа на аланской почве, хотя, как свидетельствуют данные осетинского языка, формы множественного числа на аланской почве были не очень употребительны. Эта форма, видимо, была воспринята русскими как единственное число из-за необычности такого суффикса множественного числа для русских.

Можно привести примеры аналогичных заимствований из современного осетинского языка в русский в формах осетинского множественного числа.

Название специфической традиционной горной обуви осетин, верх которой делался из цельного куска кожи, а подошва из переплетенных ремешков, предохраняющих от скольжения, *æрчъи* (дигорск. *æркъе*) в русских текстах, по данным И.Е. Гальченко, употребляется как в формах осетинского единственного числа *арчи*, *арки*, так и (чаще) в форме осетинского множественного числа *арчита*, *арчиты*, *аркета*, но в русском языке эти разные формы одинаково воспринимаются как множественное число, столь характерное для названий обуви. Среди специфических осетинских слов этнографического содержания может быть назван термин для обозначения представителей высшего феодального сословия, помещиков *баделята*, *бадилята*, который, по данным той же книги И.Е. Гальченко «Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке», употребляется в русских текстах исключительно в формах множественного числа, отражая и осетинское множественное число на *-тæ*. Особенно показателен пример со словом *кашата* ‘мешок, сделанный из цельных шкур овец или коз’ (осет. *кæсса*), который у И.Е. Гальченко снабжен цитатой из книги Д. Мамсурова «Рассказы» (М., 1953. – С. 139): «Взвалили мы свои *кашата* на плечи и пошли пешком до станции...», где к этому слову сделано характерное авторское примечание: «*Каша* (*кашата* – форма множественного числа) – мешок, сделанный из

цельных шкур овец или коз», повлиявшее на дефиницию этого слова в «Глоссарии...»[123].

Любопытна, например, история иронского слова *mes* ‘мягкая сафьянная обувь, сафьянные носки’ (при дигорск. *mestæl*), восходящего к тюркск. *mest*, конечный согласный *-t* которого был воспринят за показатель множественного числа и не вошел в исходную форму (ср. русск. диал. *мешти*, *мечти* ‘турецкие спальные сапоги желтого сафьяна’ – по Далю)[124].

Как показывает сравнительно-историческое изучение иранских языков, родственных осетинско-аланскому, суффикс множественного числа *-m-* был в этих языках очень давно (он представлен был уже в древнем согдийском, а также в более новом виде в хорезмийском языках, которые сейчас известны лишь по старинным памятникам письменности, выйдя в Средней Азии из живого употребления; есть он и в существующем сейчас потомке согдийского языка – языке ягнобском)[125].

Широкое распространение слова *кисет* в современных восточнославянских языках препятствует выведению этого слова из финно-угорских языков, где также представлен показатель множественного числа *-m-*, особенно на почве мордовских языков – мокшанского и эрзянского [126]. Дело в том, что финно-угорские заимствования в восточнославянских языках ограничиваются распространением лишь в соседних с финно-уграми диалектах, за весьма редкими исключениями. К тому же слово *киса* не смогло по-настоящему распространиться в финно-угорских языках. Слово *кисет* из русского языка проникло в мордовские языки и употребляется как в мокшанском, так и в эрзянском языках, сохраняя хорошо облик русского слова.

Можно думать, что наличие гармонии гласных (оба слога имеют гласные переднего ряда) и конечное ударение в слове *кисет* не исключают

---

123 *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975. – С. 27, 33, 84.

124 *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. II. – Л., 1973. – С. 112.

125 Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1979. – С. 338–341.

126 Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). – М., 1974. – С. 221–223. О внешних связях финно-угорского показателя множественного числа *-m* см.: *Казанцев Д.Е.* Истоки финно-угорского родства. – Йошкар-Ола, 1979. – С. 27, 58, 68–69. Известное в мордовских языках русское заимствование *кисет* не выделяет никакого показателя в своем составе: это простое корневое слово, каковыми и являются в большинстве своем заимствованные слова на почве принявшего их языка.

тюркского посредства в заимствовании этого слова, хотя о старых тюркских языках Восточной Европы мы знаем очень мало, поэтому подобные предположения должны высказываться осторожно.

Примеры заимствованных существительных в форме множественного числа, как уже было показано, довольно многочисленны: *серафим*, *херувим*, *магазин*, *магарыч*, *индус*, *зулус*, *эскимос*, *рельс*, *клапан*, *розан*, *лаборатория*, *привилегия* и т.п. Считается, что встречающийся в конце основы скифских племенных названий согласный *-т-* также должен рассматриваться в качестве показателя множественного числа. Такого же происхождения конечный согласный в рассмотренном ранее старинном названии одежды *кабат*, которое сопоставимо с бродячим словом *каба* арабско-иранского происхождения с тем же значением, но проникло в русский и западнославянские языки из аланского источника[127]. Можно также назвать аланизмом и древнерусское название вида одежды *ягатъ*, которое М.Р. Фасмер считает «темным словом», но оно вполне соотносится со своим этимологическим диалектным дублетом *яга* ‘шуба из козьих шкур мехом наружу’ тюркского происхождения [128] . Заслуживает также упоминания не вполне ясный украинский диалектизм *ба́рват* ‘кожух’, соотносимый с другим семантическим диалектизмом *ба́рва* ‘форменная одежда, ливрея’ [129] . Обращает на себя внимание также наличие ряда наименований разного вида одежд и носильных вещей на *-т* типа *халат*, *бушлат*, *бешмет*, *жакет*, *жилет*, *корсет*, *берет*, *планшет*, *эполет*, *браслет*, *амулет*, *лорнет* и т.п., впрочем, с довольно слабой выделимостью конечной части.

В датировке восточнославянского слова *кисет* XIV в. есть известная доля натяжки и предположения, которое необходимо для обоснования аланского происхождения этого слова во всех трех языках – русском, белорусском, украинском. Однако нет полной уверенности в доказательности только одного географического критерия для категорического утверждения о том, что слово *кисет* было известно уже

---

127 По недоразумению слово *кабат* иногда считается тюркизмом. См.: *Болонина Э.Н* Тюркизмы в восточнославянской письменности XV–XVI веков // Советская тюркология. – 1982. – № 1. – С. 22–24. В тюркских языках название одежды *кабат* неизвестно.

128 *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М., 1973. – С. 543.

129 Етимологічний словник української мови. – Т. І. – Київ, 1962. – С. 141.

в XIV в. Четырнадцатый век выступает здесь как результат предположений, которые поддерживаются рядом фактов: слово не могло появиться в восточнославянских языках до XIV в., но это совсем не значит, что оно появилось именно в XIV в. Оно могло появиться и позже, но тогда речь едва ли может идти об аланском происхождении этого слова.

Если же за исходную точку этимологических поисков брать показания старых словарей и считать, что слово появилось в русском языке в XIX в. (первая фиксация в 1835 г. в словаре Ф.И. Рейфа), то от аланской этимологии придется решительно отказаться. В таком случае широкое географическое распространение слова *кисет* у белорусов и украинцев придется объяснить совсем недавним проникновением его из русского языка и относительно поздним его закреплением у белорусов и украинцев.

В таком случае первоисточником белорусского, украинского, мордовского *кисет* оказывается русский язык, и возникновение этого слова следует искать именно в нем, но одних русских ресурсов для этого оказывается недостаточно, поскольку при наличии производящей основы *киса* (сейчас это слово архаично) в русском языке, как уже было показано, нет активного суффикса *-ет*, который выделяется исключительно в составе заимствованных слов.

При этимологизации редких по своей структуре слов необходимо принимать во внимание, что они могут образоваться не по продуктивной модели словообразования, а в результате каламбурного приспособления слова под облик иностранного слова, как, например, шутливое слово *самкроше* ‘курительный табак, самоделок, своей крошки’, созданное в подражание французским словам (приведено В.И. Далем в его «Толковом словаре» под словом *сам*).

Еще в начале века Д.К. Зеленин обратил внимание на слова семинарского, бурсацкого жаргона: *поведенция*, *лупсенция*, *изведенция*, *заведенция*, *потаканция* и т.п., которые образованы от равнозначных русских слов добавлением к их усеченной и слегка трансформированной основе латинских суффиксов, благодаря чему слова приобрели ярко выраженный характер школьнических жаргонизмов, которые широко распространились в просторечии и даже проникли в народные говоры.

Подобные псевдолатинские слова обращали на себя внимание исследователей, которые смогли собрать значительный материал[130].

Жаргонное словопроизводство нельзя обходить при анализе лексических процессов нового времени, факты подобного рода представляют несомненный интерес не только с точки зрения теории и практики русского словообразования, но и с точки зрения исторической лексикологии и истории русского литературного языка.

Подобного рода гибридные образования давал не только латинский язык, но и другие языки, словообразовательные и формообразовательные элементы которого могли наслаиваться на русские слова. В этом отношении важно обратить внимание на результаты взаимодействия «французского с нижегородским», когда возникали своеобразные экспрессивные формы русских слов, которые использовались в художественной литературе. Это очень ярко продемонстрировано в комедии А.Н. Островского «Свои собаки грызутся, чужая не приставай» (картина I, явл. 6) в разговоре Павлы Петровны Бальзаминовой со своим сыном – мелким чиновником:

«Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю, – ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают – просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты все говоришь: “Я гулять пойду!” Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: “Я хочу проминаж сделать!”

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это – мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

---

130 *Зеленин Д.К.* Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. – Т. 54. – № 3. – Варшава, 1905. – С. 109–110; *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. – Киев, 1957. – С. 288; *Виноградов В.В.* Исследования по русской грамматике: Избр. тр. – М., 1975. – С. 205–206; *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. – М.; Л., 1965. – С. 267–269.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь, – как про нее сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: “Гольтепа!”

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют, – это “асаже” называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете!»[131]

Следует сразу же заметить, что недостаточность наших сведений о жаргонной лексике и правилах ее образования чрезвычайно затрудняет анализ слов такого рода. Когда-то академщик В.В. Виноградов обратил особое внимание на употребление Бальзаминовой слова *гольтепа*: «Экспрессивность слова нередко выражается своеобразной комбинацией аффиксальных элементов или индивидуальными изменениями, “искажениями” аффиксов. В экспрессивно окрашенных словах иногда окаменевают, застывают исчезнувшие аффиксы или возникают новые, необычные морфологические образования; например, *гольтепа*. Бальзаминова недаром приняла это слово за французское...» Далее следует (в сокращенном виде) неточная цитата из комедии А.Н. Островского и мало проясняющее дело примечание: «Акад. А. И. Соболевский указал на то, что собирательное *гольтепа* произошло от *гольтай*, ср. старое великорусское *гольтяй*, современное украинское *гільтай* (ср. областное великорусское *культяпа* – косолапый человек). “Прежде были вероятно более обычны слова на *епъ*, судя по великорусским фамилиям *Кутепов*, *Резепов*, *Казепов*”. Впрочем, А.И. Соболевский, ссылаясь на *культяпка*, допускал возможность связывать *гольтепа*, *культепа* с некогда существовавшим суффиксом *-еп-* (“Лингвистические и археологические наблюдения”. – 1912. – Вып. II. –

[131] Островский А.Н. Собр. соч. – Т. 2. – М., 1959. – С. 347.

С. 30)»[132]. Сбивчивость анализа ярко отражает скудость материала, который не позволяет определить нужный подход к нему.

Слово *кисет*, вероятно, в противоречии с первой гипотезой можно считать аналогичным же примером смешения «французского с нижегородским»: к русской основе *кис-а* был присоединен французский уменьшительный суффикс *-ет*, что весьма хорошо объясняет семантические различия слов *киса* и *кисет*. Правда, применительно к последнему приходится думать, что с выходом за пределы среды, где было «изобретено» это слово, оно скоро утратило внутреннюю форму и специфическую стилистическую окраску. Этому в какой-то степени, вероятно, способствовала дальнейшая утрата языком производящего слова *киса* при сохранении получившего популярность и стилистически очистившегося производного *кисет*.

Какую-то аналогию для слова *кисет* представляет русское название расхлябанного экипажа, повозки *драндулет*, которое получилось из польск. *dryndula*, *dryndulka* ‘старый разбитый экипаж, повозка’ с ориентацией на слова типа *кабриолет*[133], а также *мотоциклет*.

Поскольку хронология появления слова *кисет* остается не вполне выясненной, приходится пока дать две возможные версии его происхождения. Изучение истории этого слова по письменным источникам и накопление текстового материала позволят в дальнейшем уточнить хронологию и этимологию, выбрав одну из двух – наиболее подходящую по времени, но пока наиболее вероятной представляется русско-французская этимология слова *кисет*, хотя без специальных текстовых разысканий также нельзя решительно отказаться от аланской этимологии.

В связи с явными западнославянскими иранизмами встает вопрос еще об одном загадочном чешско-польском названии *меча*, которое получает возможность освещения с помощью иранского материала; старочешск. *šaršun*, старопольск. *szarszun* (последнее известно в XVI в. и выводится из

---

[132] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 207. Аналогичные трудности см. в статье: *Добродомов И.Г.* Из заметок по лексике А.С. Пушкина (По следам разысканий о слове *шаматон* из «Капитанской дочки») // Основы лингвистического анализа и методики преподавания иностранных языков в высшей школе. – Ярославль, 1978. – С. 17–22.

[133] *Шанский Н.М.* Как родилось слово *драндулет*? // Русский язык в школе. – 1966. – № 1. – С. 107.

чешского источника [134], что заставляет искать этимологию лишь для чешского слова).

Созвучные и семантически близкие слова обнаруживаются в иранских языках: персидск. *шäмшир* ‘сабля, шашка; меч; шпага, рапира’, курдск. *şemşir* [*шäмшир*] ‘меч’, афганск. *шамшер* ‘меч; сабля, шашка’[135].

Современные тюркско-русские словари также фиксируют это слово и для тюркских языков в достаточно близком для иранских языков виде: новоуйгурск. *шэмшэр*, *шэмшир* ‘меч, сабля, шпага’; узбекск. *шамшир* ‘клинок, меч, сабля, шпага’; киргизск. *шамшар* ‘меч, сабля; кинжал’; каракалпакск. *семсер* ‘меч, сабля’; казахск. *семсер* ‘сабля, меч’, причем последнее слово в «Казахско-русском словаре» Х. Махмудова и Г. Мусабаева (Алма-Ата, 1954. – С. 298) помещено не на своем алфавитном месте.

Некоторое сходство с этим словом обнаруживает и суахилийское *sansuri* ‘большой тесак с тупым лезвием’ (Суахили-русский словарь. – М., 1961. – С. 350), однако привлекать сюда это слово едва ли сейчас целесообразно, как и амхарское ‘шпага’ *samla* для этимологизации славянского слова *сабля*, *шабля*, поскольку этому препятствует неясность истории этих слов при значительной территориальной удаленности и опасности случайных созвучий.

Одновременно можно поставить вопрос о связи иранского *шäмшир* и чешско-польского *šaršún* (оба означают ‘меч’) с весьма загадочным словом *шереширъ* [136] в «Слове о полку Игореве», поскольку указанный гапакс «Слова...» можно рассматривать как своеобразную фонетически промежуточную форму между иранским и западнославянским названием меча: *шäмшир* – *шереширъ* – *šaršún*. Однако этот вопрос требует дополнительного рассмотрения.

---

134 *Bruckner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków, 1927. – S. 541; *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. – Praha, 1971. – S. 603.

135 Персидско-русский словарь. – Т. II. – М., 1970. – С. 114; *Курдоев К.К.* Курдско-русский словарь. – М., 1960. – С. 700; *Асланов М.Г.* Афганско-русский словарь. – М., 1966. – С. 552.

136 П.М. Мелиоранский (см. его «Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. VII. – Кн. 2. – СПб., 1902. – С. 296) сближение *шереширъ* с польским *шарширъ* (так!) ‘меч, шпага’ отверг как неудовлетворительную версию без особого анализа и без привлечения другого материала.

Фонетическое преобразование западнославянского слова от *шámшир* до *šaršún* можно объяснить контаминацией со средневерхненемецким наименованием кинжала *burdun* (из старофранцузского *bourdon* ‘копье’), которое, впрочем, само на польской почве приобрело облик *burderz* ‘кинжал, рапира’ (под влиянием средневерхненемецкого *burderie* ‘рыцарский турнир’) [137]. Еще на чешской почве иранское слово могло испытать влияние со стороны названия клинка, рапиры *bodoun* (ср. старочешск. глагол *bodu*, *bósti* ‘колоть’), которое отмечается исследователями как архаизм[138].

Западнославянские формы *šaršún* и иранские *шámшир* сами по себе заслуживают внимания (даже если не принимать во внимание загадочный гапакс из «Слова о полку Игореве» *шерешируъ*) своей удивительной семантической и звуковой близостью. На особую связь иранского мира с западнославянскими языками когда-то в другой связи обратил внимание О.Н. Трубачев[139].

---

[137] *Vasmer M.* Zum altpolnischen Wortschatz // Zeitschrift für slavische Philologie. – Bd. XXVIII, H. 1. – Heidelberg, 1958. – S. 118. Этот же германизм в сербском и русском церковнославянском языке встречается в написании *брьдунъ* ‘вид меча’, что должно читаться как *бърдунъ* > *бордунъ*. Другие чтения см.: *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I. – СПб., 1893. – С. 184; Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1. – М., 1975. – С. 330; *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. – Т. I. – М., 1964. – С. 152.

[138] Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 2. – М., 1975. – С. 154.

[139] *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. – М., 1967. – С. 81. Ср. также: *Добродомов И.Г.* Еще раз о славянских вариантах **sabja*, **šabja* // Этимология 1983.

Глава 2
ФОНЕТИКА ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ

Карий[140]

В русских этимологических словарях начиная со словаря Ф. Рейфа[141] стало традиционным выводить русское прилагательное *карий* из общетюркского прилагательного *кара* – «черный». Это объяснение выглядит весьма убедительно, тем более что в русском языке встречается также вариант *ка́рый*, которому соответствуют белорусск. *ка́ры*, украинск. *карий* (с твердым *р*) – «карий (о глазах); вороной», *карооки́й* – «имеющий карие глаза», польск. *kary* – «вороной» (из украинск.), чешск. (только в словаре Юнгмана) *kary* (из польск.). Ср. также заимствованное из турецкого языка болгарское архаичное неизменяемое прилагательное *ка̀ра* – «черный, смуглый; грозный, страшный»; сербскохорв. *ка̀ра*.

Однако, во-первых, остается неясным происхождение мягкости согласного *р'* (ср. также краткую форму в сочетании *конь карь*)[142]. Во-вторых, русское слово *карий* имеет значение «бурый, каштановый, кофейный (о глазах)»: *каряя лошадь* – «самая темная гнедая, но посветлее караковой; стан почти вороной, и только на ногах заметен буроватый отлив, а вдоль спины черный ремень; светлее вороной, но темнее гнедой». Это значение далеко от значения тюркского *кара* – «черный, вороной», а ведь в названиях лошадиных мастей тщательно учитывались все оттенки. В-третьих, трудно объяснить передвижение ударения с конечного гласного, который на русской почве стал окончанием, к началу слова, которое стало основой русского слова; *кара́* – но *ка́рий*.

Русское прилагательное *карий* – «каштановый» следует решительно отделить от украинского *карий* – «вороной», оставив старую этимологию, связывающую название вороной масти с тюркским прилагательным *кара* –

---

[140] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Этимологическая страничка. *Карий* // Русский язык в школе. – № 4. – 1970. – С. 105.

[141] См.: *Ф. Рейф.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. – Т. I. – СПб., 1835.

[142] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – Т. IV. – Вып. 2. – СПб., 1908. – Стлб. 493. Гораздо естественнее допустить отвердение *р'*, чем смягчение *р*, ибо процесс смягчения спонтанно, кажется, не развивается, в противоположность отвердению.

«черный», для украинского *карий* – «вороной». При этом, однако, следует отделить данное значение от значения *карий* – «каштановый». Это омонимы разного происхождения.

Источник русских названий конских мастей – это обычно тюркские языки. Первоисточником для русского *карий* со смягченным согласным *р'* можно назвать тюркское слово с вокализмом переднего ряда. Им может быть тюркский термин с весьма близким значением, обозначающий также конскую масть: татарское и казахское *керъ* – «мухортый (масть лошади)», алтайск., телеутск. *кäр* – «карий, гнедой (лошадиная масть)», киргизск. *кер*, каракалпакск. *кер* – «мухортый», *кер торы* – «мухорто-гнедой», алтайск. *кер* – «гнедой», *кара кер* – «темно-гнедой», якутск. *кärä* (о конской масти) – «белый, беловатый, серый, светло-желтый, рыжеватый, саврасый, соловый» и т.д.

М.А. Рясянен считает все эти слова исконно родственными с монгольским *кегер* – «коричневый»[143], причем в этом слове, вероятно, рано произошла утрата интервокального согласного *г* с последующим стяжением гласных на тюркской почве и утратой долготы даже в якутском языке (возможно, с компенсационным конечным гласным).

Общетюркскому гласному *е* (*ä*) в чувашско-булгарских языках есть регулярное соответствие *а*[144], причем легкая палатализованность согласных при переходе общетюркского **käр* в булгарско-чувашское **к°ар°* утрачивалась на булгарской почве не сразу, так что, уже войдя в русский язык, конечный полусмягченный согласный *р* усилил свою мягкость: *р* > *р'*. Следовательно, булгарское **к°ар°* вошло в русский язык с полумягким конечным согласным *кар°* и присоединило окончание *-ь*.

Уже на русской основе к заимствованному краткому прилагательному *карь* были добавлены необходимые окончания с сохранением старого ударения на корневом слоге.

Семантически тюркск. *кер* – «мухортый, т.е. гнедой с желтоватыми подпалинами», ближе к русск. *карий*, чем тюркское *кара* – «черный, вороной».

---

143 *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – C. 254.

144 См.: *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Т. I. – Чебоксары, 1954. – С. 160–161.

Два булгаризма в древнерусской этнонимии: др.-рус. *тиверьцы* (*тиверцы*)[145]

Тиверцы вместе с уличами жили на периферии восточнославянской территории – на юго-западе Руси: «седяху по Днестру оли до моря»; обычно они и упоминаются рядом с уличами. Уже А.И. Соболевский высказывал предположение, что тиверцы были не славянами, а тюрками. Тиверцы называются в «Повести временных лет» под 907 г. *толковины*. Этот загадочный термин встречается еще один раз только в «Слове о полку Игореве» с эпитетом *поганые*. К. Менгес, полагая, что *тиверцы* и *толковины* обозначают одно и то же, что *тиверьци* является тюркским переводом славянского *тълковины*, дает тюркскую этимологию этого этнонима. Отбросив славянский суффикс *-ьць*, он разлагает основу *тивер-* на два тюркских слова: *tiv* + *är*. Слово *tiv-* есть отглагольное имя от глагола речи *de-*. Этот глагол, будучи служебным словом, имеет большое количество модификаций даже в пределах одного языка: *de-, dä-, di-, te-, tä-, ti-*. По мнению К. Менгеса, отглагольное имя на *-v* характерно для северо-западной группы тюркских языков (в соответствии с *-gu*/*-gü* в языках других групп). Для этих же языков, по его мнению, характерен и глагол *de-* с гласной *i*[146].

Эта этимология остроумна, но признать убедительной ее трудно, ибо конструкции типа *tiv* – *är*, т.е. ‘человек говорения, разговора’, для тюркских языков нехарактерны: следовало бы ожидать *tivči*. Поэтому скорее можно было бы придерживаться более старой этимологии И. Маркварта, которая связывает этот этноним со старым названием Днестра – Τύρας[147]. Неубедительность своей этимологии хорошо понимал сам К. Менгес, хотя она и весьма заманчива, так как указывает параллель не только к этнониму *уличи*, но и к загадочному термину *тълковины*. Этимология И. Маркварта неубедительна потому, что скифское название Днестра у тюрок отразилось с гласной заднего ряда: ср.

---

[145] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Два булгаризма в древнерусской этнонимии // Этнонимы. – М., 1970. – С. 160–163.

[146] *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor’ Tale. – N. Y., 1951. – P. 52–53.

[147] *Marquart Y.* Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge. – Leipzig, 1903. – S. 189–190.

печенежское его отражение Τύρας у Константина Багрянородного и турецкое *Турла*[148].

Можно предположить еще одну чисто тюркскую этимологию этого племенного наименования, причем она должна отражать историю этого слова на тюркской и на славянской почве. Вероятно, что этноним *тиверцы* (отраженный в «Повести временных лет» в ее этнографической части под 884, 907, 944 гг. в формах *тиверьицы, тиверцы, теверцы, теверьцы*) восходит к тюркскому этнониму *türk*, который мог звучать в некоторых языках как *türik* со вставным кратким гласным *i*, на фоне последнего гласный *ü* приобретал долготу. Долгий *ü*, будучи чуждым для славянской фонетики звуком, на славянской почве должен был передаваться каким-либо близким звуком или звуками. Вместо долгого *ü* славяне стали произносить сочетание звуков *-ивь-*, выделив переднеязычность и лабиализованность, которые были лишь дифференциальными признаками фонемы *ü*, в качестве основы двух фонем. Звук *ь* после *в* был звуком вставочным, который употреблялся для открытия слога. Краткий *i* слова **tüürik* был передан на славянской почве как *ь*. Согласный *k* после *ь* испытал смягчающее воздействие и превратился в мягкую аффрикату *ц*'. Следовательно, при заимствовании славянами тюркский этноним *tüürik* был передан как **тивьрьць*.

Впрочем, разложение тюркского *ü* на комплекс *-ивь-* могло произойти также на тюркской почве – в булгарском языке. Для чувашского языка мы сейчас имеем несколько случаев, когда тюркскому долгому лабиализованному гласному в чувашском языке соответствует сочетание гласных с губным согласным. Ср. каз. *tuz* 'соль' – чув. *tăvar* 'соль'; каз. *tört* 'четыре' – чув. *tăvata* 'четыре'; каз. *көк* 'синий', 'зеленый' – чув. *кăvak* 'синий', 'сизый'; азерб. *köbäk* 'пупок' – чув. *кăvapa* 'пупок' и т.п. Для некоторых из приведенных тюркских параллелей к чувашским словам можно установить пратюркскую долготу на основании показаний туркменского языка. Правда, для этнонима *türk* туркменский язык не отмечает исконной долготы, но эта долгота могла возникнуть вторично по контрасту с краткостью вставочного звука *i*: *türk* → *tüürik*.

---

[148] *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor' Tale. – P. 52; *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т. III. – СПб., 1905. – С. 14–59.

Возможность тюркского происхождения данного этнонима подтверждается судьбой этнонима *уличи*, относительно которого доказано тюркское влияние в формировании названия[149]. Ср. также название *толковины*, относящееся к тиверцам в летописном известии под 907 г. Не случайно летописец считает нужным упомянуть в этнографической части «Повести временных лет», что *тиверцы* и *уличи* «ся зваху от грекъ Великая Скуфь», т.е. Скифия. Впрочем, под 907 г. это название прилагается к гораздо большему числу племен, но возможно, что название Великая Скуфь и здесь относится только к *тиверцам* и *дулебам*. Более позднее заимствование – *торки*, а также *турки* и *тюрки*.

В связи с наличием в этнониме *тиверьци* некоторых булгарских черт можно полагать, что заимствовано это название было до появления печенегов в южнорусских степях, т.е. до конца IX в.

Не лишено интереса сопоставление этого этнонима с именем печенежского князя *Тираха* (в византийской передаче Τυράχ) середины XI в. [150]

ДР.-РУС. ***ТОЛКОВИНЫ***

Слово встречается только в древнерусском языке: в «Повести временных лет» под 907 г. и в «Слове о полку Игореве».

М. Фасмер считает его переводом названия печенежского племени *tolmatz*, которое, очевидно, является отражением тюркского *тылмач* ‘переводчик’, употреблявшегося как почетное имя. К. Менгес даже пытается связать это название с древнерусским племенным названием *тиверцы*.

В летописи слово *тълковины* относится, вероятно, к тиверцам. Возможно, что оно связано с глаголом толковати ‘объяснять’, ‘переводить’. Тиверцы жили на периферии восточного славянства, в пограничных районах, поэтому они общались как с греческим населением Северного Причерноморья, так и с кочевниками южнорусских степей и выступали в качестве переводчиков. Очевидно, тиверцы в данном случае использовались Олегом как переводчики в походе против греков.

Упоминаемые же в «Слове о полку Игореве» *поганые тълковины* обозначают осевших на Руси и частично ославянившихся кочевников-язычников, которые выступали как переводчики во время переговоров русских

---

149 *Трубачев О.Н.* О племенном названии *уличи* // Вопросы славянского языкознания. – Вып. 5. – 1961.

150 *Moravcsik Gy*. Byzantinoturcica. – Bd. II. – Berlin, 1958. – S. 330.

с половцами. *Тълковинъ*, очевидно, является синонимом к ст.-сл. *тлъковьникъ* ‘переводчик’ от глагола *тлъковати*, производного от *тлъкъ* ‘перевод’, ‘переводчик’.

Учитывая то обстоятельство, что племенное название *тиверцы*, к которым прилагается слово *толковины*, обнаруживает тюркское происхождение, вполне вероятно, что слово *толковины* имеет значение ‘переводчики’, ‘толмачи’. Это название могло прилагаться к тюркам, знавшим славянский язык, или же к славянам, знавшим тюркский язык. Это мнение было высказано акад. А.А. Шахматовым и А.И. Соболевским, изложение их мнения см. в работе К. Менгеса[151].

Сам корень *тълкъ-*, от которого образовано слово *тълковинъ*, не имеет ясной этимологии на славянской почве, но его можно легко объяснить на почве тюркских языков. В основе его может лежать тюркское название для языка и речи *тыл*, *тил* с уменьшительным аффиксом *-ка* (**тылка*, ср. чув. *čĕlxe*<**тылка*)[152]. Эта тюркская этимология племенного названия *толковины* была подсказана другой этимологией, тоже тюркской, которую выдвинул Н.А. Баскаков в ходе своей работы над тюркизмами «Слова о полку Игореве».

[151] *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor’ Tale. – P. 52–53.
[152] *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. – С. 184.

Калякать[153]

Русский просторечно-фамильярный глагол *калякать* употребляется как синоним глаголов *говорить*, *разговаривать* Он известен только в русском языке, причем во времена В.И. Даля он, вероятно, не был общераспространенным словом, о чем свидетельствует словарная помета *вост.*

При этимологии этого собственно русского слова обычно для сравнения (вслед за Н.В. Горяевым) привлекают разные индоевропейские слова с корнем * *kal-*: лат. *cal-āre* ‘вызывать, сзывать, кричать’, греч. καλ-έω ‘зову’, древневерхненем. *hal-on* ‘кричать, звать, приносить’ и др.

Однако, помимо смысловых неточностей (привлекаемые слова обычно значат ‘звать, кричать’), приведенные сопоставления уязвимы и с фонетической стороны: корневой вокализм русского *калякать* и привлекаемых параллелей не совпадают генетически, ибо русское *а* начального слога (звучащее так и в окающих русских говорах) должно восходить к долгому гласному, а в предполагаемых соответствиях гласный *а* краткий. Кстати, этот индоевропейский корень закономерно отразился в русском языке (в удвоенном виде) в слове *колокол*<* *kol-kol*, с закономерным *о*.

Традиционная этимология рассматривает только первую часть слова, не объясняя ни причины смягчения согласного *л’*, ни суффиксальной части.

Нам кажется, что слово *калякать* следует признать тюркским проникновением, восходящим к булгарско-чувашскому глаголу речи, сохранившемуся в современном чувашском языке в виде слова *кала* ‘говорить’ и имеющему в других тюркских языках как соответствия только производные: др.-тюрк. *келäчу* ‘слово’, *келämäчи* ‘переводчик’, ср. также *кäлäчи* ‘речь, разговор, беседа’, *кäлимäчи* ‘собеседник’, карачаевск. *колечи* ‘сват, посланный’, балкарск *келеци* тж. К этим тюркским словам М.Л. Рясянен приводит следующие соответствия из других языков: монг. *келе* ‘говорить’, *келе-н* ‘язык’, финск. *kiele* ‘язык’[154]. Ср. также удмуртск. *кыл*, коми-зыр. *кыв*, эрзя-мордовск. *кель*, мокша-мордовск. *кяль* ‘язык’.

Мягкость согласного *л’* в русском слове напоминает о былой смягченности соответствующего чувашского звука в слове с вокализмом

---

[153] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Калякать // Русский язык в школе. – 1971. – № 1. – С. 111.

[154] См. *Räsänen M.* Versucheines etymologischen Wörterbuches der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – S. 248.

переднего ряда. К булгарско-чувашскому корню *кал-а* был добавлен русифицирующий глаголообразующий суффикс *-ка-*, присоединяющийся к словам междометного характера: *акать*, *дакать*, *такать* (от *та*), *гавкать*, *чавкать*, *тявкать*, *мекать*, *некать*, *и́кать*, *пиликать*, *хихикать*, *шикать* и мн. под. Булгарско-чувашский корень *каля-* представляет собой форму повелительного наклонения (2-е лицо ед. числа), которая по своим синтаксическим свойствам близка к междометным словам понуждения к действию: глагол от него образовался с помощью суффикса *-ка-*[155]. Ср.: *айда* (из тюрк. *айда*! – междометие побуждения от глагола *айда* ‘гнать’) – *айдакать* ‘кричать *айда*!’. (В неоконченном «Словаре русского языка» (Т. I. – Вып. 2. – *Ажио – Аллотриология*. – Новое издание. – Л., 1933. – Стлб. 254) представлен лишь совершенный вид *айдакнуть* с литературными примерами.) Диалектное *каляка* ‘говорун, болтун’ является отглагольным производным типа *мурлыка*, *сюсюка* и т.п. от соответствующих глаголов.

Семантическую деградацию глагола *калякать* на русской почве можно объяснить как результат размежевания значений с имеющимися в русском языке исконными глаголами речи типа *говорить*, *беседовать* и т.п.

[155] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук (Т. IV. – Вып. I) отмечает местные варианты *каля́кать* и, возможно, *каля́ковать* (стлб. 262), *калайда́кать*, *калайда́хать* и *калайда́чить* (стлб. 197, Донск. говоры), с несколько иным диалектным суффиксальным оформлением. Эти формы этимологи обычно не учитывают.

О половецких этнонимах в древнерусской литературе[156]

Таинственное название народа *хинове*, встречающееся в «Слове о полку Игореве», породило большое число попыток найти народ, к которому этот термин мог бы быть отнесен.

Хинове упоминаются при образном описании поражения князя Игоря в комментариях на сон Святослава: «Темно бо бѣ в 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ ним молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ тъмою ся поволокоста [...] и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови». (На месте многоточия в квадратных скобках в первом издании «Слова» находятся слова, помещаемые обычно после приведенной цитаты: «На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Русской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо», с. 25.) Здесь *хинови* – новая форма дательного падежа или от **хинъ* (по основам на *-й*), или от **хинова* (также новая форма вместо **хиновъ*).

Вторично термин *хинове* встречается при обращении Святослава к князьям Роману и Мстиславу: «Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля и многие страны: Хинова, Литва, Ятвязи, Деремела и Половци сулицы повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи» (с. 31–32). В форме *хинова* можно видеть или собирательное существительное на *-а* (ср. рядом *Литва*), или же новую форму на *-а* именительного падежа множественного числа от *хинъ* (основа на *-й*) вместо старой **хинове*.

Третий раз в «Слове» упомянуто прилагательное *хиновьский* также в прямой речи – в «Плаче Ярославны»: «О вѣтрѣ, вѣтрило! Чему, Господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею нетрудною крилцю на моея лады вой?» (с. 38). И здесь прилагательное может быть выведено как от основы *хинъ*, так и от основы *хинова*.

Большинство исследователей, однако, склонны к восстановлению в качестве исходной формы *хинъ* или же к реконструкции фонетически более старой формы *хынъ* (с учетом исторического изменения сочетания *хы* в *хи*

[156] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* О половецких этнонимах в древнерусской литературе // Тюркологический сборник 1975. – М., 1978. – С. 102–129.

в русском языке XII–XIII вв.). В дальнейшем именно эта реконструированная форма *хынъ* будет принята за основу для исследования.

РАЗНЫЕ ГИПОТЕЗЫ

В специальной статье Д.А. Расовского[157] сделан обзор прежних попыток толкования и этимологизации слова *хинъ* (<**хынъ*):

1) Вслед за первым изданием *хынъ* толковалось как *хан*, но сейчас такое толкование оставлено.

2) *Хынъ* рассматривалось как память о *гуннах*[158].

3) Вс.Ф. Миллер видел в спорном этнониме искаженное название *финнов*[159].

4) Некоторые комментаторы усматривают здесь общее наименование языческих народов, в том числе и половцев. В этом случае используются лишь указания контекста (без опоры на этимологию), а также реминисценции термина в «Задонщине».

5) Сам Д.А. Расовский видел в загадочном термине отражение имени жителей упоминаемого у Идриси города *Кинов* (قينيو в транскрипции А. Жобера – *Kiniow*, возможны также чтения *Кинив*, *Киниу*). Гипотеза Д.А. Расовского сочувствия не получила. Б.А. Рыбаков в этом загадочном городе предпочитает видеть современный *Канев*, хотя قينيو – *Кинов* Идриси находился у северного побережья Азовского моря[160].

Против отождествления загадочного пункта قينيو – *Kiniov* в Кумании с *Каневом*, что было предложено еще И.Н. Березиным, решительно выступил

---

157 *Расовский Д.А.* Хинова // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). – Т. 8. – Прага, 1936. – С. 301–306.

158 Ю. Моравчик считает, что этноним *хынъ* относится к венграм, которые в средневековой традиции считались потомками гуннов (*Moravcsik Gy*. Zur Frage der *Хинове* im Igor Lied // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – T. 3. – 1960. – C. 69–72). Ср.: *Sobo1evskij A*. Altrussisches *хинъ* // Archiv für slavische Philologies. – Bd. 30. – H. 3. – 1909. – C. 474. В более ранней работе (*Дубенский Д.* Слово о полку Игореве Святославля песнотворца старого времени. – М., 1844. – С. 130. – Прим. 45) сопоставление *хинъ – гунны* дается со ссылкой на П.Г. Буткова.

159 *Миллер Вс.Ф.* «Хинова» Слова о полку Игореве // ИОРЯС. – Т. 19. – Кн. 1. – 1914. – С. 110–118.

160 *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. – Вып. 43. – 1952. – С. 3–44. На схемах 11, 12, 13, 14 *Канев* отождествлен с *Кано* и *Киниов* карты Идриси, а на с. 41 говорится о невозможности локализовать загадочный город *Киниу*; на схеме 5 *Киниу* помещен на Дону выше впадения в него Северского Донца. На с. 9 говорится о тождестве названий *Кано* и *Киниов* с *Каневом*. Ср. с. 14, 32 и др. с упоминанием этих городов. В полемику с Д.А. Расовским Б.А. Рыбаков не вступает, хотя и ссылается на его работу.

О. Блау, указавший, что *Канев* у Идриси упомянут в форме قنو (в переводе А. Жобера قانو – *Сапо. – И. Д.*)[161].

6) Нельзя принять всерьез не учтенные Д.А. Расовским рассуждения автора «Полного церковнославянского словаря» (М., 1900) протоиерея Григория Михайловича Дьяченко, который поместил в свой словарь явно нецерковное слово: «*Хинъ* – (“хинови” в сл. о п. Игореве) – Под словом “хинови” разумеются не одни половци; в другом месте странами хиновными названы литва, ятвяги, деремела и половцы, из чего надо заключить, что название *хинъ* не было народным или племенным, а означало народов полудиких, преимущественно тех, которые тревожили Русь набегами. Не взято ли слово “хинъ” с греч. χήν, χηνός = гусь? В таком случае слово “хинъ” могло бы означать стада диких гусей, налетавших с криком на благодатную землю трояню. В великолуцком наречии есть слово *хинарный*, соответствующее слову: *лукавый* (*Арх. ист. и практ. свед.* 5, стр. 64). Нет ли чего общего между этим словом и словом *хинъ*? (См. *Записки отд. рус. и слав. археол.* Т. III, стр. 272–273)». Однако псковское слово *хинарный*, имеющееся у В.И. Даля с толкованием «лукавый?» (вопрос В.И. Даля) в 5-й книге изданного Николаем Калачевым «Архива исторических и практических сведений, относящихся до России» (СПб., 1860), не встречается в указанном месте. Вся статья *хинъ* в словаре Гр. Дьяченко является простой выпиской из работы Д.И. Прозоровского «Новый опыт объяснительного изложения Слова о полку Игореве», помещенной в т. III «Записок Отделения русской и славянской археологии Имп. Русского археологического общества» (1882), на что и сделана ссылка в конце словарной статьи.

7) Только ради полноты можно упомянуть совершенно фантастическое и экстравагантное толкование А. Карасика в докладе об ориентализме в «Слове…» (в изложении Ф.М. Головенченко): «В основе слова “хинова” А. Карасик видит венгерское слово *hin* – злоба, коварство, а *va-* является суффиксом...» [162].

К этим точкам зрения в 1966 г. присоединились еще два новых толкования термина *хинове* в «Слове о полку Игореве».

---

[161] *Blau O.* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen // ZDMG. – Bd. 29. – 1876. – C. 561 (Fußnote 16). Ср.: *Березин И.Н.* Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. – 1853. – № 9. – С. 240 (отд. отт., с. 20, прим.).

[162] *Головенченко Ф.М.* Слово о полку Игореве: Библиогр. очерк: Перевод: Пояснения к тексту и переводу. – М., 1963 (Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 193). – С. 111.

8) В связи с рецензией на словарь к «Слову о полку Игореве» Т. Чижевской высказать новые соображения относительно содержания термина *хинове* пришлось и мне: «...по мнению Т. Чижевской, которая в данном случае следует за Ю. Моравчиком, неясное *хинъ* в "Слове" означает "гунн" и относится к Венгрии (refers to Hungary). Если с фонетической точки зрения это сопоставление и приемлемо, то оно противоречит историческим фактам. Достаточно обратиться лишь к "Повести временных лет", составленной приблизительно на столетие раньше "Слова", но в которой *гунны* совершенно не упоминаются; здесь содержится лишь упоминание легенды об аварах-обрах, хотя авары были разгромлены лишь в конце VIII в. Известно, что авары появились на месте гуннов еще в VI в. Представляется весьма проблематичным, чтобы гунны были известны лучше, чем авары-обры, поэтому естественны попытки найти каких-то гуннов-хинов в XII в. Да и контекст, в котором употреблен этот загадочный термин, противоречит такому объяснению. Едва ли поражение русских князей на реке Каяле могло подать *великое буиство* венграм – *Хынови*. Естественно думать, что большую смелость придало это поражение именно половцам. *Хыновьскыѣ стрѣлкы*, которые ветер бросает на русских воинов, тоже могут быть только половецкими. Труднее объяснить *Хынове* в перечне многих стран, которые главы *своѣ поклонишя* владимиро-волынскому князю Роману и луцкому князю Мстиславу. В этом перечне (*Хынове*, *Литъва*, *Ятвязи*, *Деремела* и *Половьци*) упомянуты также и *половцы*, что кажется противоречащим толкованию термина *Хинъ* как "половцы". Но половцы занимали слишком большую территорию в южнорусских степях и делились на два объединения – Западное (Днепровское) и Восточное (Донское). Известно, что у половцев были два самоназвания, отразившихся в русских источниках как *сорочины* (<тюрк. *сары къ̈н*) и *куманы* (<тюрк. *қуман*). Русское *половцы* представляет собой кальку с обоих этих самоназваний[163].

На основании исторических данных можно предполагать, что название *сорочины* относилось к Западному объединению, а *куманы* – к Восточному, а термин *половцы* был общим названием для обоих объединений. Тюркский

[163] См.: *Добродомов И.Г.* Из древнерусской этнонимики. Древнерусское *сорочининъ* и греческое Σαρακηνός // СЭ. – 1966. – № 3. – С. 137–143; ср. также: *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. – М.; Л., 1958 (МИА. № 62). – С. 220.

этноним *қуман* известен также и в форме *қӯн* с долгим *ӯ* (в венгерской, персидской и арабской передаче)[164]. Тюркологи отмечают, что для кипчакских языков (в том числе и для половецкого) была характерна спирантизация заднеязычных, т.е. изменение *қ* > *х*[165]. Отсюда половецкое **хӯн*, которое дало древнерусское *хынъ*. Следовательно, *хынъ* должно относиться к Восточному (Донскому) объединению половцев. Поэтому в списке покорившихся стран *хынъ* относилось к одной, а *половьци* к другой группе половцев»[166]. Однако это отождествление загадочных *хинов* с половцами – *кунами* не было замечено и соответственно с этим не получило ни поддержки, ни осуждения.

9) Почти одновременно с этим толкованием появилась на русском и французском языках заметка Л.Н. Гумилева «Монголы XIII века и "Слово о полку Игореве"», которая в дальнейшем была развернута в целую главу его книги «Поиски вымышленного царства», где автор в решительных, хотя и безосновательных выражениях отвергает отождествление *хинове – гунны*[167] и возражает тем ученым, которые считали, что *хинове* – это название каких-то неведомых восточных народов: «Но народа с таким именем не было! Больше того, хины упоминаются как соседи Руси. Поражение Игоря "буйство подаста (sic! – *И. Д.*) хинови" (стр. 20)[168]. Воины двух западнорусских князей – Волынского Романа и Городенского Мстислава – гроза для "хинов" и литовских племен (стр. 23). И наконец, "хиновьскыя стрелкы" в устах Ярославны – образ совершенно ясный для читателей "Слова". Значит, этот термин был хорошо известен на Руси! Единственное слово, соответствующее этим трем цитатам, будет названием чжурчжэнской империи – Кин (современное чтение цзинь – "золотая") (1115–1234). Замена "к" и "х" показывает, что это слово было занесено на Русь монголами, у которых в языке

---

164 *Németh J.* Die Volksnamen *quman* und *qūn* // KCsA. – 3. kötet. – 1941–1943. – C. 95–109.

165 *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. – М., 1960. – С. 144 (с опечаткой).

166 *Добродомов И.Г., Улуханов И.С.* [Рец. на:] T. Čiževska. Glossary of the Igor' Tale, The Hague, Mouton and C°, 1966, 408 c. («Slavistic Printings and Reprintings». 53) // ВЯ. – 1966. – № 6. – С. 117–118 (в цитатах из «Слова о полку Игореве» соблюдена «нормализованная» орфография Т. Чижевской).

167 Причем критикуемую статью Ю. Моравчика о слове *хинове* Л.Н. Гумилев, судя по воспроизведению опечатки, не видел, а знал лишь по дилетантской работе А.А. Зимина «К вопросу о тюркизмах "Слова о полку Игореве" (опыт исторического анализа)» (Уч. зап. Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. – Вып. 31. – Исторический сборник. – Чебоксары, 1966. – С. 141), где содержится опечатка-первоисточник, сохраненная Л.Н. Гумилевым.

168 Ссылки в тексте Л.Н. Гумилева на страницы издания: «Слово о полку Игореве». – М., 1950.

звука “к” нет[169]. Но тогда возраст этого сведения не XII в., а XIII в., не раньше битвы на Калке в 1223 г., а скорее, позже 1234 г., и вот почему.

Империя Кинь претендовала на господство над восточной половиной Великой степи до Алтая и рассматривала находившиеся там племенные державы как своих вассалов. Этот сюзеренитет был отнюдь не фактическим, но юридическим, и племена кераитов, монголов и татар считались политическими подданными империи, т.е. кинами, хотя отнюдь не чжурчжэнями. Такое условное обозначение было в Азии весьма распространено»[170]. Однако примеров этого «распространенного» условного обозначения Л.Н. Гумилев привести не смог.

Считаю необходимым еще раз вернуться к анализу загадочного термина *хинове*, ибо предложенное Л.Н. Гумилевым толкование, не имеющее под собой никаких фактических оснований, не только слишком широко пропагандируется, но и получает невнятно-одобрительную поддержку А.А. Зимина, который принимает рассуждения Л.Н. Гумилева за доказанные и исходит из них в своих построениях[171], каковые с построениями Л.Н. Гумилева не совпадают, но тоже напускают туману.

Н.Ц. Мункуев в рецензии на книгу Л.Н. Гумилева дал критику построений последнего с точки зрения синологической и монголоведческой: «К сожалению, слово “хин” в “Слове о полку Игореве” не совсем справедливо связано Л.Н. Гумилевым с названием чжурчжэньской династии Цзинь (1115–1234) (стр. 313 и сл.). Автор читает кит. 金 *цзинь* ‘золото, золотой’ как *кин*, следуя позднейшей западноевропейской транскрипции и считая ее за средневековое чтение этого иероглифа. Иероглиф *цзинь* в среднекитайском звучал (т.е. читался. – *И. Д.*) как *Ŕim*, но в XIII–XIV вв. на монгольском алфавите Пхагсбы читался *gim*[172]. Однако в “Тайной истории монголов”

---

[169] Л.Н. Гумилев забывает, что в монгольском языке XIII в. такой звук еще был. Этих звуков было даже два: *q* и *k*. Частично они сохранились как смычные и в современных монгольских языках и диалектах (см.: *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. – Helsinki, 1955 (MSFOu. 110). – С. 129–146, особенно с. 129–130, 139–140). Л.Н. Гумилев все многообразие монгольских языков (новых и старых) сводит фактически к современному монгольскому языку.

[170] *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). – М., 1970. – С. 313–314.

[171] *Зимин А.А.* К вопросу о тюркизмах «Слова о полку Игореве». – С. 142. Для А.А. Зимина важно лишь то, что Л.Н. Гумилев относит «Слово…» не к XII в., а остальное А.А. Зимина не интересует, хотя с его концепцией вымыслы Л.Н. Гумилева находятся в непримиримом противоречии.

[172] См.: *Dragunov A.* The h̯Phags-pa Script and Ancient Mandarin // ИАН СССР. – Сер. VII. – 1930. – № 10. – С. 785. – *Прим. Н.Ц. Мункуева.*

чжурчжэни называются *jurčed*, а их император и династия *Altan-qahan* (букв. “Золотой кахан”). Поэтому русские едва ли могли впервые услышать слово *хин* от монголов в XIII в.» (см.: НАА. – 1972. – № 1. – С. 188).

* * *

В подавляющем большинстве случаев исследователи рассматривали название *хинове* само по себе, предпочитая этимологический подход (соотнесение с каким-либо известным словом) подходу контекстному, а между тем прежде всего анализ контекста, в котором употреблено загадочное слово, позволит вскрыть его значение и далее определить его этимологию.

Во всех трех случаях речь идет о врагах Руси, которые радуются поражению Игоря, боятся могущества отдельных князей и стре́лки которых ветер нес на русских воинов. В первом и последнем случае такими врагами могли быть только половцы: половцы обрадовались поражению Игоря, половецкие стрелы летят на русских воинов. Но такому пониманию, кажется, противоречит второй пример, где в числе испугавшихся врагов упомянуты и *хинове,* и *половцы*, которые здесь как будто даже противопоставлены. Чтобы снять это противоречие, представляется необходимым более внимательно рассмотреть все известные названия половцев.

КАК НАЗЫВАЛИСЬ ПОЛОВЦЫ?

Уже давно обращалось внимание на то, что половцы во многих языках обозначаются словами, производимыми от корней со значением «желтый», «бледный»: рус. *половцы* (ср. *поло́вый*, устар. *половóй*); польск. (из чеш.) *plavci* (*Pławcy*, *Plauci*, *Plawci*); отсюда также венг. *palócz*(*ok*), взятое у восточных славян; нем. *Val*(*e*)*we*(*n*) (ср. совр. нем. *fahl* и *falb* ‘блеклый’, ‘белесоватый’, ‘буланый’), латинизированные славянские формы *Falones*, *Phalagi*. Такое же значение имеет упоминаемое под 1050/51 г. в 75-й главе «Истории» армянского автора Матвея Эдесского название народа *хартеш* (досл. ‘светлый’, ‘белесоватый’, ‘белокурый’)[173].

[173] Ср. обзор литературы: *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanenn // Abhandlungen der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philos.-hist. Klasse. – NF. – Bd. 13. – № l. – B.-Lpz., 1914. Важные дополнения см. в рецензиях: *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах // Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 392–408; немецкий перевод Г. Шедера в предисловии к кн.: *Markwat J.* Wehrot und Arang. – Leiden, 1938. – С. 29*–51*; с точки зрения преимущественно синологической написана рецензия П. Пельо: *Pel1iot P.* A propos des Comans // JA. – Sér. 11. – T. 15. – № 2. – 1920. – С. 125–185. Подробную этимологию названий дал Ю. Немет: *Németh J.* Die Volksnamen *quman* und *qūn*. – С. 109.

ПОЛОВЦЫ

Мнения В.Н. Татищева о самоназвании и названии половцев противоречивы: 1) «Половцы по Донцу и Дону до нашествия татар великия войны с русскими чрез 160 лет продолжали, а наконец от татар исчезли; греки же сих номады, а они себя кумани именовали» (1739); 2) «Половцы был род сарматский, как и из имян владетелей их видно. Но сие имя русское дано от поль. Они жили по Северскому Донцу и по Дону в степях, а сами как именовались, неизвестно. Их конец – нашествие татар в начале XIII века» (1744)[174]. Впоследствии этимология слова *половцы* от *поле* приводилась неоднократно даже в наши дни[175]. Русское народно-этимологическое производство имени *половцы* от *полевой* нашло поддержку и на Западе[176].

Решительно высказался против производства названия *половцы* от *поле* А.А. Куник в своем разыскании «Начались ли русские торговые сношения и походы по Черному и Каспийскому морям во времена Мухаммада или при Рюрике?», опубликованном в качестве приложения III к исследованию Б.А. Дорна «Каспий» (Прил. № 1 к XXVI тому Записок Имп. АН. – СПб., 1875. – С. 387, прим.), производя это название от прилагательного *половый* без дальнейших уточнений.

Возражая Ф. Миклошичу, считавшему невозможным связывать русское *половцы* и чешское *plavci* с церковнославянским прилагательным *плавъ* и русским *половый*, ибо половцы, по мнению Ф. Миклошича, не были белокурыми, А.И. Соболевский привлекает немецкое название половцев *blawen*, *blauen* ‘синие’, ‘голубые’ и южнославянское *плав* ‘голубой’ и считает, что половцы были названы по имени своей Синей орды, а поэтому отвергаемая Ф. Миклошичем связь устанавливается уже несколько на другом основании. В этих рассуждениях А.И. Соболевского особенно ценной представляется мысль (явно не высказанная, но предполагаемая) о символическом характере употребления в этнониме «цветового корня».

---

174 *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – М., 1950. – С. 110, 180.

175 В 1968 г. мне пришлось вновь указывать на ошибочность такой трактовки (см.: *Добродомов И.Г.* Половцы и поле // Русская речь. – 1968. – № 6. – С. 105).

176 *Vámbéry H.* Der Ursprung der Magyaren. – Lpz., 1882. – C. 102 (прим. 3); *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. – Vol. 2. – L., 1888. – C. 70.

Слабым местом его гипотезы является опора на южнославянский, а не на восточнославянский лексический материал[177].

Мнение А.Н. Щекатова о происхождении названия *половцы* от того, что они брали много *полона*, а также мнение Пл. Бурачкова о связи его с *полог* ‘палатка?’ (половцы якобы жили в палатках-шатрах) сочувствия ни у кого не нашли[178], ибо они мало согласуются с законами языка.

Принятое в статье О. Блау отождествление половцев с парфянами (заимствовано последним из работы: G. Raw1inson. The Sixth Great Oriental Monarchy) [179] основано на латинизации славянского названия *половцы* у средневековых историков (*parthi*) [180] и поэтому легко отвергнуто И. Марквартом[181].

КЫПЧАК

Имя *кыпчак* ранним русским источникам совершенно неизвестно. А.И. Попов вскользь отмечает лишь случай употребления названия *кипчаги* в XVII в. в «Исторических актах Ярославского Спасского монастыря» (М., 1896) [182] . Известно оно некоторым средневековым путешественникам, писавшим по-латыни, в форме *капчат* (Kaptschat) (Рубрук, Карпини).

Существует предположение, восходящее к А.Н. Бернштаму, о том, что древнейшее упоминание кыпчаков содержится в 110-й главе «Исторических записок» (*Ши-цзи*) китайского историка Сыма Цяня (жил ок. 145–87 гг. до н.э.), повествующей о державе хуннов (сюнну) в II–I вв. до н.э. и ее

---

177 *Соболевский А.И.* Этимологические заметки // ЖМНП. – Ч. 247. – 1886, сентябрь. – С. 154. То же в статье: «Несколько этнографических названий» (Русский филологический вестник. – Т. 14. – № 3–4. – 1910. – С. 175), добавлено только, что «собственное название половцев было, в русской передаче, – *кумане*». Идея А.И. Соболевского была поддержана Л.Е. Крымским (Тюрки, іх мови та литератури. – І. Тюркські мови. – Вип. 2. – Київ, 1930. – С. 158–159, прим.), который, однако, считал, что *половый* ‘серый’ обозначал цвет половецких шапок в противоположность черным клобукам. Л. Пономарев (Куман – половцы // ВДИ. – 1940. – № 3–4. – С. 366–370) доказывает, что *половцы* – перевод тюрк. *куман*, *кубан* ‘синий’. Эту точку зрения приемлет В.А. Гордлевский (Что такое «босый волк»? К толкованию «Слова о полку Игореве» // Избранные сочинения. – Т. 2. – М., 1961. – С. 487). Идея А.И. Соболевского плохо подкреплялась тюркским материалом.

178 *Щекатов А.Н.* Словарь географический Российского государства. – Ч. 4. – М., 1805. – Стб. 1225: «Название Половцев дали им Россияне, как некоторые мнят, от полей, по которым они кочевали, или от полона, чинимого ими у Россиян». См. также: *Бурачков Пл.* Опыт исследования о куманах или половцах // ЗООИД. – Т. 10. – 1877. – С. 135.

179 *Blau O.* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen. – С. 586–587.

180 См., например: *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии. – М.; Л., 1938. – С. 415: «fuerunt Tartari in terra Valvolum paganorum, qui Pathi a quisbusdam dicuntur»; на с. 562–563 – аналогии из других латинских хроник.

181 *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. – С. 28–29.

182 *Попов А.И.* Кыпчаки и Русь // Уч. зап. ЛГУ. – № 2. Серия исторических наук. – Вып. 14. – 1949. – С. 94. В связи с этим представляется не вполне понятным замена немецкого *komanisch* «русским» *кипчакский* в русском переводе «Этимологического словаря русского языка» М.Р. Фасмера.

основателе Модэшаньюе. Одно из названий покоренных владений, 屈射 *цюйше* (*Кюеше* у Н.Я. Бичурина), реконструировалось как *кыпчак* (*кыйчак*)[183]. Однако эта гипотеза, основанная лишь на частичном сходстве реконструированной формы с этнонимом, не вполне убедительна и с хронологической точки зрения: предполагаемое первое упоминание кыпчаков оторвано от последующих слишком большим промежутком времени, да и в монгольскую эпоху этноним *кипчак* передавался у китайцев другими средствами. Иногда ссылаются также на упоминание кыпчаков в рунической надписи второй половины VIII в. в честь уйгурского хана Моюн-чора, или Баян-чора («Селенгинский камень», открытый Г.И. Рамстедтом) [184] . Однако чтение *қыбчақ* основано на конъектуре Г.И. Рамстедта, которая оговорена им в издании и немецком переводе, но в русском переводе этой оговорки уже нет. Безоговорочно воспринята эта конъектура в книге С.Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии (М.; Л., 1959. – С. 30, 34, 38), где соответственно в тексте, транскрипции и переводе фигурирует: AcBiAsZRut *түрк қыбчақ* ‘тюрки-кипчаки’. Лишь в «Словаре» к этой книге (с. 98) с помощью скобок отмечен конъектурный характер начала слова (*цы*) *бчақ* ‘народ кыпчаки’, причем значение этих скобок специально не оговорено. Согласно любезному сообщению С.Г. Кляшторного, на эстампаже Г.И. Рамстедта и фотографии сейчас от реконструируемого слова *қыбчақ* видны лишь две конечные буквы с *ч* и А *қ*, а от слова *түрк* видны лишь буквы *Rut – түр*.

Название *қыпчақ* особенно широко представлено у мусульманских авторов в формах: قپچاق *қипчāқ*, قفچاق *қифчāқ*, خفچاق *хифчāқ*, خفشاق *хифшāқ*[185], в китайских источниках монгольского времени этноним *қыпчақ* отражен

---

[183] См.: *Бернштам А.Н.* Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография: Сб. ст. – Т. 6–7. – М.; Л., 1947. – С. 154; *Бичурин Н.Я.* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950. – С. 50. Т. 3. Приложения. – М.; Л., 1953. – С. 181, 183, 210 (Указатель), 311 (Карта).

[184] [*Ramstedt G.J*]. Zwei uigurische Runeninschriften in der Noid-Mongolei. Aufgefunden und mit Transkription, Uebersetzung und Bemerkungen veröffentlicht von G. J. Ramstedt. – JSFOu. – Т. 30. – 1913; *Рамстедт Г.И.* Перевод надписи «Селенгинского камня» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. – Т. 15. – Вып. 1. – СПб., 1914. – С. 40.

[185] *Бартольд В.В.* Кипчаки // Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 550–551; там же изложено старое народно-этимологическое объяснение термина *қыпчақ* от *қобуқ*, *қопы* ‘дупло’: родоначальник этого народа родился-де в дупле дерева.

в виде *Kin-ch'a* или *K'in-tch'a*[186], в русской современной транскрипции – *циньча*.

Представляет некоторый интерес беглая этимология этого слова у В.Н. Татищева: «Имя же Кипчак мне переводчик, якобы с сегодайского, перевел конюх или коней пасущий, которое в описании положенному несогласно, а потребно внятнее изъяснить»[187]. Эта «невнятная» этимология интересна тем, что монголы при первой встрече с русскими, по сообщению русских летописцев, называли половцев своими конюхами.

Попытку К.И. Петрова вывести название *қыпчақ* из того же корня, что и *куман*, а также приписать этнониму то же значение желтого цвета[188] нельзя признать во всем убедительной, ибо в его построениях слишком много вольных сближений и трансформаций без учета тюркских языковых данных, хотя основная мысль гипотезы заслуживает внимания и может быть предметом дальнейших разысканий.

КУМАНЫ

Другое, менее известное название половцев – *куманы* – также представлено в русских летописях, но исключительно в рассуждениях общего характера, так что даже ставился вопрос о возможности книжно-византийского происхождения имени *куманы*[189]. Во всяком случае, в отличие от *половцы,* название *куманы* на русской и вообще славянской почве не объясняется.

В русских летописях встречается форма *Кумани* (или *Куманы*), в византийско-греческих – κόμανοι, κομάνοι наряду с κουμάνοι, κουμᾶνοι, κούμανοι, латинских – *Cumani*, *Comani*[190], причем формы с огласовкой *у* Ю. Немет считает древнейшими. Двойственность огласовки отражена также в личных и местных именах.

---

[186] Соответственно: *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. – Vol. 2. – C. 68; *Pelliot P.* A propos des Comans. – C. 149.

[187] *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – С. 232.

[188] *Петров К.И.* Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе, 1963. – С. 67; обзор этимологий см.: *Кононов А.Н.* Родословная туркмен; *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – С. 232; Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. – М.; Л., 1958. – С. 43, 86–87.

[189] *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах. – С. 402; *Попов А.И.* Названия народов СССР (Введение в этнонимику). – Л., 1973. – С. 127. Любопытно упоминание этого этнонима в русском азбуковнике конца XVI в.: *Кума́ни – Роу́с*[ь] *пре́же та́ко нарицашес*[я]. См.: *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. – Л., 1975. – С. 288.

[190] См. обзор: *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica[2]. – II. – B., 1958. – C. 167–168.

Как указывает В.В. Бартольд, «слово *команы* не встречается в мусульманской литературе, кроме писавшего в XII в. в Европе Идриси и тех авторов, которые пользовались его сочинением»[191].

Название *қуман* одни ученые выводили из гидронима *Кума* (Аделунг, Бретшнейдер, И.Н. Березин)[192], другие связывали этнический термин *куман* с рекой *Кубань* (д'Оссон, Г. Юл[193]), хотя у нас нет никаких исторических свидетельств о происхождении половцев с Северного Кавказа, где протекают *Кума* и *Кубань*.

Невниманием к словообразовательной стороне вопроса страдает мнение историка Д.И. Иловайского: «Полагают, что название *Куманы* означают "степняки" и что русское Половцы есть перевод этого названия, произведенный от слова *поле*, *степь*. "Кум" на языке татарских народов значит "песок"; отсюда, пожалуй, можно заключить, что Куманы это собственно обитатели песчаных степей. По свидетельству путешественника XIII в. Рубруквиса, Куманы сами себя называли *Капчатъ*»[194]. Затруднения вызываются тем обстоятельством, что тюркский суффикс *-ан* имеет уменьшительное значение, которое не вполне согласуется с названием этнонима[195]. П.В. Голубовский поставил вопрос о возможной связи *қуман* с тюркским *күн* 'солнце' + *мән* 'подобный' (аналогично *түркмән*).

На невозможность производства названия *Куман* от реки *Кума* указал О. Блау, возражавший И.Н. Березину на том основании, что «западный суффикс *-ан-* (греч. κόμανοι, κομανεῖς, лат. *Cumani*) не может быть принят для арабского قومانيه». Еще раньше И. Хаммер ссылался на отсутствие свидетельств о связи *куманов* с рекой Кумой[196].

---

191 *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 99.

192 *Березин И.Н.* Первое нашествие монголов на Россию. – С. 237 (отд. отт. – С. 17) (прим.); *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. – Vol. 2. – С. 70. – Прим. 825.

193 *Yule H.* Cathay and the Way Thither. – Vol. 3. – L., 1914. – С. 83. См.: *д'Оссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана. – Т. 1. – Иркутск, 1937. – С. 193 (прим. 1). Переводчик книги К. д'Оссона Н.Н. Козьмин считает, что, наоборот, кыпчаки дали свое имя реке *Кубань* (там же).

194 *Иловайский Д.И.* История России. – Т. 1. – Ч. 1. – М., 1876. – С. 307; 2-е изд. – Т. 1. – М., 1906. – С. 695.

195 *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. – М., 1966. – С. 172.

196 *Blau O.* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen. – С. 558 (прим. 2); *Hammer J. von (Purgstall).* [Обзор в журнале] // Jahrbücher für Literature. – Bd. 65. – Wien, 1834. – С. 15.

Ю. Немет отмечает, что этническое название *қуман* пережиточно сохранилось у других тюркских народов в форме этнонимов *қубан* и *қуманды*[197].

Только полноты ради следует упомянуть произвольное производство названия *қуман*(*ы*) из *Turcomane* (И. Хаммер-Пургшталь, 1834) или как невероятное образование из венгерского *kún* ‘половец’ с латинским суффиксом прилагательного *-anus*[198].

Встречаются иногда и некритические контаминационные объяснения: «Слово *куман* производная форма от *кум* или *кун*. А если мы вспомним о таких распространенных словосочетаниях, как *кзыл кум*[*ы*], *кара кум*[*ы*] [песок], то станет ясно, что *куман* значит *из песков, степняк,* а если же от *кун*, то почему не сравнивать с *кун – казах*, *солнце*, *день*; или от *кум* со значением “народ” [ср. *кумык*]» [199] . Авторы подобных «разъяснений» наивно предполагают, что сопоставления уже решили вопрос, и не заботятся о приведении этих сопоставлений в соответствие с грамматикой (определить характер суффиксальных элементов), без чего их рассуждения совершенно лишаются силы и приняты быть не могут.

КУНЫ

Название *қун* известно венграм в форме *kun* (и в латинизированной форме *Cuni*), но на венгерской почве оно не объясняется [впрочем, Ю. Немет (Die Volksnamen *quman* und *qūn*) отмечает у этого названия эпизодическую долготу, которая отражена и в мусульманских источниках: قون *қӯн*; правда, это название упоминается далеко на Востоке]. Попытку И. Маркварта («Über das Volkshum der Komanen». – С. 57), поддержанную с колебаниями К. Менгесом[200], увидеть следы этого названия в имени половца *Кунуй* (Лавр, летопись под 1096 г.) нельзя признать удачной, ибо совершенно неясной остается последняя часть имени – *уй*[201].

Параллелизм венгерского названия половцев *kun*, *kún* с названием народа قون *қӯн* в мусульманских источниках вызвал весьма оживленную полемику.

---

197 Иную точку зрения высказал Н.А. Аристов. Ср. сейчас: *Кононов А.Н.* К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кумык* // Ural-Altaische Jahrbücher. – Bd. 48. – Wiesbaden, 1976. – С. 159–166.

198 Hammer J. von (Purgstall). [Обзор в журнале]. – С. l5. Vámbéry H. Der Ursprung der Magyaren. – С. 104.

199 *Махмудов Х.Х.* Олжас Сулейменов – поэт и филолог // Простор. – 1969. – № 6. – С. 109; причем из-за неправильной расстановки знаков препинания это высказывание может быть приписано мне как продолжение цитаты, хотя я ничего подобного не утверждал.

200 *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, The Igor’ Tale. – N. Y., 1951. – С. 11.

201 На произвольность такого анализа указал уже П. Пельо (A propos des Comans. – С. 136).

Древнейшее упоминание тюркского (?) народа قون *құ̄н* И. Маркварт (с. 39) обнаружил в перечне восточно-тюркских народов VI климата у хорезмийца Бируни (XI в.) рядом с народом قای *қа̄й* (в «Географическом словаре» Иакута; I, ٢٩, 3 ff.). Персидский автор XIII столетия Ауфи (ок. 1228) сообщает, что народ قون *құ̄н* также назывался مرقة *м-рқа*, а вышел он из страны اقا *қыта*(*й*). Впоследствии народ قای *қа̄й* прогнал *құ̄н'ов* в страну سارى *са̄ры̄*, жители которой отступили в страну туркменов; гузы двинулись в страну печенегов вблизи Армянского моря (арабский текст Бируни и персидский Ауфи приведены у И. Маркварта с немецкими переводами, с. 39–42). Правда, В.В. Бартольд и первоначально В.Ф. Минорский сомневались в существовании народа قون *құ̄н*, ибо в других списках и у иных мусульманских авторов, писавших на эту тему, на месте قون *құ̄н* обычно читается قورى *құ̄рпа̄* или فورى *фӯрпа̄*, этому написанию они и отдавали предпочтение[202].

Однако в обнаруженном несколько позже непосредственном источнике Ауфи – сочинении сельджукского придворного врача Мервези (Марвазӣ) (ок. 1120) упоминаются два разных народа: قون *құ̄н* и قورى *құ̄рпа̄*, правда, в разных отделах[203]. Кроме того, Ю. Немет отмечает, что имя народов *құ̄н* и *қа̄й* читается на одной сирийской карте 1150 г. (с. 107).

Вопрос о другом названии загадочных восточных *құ̄нов* – مرقة *м-рқа* – после открытия рукописи Мервези отпал, ибо в тексте у последнего ясно читается арабское слово فرقة *фирқа* ‘группа’, т.е. «племя». Мервези также сообщает о том, что *құ̄ны* были христианами несторианского толка, а это характерно и для половцев.

Существовало много сторонников отождествления названия *құ̄н* с *гуннами* (*hun*)[204].

---

202 *Ḥudūd al-ʿĀlam* ‘The Regions of the World’. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A. D. Transl. and expl. by V. Minorsky. – L., 1937. – C. 284–286; *Бартольд В.В.* Киргизы. Исторический очерк // Сочинения. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 1963. – С. 497; *Он же*. Новый труд о половцах. – С. 99, 395.

203 Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī on China, the Turks and India. Arabic text (circa A. D. 1120) with an English Translation and Commentary by V. Minorsky. – L., 1942 (см. указатель под словом *qun*). Русский перевод главы о тюрках см.: Труды сектора востоковедения АН КазССР. – Алма-Ата, 1959. – Т. 1. – С. 211–218.

204 Беглый обзор см.: *Németh J.* Die Volksnamen *quman* und *qūn*. Одно время Ю. Немет принимал это сближение наряду с объяснением из тюрк. *kün* ‘народ’ ~ монг. kümün ‘человек’. Ср. изложение точки зрения Ю. Немета в рецензии Ю. фон Лазициуса на книгу: *Németh J.* A Honfoglaló magyarság kialakulása. Budapest. 1930 // Zeitschrift für slavische Philologie. – Bd. 8. H. 1–2. – 1931. – C. 289 (с индоевропейско-уральскими параллелями). Название *құ̄н* Ю. Немет выводил здесь также из *құ̄н* + *ман* (ср. тӱрк ~ *тӱркмӓн*) (с. 141–142).

ТЕОРИЯ Ю. НЕМЕТА[205]

Известный венгерский тюрколог Ю. Немет в специальной статье доказал, что все «бледно-желтые» наименования половцев являются калькой с их тюркских (само?) названий *куман* и *қӯ*, которые восходят к тюркскому прилагательному *қӯ* (из более старого **қӯб*) ‘бледный’, ‘желтый’, представленному в «Опыте словаря тюркских наречий» В.В. Радлова следующими примерами: алт., тел.; саг., кач.; казах.; половецк. *қӯ* ‘бледный’, ‘желтовато-бурый’; (казах.) ‘седая, старая хитрая (о старой женщине)’; (алт., половецк.) ‘высохшее дерево’ (II, стлб. 882–883).

Кроме того, тюркским языкам известна форма этого же прилагательного с отыменным суффиксом *-а*: в словаре Махмуда Кашгарского *қуба* ‘цвет между красным и желтым[206]; у Абу Хайяна *қуба* ‘землистый цвет’; по материалам словаря В.В. Радлова: тел., шор.; сойонск. (тув.) *қуба* ‘бледный’, ‘сероватый’ (II, стлб. 1034); *қӯа* (кюэр.) ‘бледный’, (казанско-тат.) ‘бурый’, ‘темно-красный’ (II, стлб. 884); казанско-тат. *қөбә* (т.е. *qǫbă*) ‘буланый’ (II, стлб. 685).

К тюркскому материалу Ю. Немет добавляет ряд алтайских параллелей и приводит также несколько глагольных и именных образований от основы *куба* в тюркских и монгольских языках, которые показывают ее активность в этих языках. Далее Ю. Немет заключает: «Из прилагательного *қу*, *қуба* образованы этнонимы *қун* и *қуман* посредством отыменного суффикса -н[207]. (Менее вероятно, что *қуман* образовано от *қӯ* с помощью суффикса *-ман*, подобно *тӱрк-мӓн*, *қара-ман*, *кӓг-мӓн* и т.д.)». Далее даются многочисленные примеры чередования *м*/*б*, особенно перед *-н*[208] (с. 100).

Большой, но недостаточно критически подобранный и не всегда правильно оцененный материал об употреблении цветообозначения *қуба* в географических и этнических наименованиях собран в статье А. Гусейнзаде «Об этимологии топонима *Куба*» (СТ. – 1971. – № 2. – С. 119–125), однако название *қуман*, *қун* при этом не затрагивается. Топонимический материал, безусловно, связан генетически с этнонимами.

---

[205] *Németh J.* Die Volksnamen *quman* und *qūn*. С. 99.

[206] См. теперь ДТС.

[207] А.Н. Кононов (Показатели собирательности – множественности в тюркских языках: Сравнительно-исторический этюд. – Л., 1969. – С. 17) считает этот *-н* аффиксом собирательности – коллективности.

[208] Ср. теперь: *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955. – С. 147.

Указав на равнозначность русского, немецкого и армянского названий половцев и этнонима *қуман* ~ **қубан*, Ю. Немет, однако, допускает также другую возможность этимологизации этих калек, высказанную ранее В.В. Бартольдом в рецензии на труд И. Маркварта: «Если половцы действительно, как полагает Маркварт, были светловолосым народом, то едва ли мы имеем только случайное звуковое совпадение между географическим (и этнографическим?) названием и турецким прилагательным»[209] (речь идет о стране ساری *сāры* в тексте Ауфи и тюркском прилагательном *сары*(ғ) ‘желтый’).

Впрочем, это предположение, по мнению Ю. Немета, не противоречит предыдущему: перевод мог относиться к двум народам, у которых внутренняя форма названий была одинакова.

Далее Ю. Немет возражает против тех точек зрения, согласно которым название половцев могло характеризовать цвет их волос (П. Пельо, Д.А. Расовский), обозначать излюбленную у них масть лошадей (к этой точке зрения первоначально склонялся и сам Ю. Немет), и указывает, что цветовое обозначение характеризует кожу половцев. Особенно большое внимание он уделяет свидетельству Адама Бременского (XI в.), обнаруженному И. Марквартом: «Ibi sunt homines pallidi virides et macrobii quos appellant Hussos» (здесь, правда, половцы отождествляются с гузами, место которых они заняли с середины XI в.). А. Зайончковский в целом принял этимологию Ю. Немета, но растолковал это цветовое обозначение как наименование излюбленной у них конской масти[210].

К. Менгес также в основном согласен с этимологией Ю. Немета, хотя в объяснении тюркского материала стоит на иной точке зрения: форму *қӯ* он считает стяженным вариантом *қуба*[211].

С Ю. Неметом можно не соглашаться только в одном: в свете новейших исследований о символике цветовых обозначений у тюркских и других народов Востока представляется наиболее вероятным считать, что цветовое

---

209 *Бартольд В.В.* Новый труд о половцах, с. 396. (В немецком переводе Г. Г. Шедера – с. 34* – опущено очень важное *kaum* ‘едва ли’, на что обратил внимание Ю. Немет.)

210 *Zajączkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. – Wrocław, 1949. – С. 8–11.

211 *Menges K.H.* The Oriental Elements. – С. 8–14. По словам самого К. Менгеса, он ознакомился со статьей Ю. Немета после завершения своей работы. Ср.: *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in der Türkdialekten. – Wiesbaden, 1961. – С. 95–97. Такова же точка зрения М. Рясянена (Материалы по исторической фонетике тюркских языков, с. 112, где тюркский материал рассматривается вне связи с этнонимом).

обозначение в названии половцев было чисто символическим, как это предполагал уже А.И. Соболевский. Известно, что тюрки пользовались двумя системами обозначения стран света с помощью цветовых наименований – китайско-уйгурской и буддистско-ламаистской. В соответствии с первой системой желтый цвет обозначал центр, а в соответствии со второй – север[212]. Правда, исторических данных для точного определения значения цветовой символики в этом случае у нас пока недостаточно. Дело осложняется также тем, что «желтое цветовое обозначение» относилось к двум народам – *қун* и *сары*, внутренняя связь между которыми тоже остается не вполне ясной.

СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Исследователи русского героического эпоса уже давно обратили внимание на некоторые странные и противоречивые черты отрицательного персонажа наших былин – Соловья-разбойника, который преграждал прямоезжую дорогу из Мурома в Киев, но был побежден богатырем Ильей Муромцем. Особенно много недоумений вызывало странное имя *Соловей-разбойник*; его объяснению посвящена довольно большая литература, обзор которой можно найти в работах М.Р. Фасмера и Т.Н. Кондратьевой[213].

Особенно привлекает внимание то обстоятельство, что у Соловья-разбойника подозрительно восточное отчество *Рахматович*, *Рахманович*, *Рахмантович* и т.п. (частичный перечень его отчеств дан в указанной книге Т.Н. Кондратьевой, с. 76–77, прим. 56), определенно указывающее на неславянское происхождение персонажа, на его связь с мусульманским Востоком[214]. Это дает нам основание сближать Соловья-разбойника

---

212 *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // СЭ. – 1964. – № 1; *Ludat H.* Farbenbezeichnungen in Völkernamen // Saeculum. – 5 (1954); *Gabain A.* Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // AOH. – T. 15. – Fasc. 1–3. – 1962.

213 *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 3. – М., 1971. – С. 712; *Кондратьева Т.Н.* Собственные имена в русском эпосе. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1967. – С. 75–80.

214 На этот факт не обратил внимания Б.А. Рыбаков, который по традиции видит в образе Соловья-Разбойника лишь олицетворение сепаратистски настроенных местных племенных князьков (см.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. – М., 1963. – С. 72–74; *Он же*. Первые века русской истории. – М., 1964. – С. 51). Это отчество восходит к мусульманским именам *Рахман* и *Рахмат*. В форме *Рахмантович* оба имени контаминировались. С русским прилагательным *рахманный* связывать это отчество воинственного хищника затруднительно по семантическим причинам, ибо *рахманный* связано с комплексом противоположных значений: «смирный», «тихий», «простодушный», «чудной», «неуклюжий» и т.п. (см.: *Прохорова В.Н.* Замечания к истории и этимологии слова *рахманый* // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 5. – М.: Изд-во МГУ, 1966. – С. 94–103). В связи с наличием у мусульман имени *Рахмат* отпадает надобность выводить отчество *Соловья Рахматовича* «из *вор Ахматович* – от имени хана Золотой Орды *Ахмата*, который в 1480 г. выступил против русских», как это принято в «Этимологическом словаре русского языка» М.Р. Фасмера (Т. 3. – М., 1971. – С. 450).

с тюркскими кочевниками южнорусских степей – печенегами или особенно половцами, которые, сами оставаясь немусульманами, испытывали сильное влияние со стороны ислама. «Кипчакские ханы, даже в Южной России, имели у себя на службе представителей мусульманской культуры, особенно специалистов военного дела, но даже в непосредственном соседстве с мусульманскими областями были немусульманские кипчакские ханства...»[215].

Русское *половцы*, как уже говорилось, происходит от прилагательного *полóвый* (у Даля с иным ударением – *половóй*) – «палевый, изабеловый или бледный, белесовато-соломенного цвета, как полова; бол(ьше) гов(орится) о собаках и зверях». «*Половáя лошадь*, по хвосту и гриве глядя, бывает: *полово-булáная* и *полово-солóвая*». Известна также поговорка: «Половой соловому под масть», указывающая на близость половой и соловой мастей. Ср. *соловый* (у Даля *соловóй*) – о шерсти, масти конской: «желтоватый, со светлым хвостом и гривой»[216].

Эта близость цветовых обозначений *половый* и *соловый* могла послужить основой для их взаимной замены, особенно в довольно условных случаях их применения к этническим названиям. Правда, случаи употребления прилагательного *соловый* для именования половцев в памятниках древней русской письменности нам неизвестны. Обычное обозначение этого народа здесь *половцы* или же изредка в книжно-назидательных контекстах *куманы*. Возможно, между образованиями от *половый* и *соловый* были какие-то стилистические различия, не позволяющие последнему проникать в письменность, но лишь употребляться в произведениях героического эпоса. Вполне возможное для этого рода устных текстов гиппологическое (коневодческое) сочетание *соловый разбойник* постепенно в связи с забвением внутренней формы названия превратилось в название пернатого *Соловья-разбойника*, который приобрел некоторые птичьи черты, сохранив, однако, и человеческие признаки.

Такому сближению в немалой степени помогло и то обстоятельство, что слова *соловый* и *соловей* однокоренные. Искажение первоначального названия

---

[215] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – С. 100.

[216] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – 6-е изд. – М., 1955. – Т. 3. – С. 263; Т. 4. – С. 266.

привело к тому, что черты хищника были приписаны совершенно безобидной птичке. Здесь безусловно справедливым должно быть признано высказанное академиком Н.П. Дашкевичем «объяснение птичьих черт Соловья-разбойника влиянием его имени, его свистом и пребыванием на дубах»[217].

В большинстве былинных сюжетов о Соловье-разбойнике последний обычно выступает как абсолютно отрицательный персонаж, которого убивают как заклятого врага, но в некоторых вариантах Владимир Красное Солнышко идет на мировую с Соловьем-разбойником, жалуя его детям высокие должности в Киеве. Эта развязка, кажется, скорее, говорит в пользу традиционной трактовки образа Соловья-разбойника как непокорного удельного князя, но если мы вспомним, что тюркский этнический элемент преимущественно черноклобуцкого происхождения играл довольно значительную роль в исторических событиях Киевской Руси [218], да и половцы находились с русскими не всегда только во враждебных отношениях, то и эта развязка былинного сюжета не будет противоречить предложенному объяснению образа Соловья-разбойника как собирательного образа половецкого кочевника лесостепной полосы, наблюдавшего за дорогой с дерева.

Итак, известный нам по былинам *Соловей*-разбойник появился на месте *Солового* разбойника – *Половца*, что следует учитывать и при анализе содержания былин.

В экземпляре первого издания «Слова о полку Игореве», хранящемся под шифром Гр. 5254 в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР (Киев), на с. 22 на поле слева против фразы «и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, в гридницѣ Святъславли» сделана поздняя приписка «Соловей разбойник]»[219], которая представляет попытку найти реального прототипа для былинного героя. Действительно, обстоятельства гибели Боняка

---

[217] *Дашкевич Н.П.* Разбор сочинения В.Ф. Миллера «Экскурсы в область русского народного эпоса. I–VIII» // Отчет о XXXVI присуждении наград гр. Уварова. – СПб., 1895 (отд. отт.). – С. 34.

[218] См.: *Расовский Д.А.* О роли черных клобуков в истории Древней Руси // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). – 1. – Прага, 1927; *Он же.* Печенеги, тюрки и берендеи на Руси и в Угри // Там же. – 6 (1933); *Он же.* Русь, черные клобуки и половцы в XII в. // Сборник в памет на проф. Петър Ников. – София, 1941 (Известия на Българското историческо дружество. – № 16–17); *Пархоменко В.А.* Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. – Сб. 3. – М.; Л., 1940.

[219] *Дмитриев Л.А.* История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. – М.; Л., 1960. – С. 55; но на фотокопии этого экземпляра (между с. 76–133 книги) надпись не видна.

и Соловья-разбойника весьма сходны, хотя этих данных маловато для отождествления персонажей.

ЗОЛОТАЯ ОРДА

Возможно, с калькированием половецкого наименования *қӯн – куман* связано возникновение в довольно позднее время (XVI–XVII вв.) загадочного термина *Золотая Орда*, который восточным источникам совершенно неизвестен (*Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – С. 138). Ведь половцы составляли весьма значительную часть населения улуса Джучи, по географическому названию территории расселения половцев задним числом могло быть названо и политическое объединение, государство. В плане связи названия Золотой Орды с половцами особый интерес представляет замечание В.В. Бартольда: «...имя Кипчак было перенесено и на монгольское государство Золотой Орды»[220].

РАЗДЕЛЕНИЕ ПОЛОВЦЕВ

Половцы занимали огромные территории, но без единой централизованной власти над всем половецким народом: «Движение кипчаков представляет редкий пример занятия народом огромной территории без политического объединения и без создания своей государственности. Были отдельные кипчакские ханы, но никогда не было хана всех кипчаков» [221] . Однако, вероятно, среди половецких кочевий возникали отдельные территориально ограниченные племенные объединения. Обычно эти объединения именовались или по главной местности, или по главному племени (роду) объединения, но были также и условные наименования объединений, охватывавших обычно большие подразделения половецкого народа[222].

---

[220] *Бартольд В.В.* Кипчаки // Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 550–551 (к сожалению, ссылки на источники отсутствуют). О следах прилагательного *сары*(*F*) «желтый» в ономастике Восточной Европы см.: *Благова Г.Ф.* В.В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем // Тюркологический сборник. 1971. – М., 1972. – С. 126. О термине *Золотая Орда* см.: *Богатова Г.А.* Золотая орда // Русская речь. – 1970. – № 1. – С. 70–77. Эта тема заслуживает специальных разысканий. Ср. также: *Rásonyi L.* Les noms toponymiques Romans du Kiskunság // Acta linguistica Academiae scientiarum Hungancae. – T. 7. – Fasc. 1–2. – Budapest, 1957. – C. 73–146.

[221] *Бартольд В.В.* Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – С. 99.

[222] См. карту расселения половецких орд Приднепровья в кн.: *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. – М., 1948. – С. 128–129; карту половецких кочевий XI–XIII вв. см. в работе: *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях (с. 174, также с. 193–194). Впрочем, А.И. Попов в книге «Названия народов СССР...» (с. 128–129) решительно и справедливо отвергает названия половецких родовых групп от речных

В арабской географии Идриси середины XII в. противопоставляются в половецкой земле *Белая*, *Черная* и *Внешняя Кумании*. Б.А. Рыбаков считает, что *Белая* (западная) *Кумания* включала приднестровские и приднепровские половецкие кочевья, а центром *Черной Кумании* был Северский Донец. *Белая Кумания* была владением Бонякидов, а *Черная* – Шаруканидов[223].

Идриси неоднократно[224] упоминает в описании VI климата *Куманию* قمانية (или ارض القمانية), а также один раз в VII климате; кроме того, это название Идриси снабжает уточняющими определениями: *Черная Кумания* (قمانية السودا), *Белая Кумания* (قمانية البيضا), *Кумания Внешняя* (القمانية الخارجة). Однако в издании А. Жобера исправлено на *Кумания Внутренняя* القمانية الداخلة на основе латинского перевода; О. Блау считает эту конъектуру неудобной[225].

Любопытно, что противопоставление западной части Половецкой степи ее восточной части у поздних арабских авторов, использовавших и сочинение Идриси, опирается на другую терминологию: западная часть именуется страной Каманской (بلاد القامانية), а восточная получает название Кыпчакской (نلاد الخفشاق, или القبجاق, или الخفجاق). Но эта терминологическая путаница, возможно, связана с контаминацией разных источников, как это обычно бывает у поздних компиляторов[226].

ЕЩЕ РАЗ О ПОЛОВЦАХ-СОРОЧИНАХ

В 1966 г. я опубликовал разного рода свидетельства в пользу того, что западные половцы в древних русских источниках именовались сорочинами, в чем отразилось название народа سارى *сāрыī*, который шел впереди народа قون *құ̄н*. (Впоследствии это название сблизилось и слилось с европейским

имен как результат безосновательного и беспрецедентного сочинительства К.В. Кудряшова, а Г.А. Федоров-Давыдов в книге «Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники» (М., 1966. – С. 147–150) солидарен с К.В. Кудряшовым.

223 Б.А. Рыбаков (Русские земли по карте Идриси 1154 г., с. 42–43) сопоставляет свою трактовку данных Идриси с трактовкой К. Миллера в виде двух схем. Г.А. Федоров-Давыдов (Кочевники Восточной Европы, с. 203) говорит не об областях, а о двух городах «Белая и Черная Кумания близ Тмутаракании (!) на карте Идриси», но с текстом его «Географии» он свое мнение не согласовал. Впрочем, на с. 149–150 он ведет речь и об областях *Белая* и *Черная Кумания*, но окончательное мнение Г.А. Федорова-Давыдова по этому вопросу уловить трудно.

224 Géographie d'Édrisi, traduite de l'arabe en français... par P. A. Jaubert. – T. 1–2. – P., 1836–1840; T. 2. – C. 391, 399, 400, 401, 404, 434, 435.

225 *B1au O.* Ueber Volksthum und Sprache der Kumanen. – C. 562 (прим. 19).

226 Géographie d'Aboulféda. Texte arabe publié par M. Reinaud et M. le Bon Mac Gukin de Slane. – P. – C. 205–206; Géographie d'Aboulféda, traduite de l'arabe en français... par M. Reinaud. – T. 2. – P. 1. – P., 1848. – C. 291–294.

названием мусульман *сарацины*[227].) Особо следует подчеркнуть колебание начального согласного между *с-* (Ауфи) и *ш-* (Мервези): ساری и الشاربة, которое напоминает соответствующий переход *с-* > *ш-* в булгарском языке, поскольку он эпизодически отражается в чувашском языке. В частности, общетюркское прилагательное цвета *сары*(*F*) ‘желтый’ в современном чувашском языке – единственном сохранившемся булгарском диалекте – имеет вид *шурă* (*šurə̆*) и значит «белый» (!)[228]. Конечно, трудно установить пути, по которым к Мервези попала булгаризованная форма этнического *шари*(*йя*) при *сāрыī* у Ауфи. Но происхождение названия *Белая Кумания* (قماذبة البيضا), у Идриси относящегося именно к западным половцам (потомкам народа (ساری *сāрыī* – الشاربة *аш-шāри*(*йа*) – *сорочинов*), становится понятным. Прилагательное «белый» – калька именно булгаризованного прилагательного *шары* ‘белый’ в соответствии с тюркским *сары*(*F*) ‘желтый’[229].

БУЛГАРСКИЕ СЛЕДЫ

Исследователи уже давно испытывали большие затруднения при классификации тюркских языков из-за пестрой и сложной картины схождений (общих черт) и расхождений (различий) между этими языками, возникших в ходе разного рода исторических взаимодействий, в которые на разных этапах истории вступали между собой тюркские народы – преимущественно кочевые. Кочевники легко преодолевали довольно большие расстояния и легко устанавливали контакты и взаимодействия, результатом которых было обоюдное обогащение контактирующих языков

---

[227] *Добродомов И.Г.* Из древнерусской этнонимики. Древнерусское Σαρακηνός // СЭ. – 1966. – С. 122–128. Д.Е. Еремеев в книге «Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории)» (М., 1971. – С. 67) не вполне корректно и без ссылок на источники акцептовал гипотезу И.Г. Добродомова как непреложный факт, что в рецензии на эту книгу Р.А. Гусейнов отнес к числу недостатков (СТ. – 1972. – № 2. – С. 106).

[228] Гласный *у* начального слога, по мнению лингвистов, развился в чувашском языке сравнительно поздно из гласного *а*. Именно значение «белый» у этого прилагательного в составе названия знаменитой хазарской крепости *Саркел – Белая Вежа* (в византийском греческом Σάρακελ может также быть скрыто более вероятное чтение *Шар(á)кел* с начальным *ш-*) в противоположность значению «желтый» в прочих тюркских языках позволило П. Пельо (*Pelliot P.* Notes sur L’histoire de la Horde d’Or. – P., 1949. – С. 214–215) высказаться в пользу булгарского характера языка хазар. Чтение *Ш-р-кил* обнаруживается в еврейско-хазарской переписке, см.: *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [1]. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М., 1962. – С. 192, со ссылкой на книгу: *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932. – С. 102 и прим. 18 (с. 105–106), где дается чувашская этимология этого названия, обоснованная материалом Н.К. Поппе. Там же обширная библиография.

[229] Любопытно, что булгарские диалекты, из которых были заимствованы венгерские формы *sár*, *sárog*, *sárga* (венг. *s* = *ш*) ‘желтый’, сохраняли общетюркское значение (см.: *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki, 1912 (MSFOu. 30). – С. 114).

за счет друг друга. Подобное взаимопроникновение гетерогенных элементов внутрь контактировавших тюркских языков делает необходимым при построении классификации тюркских языков не только брать во внимание современное состояние этих языков, но и учитывать исторические процессы формирования языков в связи с историей их носителей – тюркских народов. Опыт такой историко-типологической классификации тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования разработан в трудах известного русского тюрколога Н.А. Баскакова [230], который постоянно учитывает исторические судьбы тюркских народов при общей характеристике их языков, обращая внимание на возможные разнородные компоненты в составе языков у тюркских народов, сменявших друг друга в южнорусских степях. В частности, Н.А. Баскаков отмечает, впрочем без конкретных примеров, в этих языках даже позднего времени сильные булгарские следы, хотя ни торки, ни печенеги, ни половцы не были булгарами: булгарские черты в этих языках появились в процессе ассимиляции древних булгаров, суваров и хазаров, которые заселяли южнорусские степи в более ранний период[231].

О булгарских элементах в разных тюркских языках говорил уже В.Н. Татищев в замечаниях на труд П.И. Рычкова по истории татар, написанных в 1749 г. под названием «Напомнение на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нуждно», в связи с характеристикой чагатайского языка: «Астраханские и бухары ученые сказывают, яко бы чегодайский язык есть старейший и полнейший во всех татарских языках, а прочие все болгарским испорчены, и оного все прилежат научиться»[232].

Булгарские следы в Северном Причерноморье были известны еще в начале XIV в., когда на основании более старых источников сириец Абу-л-Фида писал свою «Географию». Описывая северные страны, Абу-л-Фида отмечает, что причерноморские города اقجا كرمان *Аққāкермāн* (Аккерман –

---

230 *Баскаков Н.А.* К вопросу о классификации тюркских языков // ИАН СССР, ОЛЯ. – Т. 11. – Вып. 2. – 1951. – С. 121–134; ср.: *Он же*. Введение в изучение тюркских языков. – 2-е изд. – М., 1969. – С. 210–230.

231 *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. – С. 127–128.

232 *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – С. 233.

Белгород-Днестровский) и صارى كرمان *Çārıkermān* (совр. Севастополь) находятся в области булгаров и тюрков[233].

Тюркоязычные булгары, известные по историческим источникам с VI в. н.э., были основоположниками двух государств – одного на Волге и Каме, другого на Дунае[234]. Однако салтово-маяцкая культура, которую археологи связывают с аланскими и хазарско-булгарскими кочевниками, переходившими от таборного кочевания к полуоседлости и земледелию, имеет гораздо более обширные районы распространения [235], что свидетельствует о распространении булгарско-хазарского и аланского этнических элементов за пределами булгарско-хазарских государственных объединений. Основными создателями салтово-маяцкой культуры, видимо, были булгары [236]. В дальнейшем булгары – создатели салтово-маяцкой культуры влились в состав других тюркских народов, но некоторые черты их языка можно обнаружить косвенно, как в случае с Белой Куманией (قمانية البيضاء) у Идриси, где прилагательное цвета «белый» отражает следы булгарского варианта *шары* ‘белый’ общетюркского цветообозначения *сары*(*F*) ‘желтый’.

ҚУН – ХЫНЪ

При учете булгарского посредства между русскими и половцами тождество наименований – *қун – хынъ* оказывается довольно прозрачным и очевидным. Из материалов Мервези – Ауфи следовало, что по стопам народа *сары* – **шары*, образовавшего потом в южнорусских степях западную ветвь половцев-сорочинов под эгидой Бонякидов, шел другой половецкий народ – *қӯн*, название которого до сих пор сохранилось в венгерском *kun*(*ok*) ‘половцы’. Именно этот народ образовал восточную часть половцев, населявших южнорусские степи и составлявших так называемую Черную Кумани (قمانية السوداء), по Идриси. Глубокозаднеязычный смычный согласный *қ* в половецком языке уже к концу XIII в., как показывают данные памятника Codex cumanicus, окончательно перешел

---

233 Géographie d’Aboulféda. Texte arabe... – C. 212–215; Géographie d’Aboulféda... – T. 2. – P. 1. – C. 317–318.

234 *Бартольд В.В.* Болгары // Сочинения. – Т. 5. – М., 1968. – С. 509–520.

235 *Плетнева С.А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М., 1967 (МИА. № 142). – С. 180–190.

236 Там же. – С. 188.

в фрикативный *х* [237], который был первоначально чужд тюркской фонетической системе. Аналогичное изменение произошло с этим звуком также и в чувашском языке; возможно, между этими явлениями и обнаруживается какая-то связь: половецкий язык изменялся под влиянием булгарского субстрата? [238] Однако гласный *у* в половецком языке обнаруживал устойчивость и обычно сохранял свое качество, но в современном чувашском языке старый тюркский лабиализованный гласный *у* утрачивал свою лабиализованность (огубленность), изменяясь в гласный типа *ы* или *ӑ* [239]. Следовательно, этническое название *қӯн* на булгарской почве могло приобрести звучание **хын* (или **хӑн* с редуцированным гласным), которое в точности соответствует древней форме *хынъ* загадочного термина *хинове*, упомянутого в «Слове о полку Игореве».

Итак, *хинами* назывались восточные половцы, занимавшие районы Подонья и находившиеся под эгидой Шаруканидов. Именно против этих половцев был предпринят поход, воспетый в «Слове о полку Игореве». Любопытно отметить, что все три случая упоминания *хинов* приходятся на прямую речь персонажей, а не на авторскую. Именно *хинам* – Шаруканидам подало повод к буйству поражение Игоря, именно *хины* – Шаруканиды осыпали русских воинов во время битвы стрелами *хиновскими*. Упоминание же *половцев* в одном списке с *хинами* в «Золотом слове Святослава», вероятно, можно объяснить тем, что в указанном контексте восточные *хины* – Шаруканиды противопоставлены западным *половцам* – Бонякидам, которые иногда именовались *сорочинами*. Восточные половцы здесь названы *хинова*, а западные (*сорочины* – ساری *сӑрыӣ*) почему-то поименованы калькированным (дословно переведенным) названием *половцы*, которое в других контекстах относилось и к *хинам*, и к *сорочинам*.

Можно также предположить, что одно из названий – *половцы* или *хинова* – является маргинальной глоссой, ошибочно попавшей не на свое место в текст «Слова о полку Игореве» при переписке, тогда вопрос

---

237 Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины). – М., 1967. – С. 351–352.

238 *Баскаков Н.А.* Введение в изучение тюркских языков. – С. 274.

239 *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – 2-е изд. – Чебоксары, 1971. – С. 142–145.

о противопоставлении *хинова – половци* в данном контексте снимается, а, скорее, возникает вопрос об их тождестве. Логичнее всего было бы считать, что глоссой – пояснением на полях сгоревшей рукописи был более привычный термин *половци*, которым пояснялся редкий и малоизвестный термин *хинова*, но наличие соединительного союза *и* перед словом *половци* при неуместности союза или даже усилительной частицы *и* в случае опущения этнонима *половцы* предполагаемой глоссы заставляет принять иное объяснение – в пользу глоссового характера термина *хинова*, который мог быть написан несколько выше строчки с поясняемым словом *половци*. Правда, здесь речь могла идти не о пояснении более хорошо известного этнического термина менее известным (впрочем, раньше степень известности этих терминов могла не совпадать с современной!), а, скорее, о конкретизации слишком широкого и неопределенного этнического наименования *половци*. Автор глоссы, возможно, хотел сказать, что в данном случае речь шла не обо всех половцах, а лишь об их значительной и главной части, которая после поражения неудачного похода Игоря воспрянула духом. В пользу глоссового характера этнонима *хинова* говорит следующий факт: в выписке Н.М. Карамзина из «Слова о полку Игореве», содержащейся в знаменитой «Истории государства Российского», *хинова* в перечне покорившихся народов отсутствует. Можно полагать, что Н.М. Карамзин не включил в выписку этот загадочный термин из-за того, что в рукописи он не вполне удачно вписывался в текст, выпадал из него. Опущение у Н.М. Карамзина термина *хинова* в силу непонятности последнего не может быть принято из-за того, что столь же, если не более, загадочный термин *деремела* в выписке сохранен. В первом издании «Слова о полку Игореве» загадочное слово *хинова* оказалось включенным в текст; возможно, с включением в текст слова-глоссы каким-то образом связаны особенности пунктуации этого места в первом издании. Текст выписки Н.М. Карамзина в III томе «Истории государства Российского» (первое издание – 1816 г., с. 464) воспроизведен также в книге Л.А. Дмитриева «История первого издания “Слова о полку Игореве”» (с. 256).

Возможно, что в названии *Черная Кумания* (قمانية السودا) у Идриси отразилась калька соответствующего тюркского термина, а в тюркских

языках цветовое прилагательное *қара* ‘черный’ может употребляться в переносном значении «несмешанный, чистый, единственный и т.п.»[240]. На этом основании можно полагать, что наиболее чистыми, настоящими, несмешанными были донецкие половцы из области Шаруканидов – *хинове*.

Не лишен интереса тот факт, что *черными* именовались также *кубанские булгары*, оставшиеся в этом районе Северного Причерноморья после переселения одной части булгар в Подунавье, а другой – в Волго-Камье из мест своего прежнего обитания в Предкавказье. Волжских булгар в поздних русских летописях называют *серебряными* (=*белыми*?).

Представляется чрезвычайно сложным вопрос о делении хазар на *черных* и *белых*, ибо уже первоисточники переводят это противопоставление в соматическую плоскость, обнаруживая буквальное понимание сообщаемых сведений[241].

ХИНЫ У АРАБСКОГО АВТОРА XII в.

Употребление названия *құн – хынъ* для восточных половцев, находившихся под эгидой Шаруканидов, возможно, обнаруживается и в других источниках кроме «Слова о полку Игореве», но, к сожалению, планомерных поисков в этом направлении сделано не было. Вероятно, именно о *хинах* идет речь в описании маршрута арабского путешественника середины XII в. Абу Хамида Гарнати, который в 1131–1153 гг. жил в разных местах Восточной Европы (Поволжье, Русь, Венгрия). Рассказывая о своем путешествии (1150 г.) из Булгара в Венгрию, Абу Хамид описывает свое пребывание в одном городе страны славян:

و وصلت الى مدينة من الصقالبب , يقال لها غور كومان , فيها من أبنإ المغربة الالوف , على صورة الأتراك , يتكلمون بكلام الترك , يرمون بنشاب مشل الترك , و يعرفون فى تلك البلاد بحـ

«И прибыл я в город страны славян, который называют *ғӯркӯмāн* (غور كومان). А в нем тысячи “сынов магрибинцев”, по виду тюрков, которые говорят (в рукописи: يتعلمون ‘учатся’; исправлено Ц. Дублером) на тюркском языке и стрелы мечут, как тюрки. И известны они в той стране [под именем] *ẋн*… (حذ)»[242].

---

240 *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkdialekten. – C. 33.

241 *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – С. 137 и сл.

242 Abū Hamid el Granadino y su relación de viaje por tierras eurasiáticos por César E. Dubler. – Madrid, 1953. – C. 25 (текст), 64 (испанский перевод). В русском переводе О.Г. Большакова [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М., 1971. – С. 37] текст искажен ненужными конъектурами.

Прежде всего следует иметь в виду, что слово «магрибинцы» нужно понимать буквально как «западные (люди)» и видеть в них западных тюрков страны славян по отношению к восточным тюркам Поволжья, откуда приехал Абу Хамид. Следовательно, Абу Хамид был в тюркском городе страны славян. Название этого города *ғӯркӯмӑн* (غور كومان) можно разбить на две части, в первой из которых (غور *ғӯр*) следует видеть булгарский вариант племенного названия *ғуз*(*з*) (с булгарским ротацизмом: чувашский *р* в соответствии с огузско-кыпчакским *з*), а во второй – славянскую или тоже булгарскую передачу этнического названия половцев *қуман*: именно в этих языках глубокозаднеязычный *қ* заменился постпалатальным звуком *к*, какой встречается в русском или чувашском языке. Если бы это название было усвоено Абу Хамидом от самих тюрков, то вместо كومان *кӯмӑн* в тексте стояло бы قومان *қӯмӑн* или خومان *хӯмӑн с* иным начальным согласным: *қ*- или *х*-. Как доказал еще П.В. Голубовский, в русских летописях *гузы* именовались *торками*. О тождестве же куманов с половцами известно еще из наших летописей. Следовательно, Абу Хамид в 1150 г. посетил город торков (и) половцев, называемый так по имени населявших его народов, причем слитное, бессоюзное соединение двух слов в одно название свидетельствует, вероятно, о тесном сплаве двух разных этнических компонентов городского населения (غور كومان *ғуркӯмӑн*)[243]. Что касается последней фразы о другом наименовании жителей этого города حذ *ẖн*-<…>, то отсутствие конечной буквы слова حذ *ẖн* в арабском тексте по изданию Ц. Дублера не позволяет с полной уверенностью указать, что это именно *хины* «Слова о полку Игореве». В испанском переводе Ц. Дублер дает это слово в транслитерации *ḥnh*, что позволяет восстановить арабское начертание حنه, но остается неясным, взято ли конечное -*h* (ه) Ц. Дублером из рукописи или же оно является плодом его конъектуры. Если конечный согласный -*h* (ه) есть в рукописи сочинения Абу Хамида, то тогда встает вопрос о том, нельзя ли в этом названии видеть древнерусский местный падеж множественного числа (*въ*) *хинъхъ* ~ (*въ*) *хинохъ*, воспринятый как исходная форма названия, причем смягченный и твердый согласные *х'* и *х* были переданы в арабской транскрипции разными буквами.

[243] Ср. название сблизившихся готов и аланов у И. Барбаро (XV в.): Gothalani (Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971. – § 51. – С. 132, 157, 181).

В заключение представляется нужным отметить, что предложенное в настоящем разыскании отождествление загадочных *хинов* с восточными половцами *қӯнами* в целом по направлению поисков для выяснения темного слова совпадает с поисками Д.А. Расовского, хотя методика и пути исследования различны. Общим с концепцией Д.А. Расовского является большое внимание к данным самого текста «Слова о полку Игореве», что иными исследователями делалось в гораздо меньшей степени.

Глава 3
ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ

К историографии изучения тюркизмов в русском языке[244]

Научное изучение тюркских лексических элементов в русском языке началось еще в XVIII в. Интерес к этой проблеме то усиливался, то ослабевал, но количество работ, посвященных исследованию тюркизмов, неуклонно росло, и поэтому появление критического обзора разысканий в данной области оказалось весьма своевременным. Обзоры предшествующих разысканий о тюркских заимствованиях, отличающиеся разной степенью полноты и глубины обобщения, содержатся почти во всех значительных работах, посвященных анализу тюркских по происхождению слов русского языка, хотя и носят здесь вспомогательный характер.

Специальным обзором литературы, посвященной изучению тюркизмов русского языка, явился опубликованный в 1966 г. Н. Поппе-младшим «Обзор исследований по тюркским заимствованиям в русском языке»[245]. В 1971 г. этот обзор в переработанном и дополненном виде был издан в Федеративной Республике Германии отдельной книгой под названием «Исследования тюркских заимствований в русском языке»[246].

В обоих вариантах обзора автор не стремился к библиографической полноте, что в значительной степени снижает ценность как статьи, так и монографии. Более того, исключив работы, посвященные отдельным словам, Н. Поппе-младший даже несколько сократил библиографическую часть своей книги, поэтому обзорная статья 1966 г. в библиографическом отношении продолжает сохранять свое прежнее значение. В книге основное внимание автора сосредоточено на характеристике теоретического уровня работ и объема исследований тюркизмов в русском языке, носящих словарный характер,

---

[244] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* К историографии изучения тюркизмов в русском языке // Советская тюркология. – № 5. – Баку, 1974. – С. 72–75.

[245] *Nicholas Poppt Jr.* A. Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language // Central Asiatic Journal. – Vol. XI. – № 4. December. – 1966. – С. 287–310.

[246] *Nicholas Poppe, Jr.* Studies of Turkic Loan-Words in Russian. Otto Harrassowitz. – Wiesbaden, 1971. – X + 70 стр. (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens. Herausgegeben für das Seminar für Srpach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn von Walter Heissig unter Mitwirkung von Herbert Franke und Nikolaus Poppe, Band 34).

начиная с составленных нашими востоковедами И.И. Березиным, А.К. Казембеком, В.В. Григорьевым, П.Я. Петровым и другими (по просьбе Второго отделения Академии наук на материале «Опыта областного великорусского словаря») глоссариев областных великорусских слов, «сходных или сродных» со словами восточных языков. Н. Поппе анализирует эти глоссарии, перепечатанные в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» (Т. 1. – Вып. I–III. – СПб., 1854). Более раннее их издание в прибавлениях к «Известиям Имп. Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (Т. 1. – 1852 и далее) автором, по-видимому, осталось неиспользованным, хотя о нем есть упоминание без точных библиографических данных. Важным дополнением к характеристике «Замечаний о восточных словах в областном великорусском словаре» И.Н. Березина являются им же написанные и чрезвычайно важные в методологическом отношении «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке» (Москвитянин. – 1852, август. – № 15. – С. 106–109 раздельной пагинации, отд. III). Последняя публикация И.Н. Березина у Н. Поппе, к сожалению, не упоминается, как и более ранние высказывания Ф.И. Эрдмана о приемах изучения восточных слов в русском языке, содержащиеся в двух его разных статьях под одинаковым названием «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский» [1) Казанский вестник, издаваемый при Казанском университете. – 1828. – Ч. XXIV, сентябрь. – С. 33–53 (отдельный оттиск); 2) Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Московском университете. – Ч. V. – Кн. I. – М., 1830. – С. 215–245].

Далее Н. Поппе-младший дает подробную характеристику лексикологических работ выдающегося слависта Ф. Миклошича в связи с анализом тюркского вклада в славянские языки, причем им вскрывается определенная преемственность между трудами Ф. Миклошича и предыдущими работами. Разыскания Ф. Миклошича рассмотрены автором вместе с откликами на его работы со стороны нашего лингвиста-полиглота Ф.Е. Корша и тюрколога-востоковеда Ф. Крэлица-Грейфенхорста.

Обзор работ, касающихся анализа тюркских лексических элементов «Слова о полку Игореве», Н. Поппе-младший начинает со статьи П.М. Мелиоранского, считая ее первым исследованием по данному вопросу, хотя следовало бы начать со статьи Ф.И. Эрдмана «Следы азиатизма в “Слове

о полку Игореве”», опубликованной в 1842 г. (октябрь) в части XXXVI «Журнала Министерства народного просвещения» (II отд. – С. 19–46). Не упомянут у Н. Поппе и заслуживающий особого внимания первый комментированный словарик тюркизмов «Слова о полку Игореве» в рецензии И.Н. Березина на стихотворный перевод «Слова» Н. Гербеля «Игорь, князь Северский» (Москвитянин. – 1854. – № 22. – Отд. IV. – С. 68–71). В обзор следовало бы включить также разыскания о группах слов или об отдельных тюркизмах «Слова о полку Игореве», принадлежащие перу В.А. Гордлевского, Н.А. Баскакова, Х. Шёльда, Л. Лигети, Л. Рашоньи, О. Прицака и других, упомянуть в нем отклики на монографию К.Г. Менгеса, в первую очередь рецензию Н. Поппе (старшего) в журнале «Word» (1953. – № 1). Лишь в библиографическом плане представляет интерес в целом дилетантская статья А.А. Зимина «К вопросу о тюркизмах “Слова о полку Игореве” (опыт исторического анализа)», опубликованная в «Ученых записках Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР» (Вып. XXXI. Исторический сборник. – Чебоксары, 1966. – С. 138–155).

Главное место в своих обзорах Н. Поппе-младший отводит рассмотрению работы Н.К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря», которая была задумана автором в тяжелую военную зиму 1941–1942 гг. как тюркологический комментарий к четырехтомному «Толковому словарю русского языка», под редакцией Д.Н. Ушакова. Исследование как доклад «О тюркских заимствованиях в русском языке» было доложено и обсуждено на четырех научных заседаниях комиссии по изучению современного русского языка в Институте языка и письменности Академии наук СССР в Москве 20 и 27 февраля, 6 и 13 марта 1942 г., причем на последнем заседании был также заслушан содоклад Б.Вс. Миллера об иранских словах в русском языке[247].

Сам Н.К. Дмитриев считал свою работу предварительной, полагая, что ее автор «едва ли имеет право сказать: feci quod potui»[248]. Опубликованное после смерти Н.К. Дмитриева его исследование «О тюркских элементах русского словаря» не лишено некоторых недочетов, связанных, вопреки несправедливому мнению Н. Поппе, не с тем, что Н.К. Дмитриев якобы «не

[247] Эти сведения были нам любезно сообщены присутствовавшим на упомянутых заседаниях С.С. Высотским, которому, пользуясь случаем, автор выражает свою признательность.

[248] См.: *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. – М., 1962. – С. 520.

владел в такой же степени сравнительным славянским и индоевропейским языкознанием, как тюркским» (с. 39), что не соответствует действительности, а с тем, что исследование в целом не было завершено. Судя по третьему подстрочному примечанию к вводной части исследования («В последнее время вышли еще работы проф. Миртова, М. Овода, Белецкого, Абаева, Менгеса»)[249], Н.К. Дмитриев знал работы К.Г. Менгеса о тюркизмах в славянские языках, но учесть эти работы более детально не смог. Н. Поппе же утверждает (см. с. 297, 301 статьи и менее категорично на с. 26 книги), что Н.К. Дмитриев с работами К.Г. Менгеса не был знаком. Есть в работе Н. Поппе-младшего и другие неточности. На с. 40 своей книги Н. Поппе ставит в упрек Н.К. Дмитриеву то, что последний якобы возводит русск. *киоск* непосредственно к турецкому *кёшк* ‘замок, вилла, особняк’, хотя на с. 537 книги Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков», на которую сделана ссылка, ничего подобного нет. Более того, во вводной части статьи (с. 511 той же книги) Н.К. Дмитриев точно указывает, каким путем это слово проникло в русский язык: персидск. > турецк. > новогреч. > франц. > русск.

В целом же труд Н.К. Дмитриева получил в обзоре Н. Поппе-младшего очень высокую оценку как исследование, в котором разработка теоретических проблем гармонически сочетается с практическим анализом тюркизмов русского языка. Н. Поппе признает самостоятельность и оригинальность исследования Н. К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря» в противоположность Г. Дёрферу, который в своей большой работе о тюркских и монгольских элементах в новоперсидском языке, упомянув книгу Н.К. Дмитриева «Строй тюркских языков» (М., 1962), делает в скобках весьма едкое замечание: «поскольку совпадает с “Этимологическим словарем русского языка” М.Р. Фасмера, не цитируется»[250]. Впоследствии, правда, и Г. Дёрфер вполне осознал, что статья Н.К. Дмитриева, опубликованная после выхода в свет словаря М.Р. Фасмера, никак с этим словарем не связана, и поэтому во II и III т. своего исследования он нередко ссылается на статью Н.К. Дмитриева вопреки обещанию не цитировать ее.

---

[249] *Там же.* – С. 515. В первом издании статьи (Лексикографический сборник. – III. – М., 1958. – С. 11) этого примечания нет.

[250] *Doerfer G.* Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. – Bd. I. – Wiesbaden, 1963. – C. XVIII. Ср. последующие тома: Bd. II. 1965; Bd. III, 1967.

Н. Поппе-младший почему-то не упоминает и другой статьи Н.К. Дмитриева «Ударение в русских словах тюркского происхождения» (Сборник статей по языкознанию. Памяти М.В. Сергиевского. – М., 1961. – С. 96–104), которая по содержанию непосредственно связана с большим исследованием автора «О тюркских элементах русского словаря» и служит акцентологическим дополнением к последнему.

Последняя часть рассматриваемого обзора содержит общую характеристику этимологических словарей русского языка, в числе которых следовало бы упомянуть сохранивший сейчас лишь историческое значение «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка» Ф.И. Рейфа (Т. I–II. – СПб., 1835–1836). В этом словаре имеется немало удачных сопоставлений русских слов с тюркскими. Н. Поппе-младший характеризует этимологические словари лишь с точки зрения подачи в них тюркских заимствований.

Однако, хотя автор и ограничился в своей книге в основном характеристикой исследований типа словарей и глоссариев, можно и здесь у него отметить упущения: *Овод М.* О тюркизмах в русском и украинском языках // Белем (Знание). – Уфа, 1930. – № 1. – С. 51–56; № 2. – С. 69–73, там же рецензия (№ 5–6. – С. 79, 81); *Räsänen Martti*. Der Wolga-bolgarische Einfluss im Westen im Lichte der Wortgeschichte // Finnisch-ugrische Forschungen. – Bd. XXIX. – Helsinki, 1946. – С. 190–201. Последняя работа особенно важна, ибо М. Рясянен ставит вопрос о необходимости выделения среди прочих тюркизмов слов с чувашско-булгарскими чертами. Этот вопрос был выдвинут еще раньше Н.И. Ашмариным в книге «Болгары и чуваши» (Казань, 1902), в которой приводится список русских и церковнославянских слов, обнаруживающих сходство с чувашскими (с. 112–114). Собранные Н.И. Ашмариным созвучные слова долго не находили исследователя.

Было бы полезным также не терять из поля зрения работы, в которых тюркизмы русского языка рассматриваются попутно. В первую очередь должны быть названы многочисленные тюркологические исследования М. Рясянена и Ю. Немета о бродячих словах. Ценные замечания о тюркских заимствованиях в русском словаре имеются в упоминавшейся уже работе Г. Дёрфера о тюркизмах и монголизмах новоперсидского языка.

Поскольку книга Н. Поппе-младшего содержит далеко не полный обзор литературы, особенно изданной в нашей стране, представляется целесообразным назвать работы, которые помогут значительно восполнить ее пробелы. Обзор дореволюционных исследований о русских тюркизмах дан в обстоятельной книге А.Н. Кононова «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972. – С. 251–253)[251]. Современные исследования частично перечислены в статье К.Р. Бабаева «К истории изучения лексических заимствований тюркского происхождения в русском языке». (Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н.И. Лобачевского. – Вып. 114. Серия лингвистическая. – Горький, 1970. – С. 3–16).

Несмотря на то что обзоры литературы по исследованию тюркизмов в русском языке Н. Поппе-младшего не могут быть признаны исчерпывающими и требуют дополнений и уточнения отдельных деталей, в целом оба варианта его работы представляют собой весьма полезное пособие, систематизирующее знания в области тюрко-славянских языковых связей.

[251] См. также: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период / Ред., авт. вступ. ст. А.Н. Кононов. – М., 1974.

Из истории изучения тюркизмов русского языка[252]

Большая и чрезвычайно разбросанная литература, посвященная выяснению тюркского вклада в русском и других славянских языках, очень рано потребовала своего библиографического обозрения и систематической оценки. Вероятно, первый обзор литературы о тюркизмах в славянских языках был предпринят Л.Е. Крымским[253], а впоследствии обзорами литературы по изучению тюркских лексических проникновений обычно начинались более или менее значительные работы по этой проблематике, но подобные обзоры обычно были далекими от полноты. Неполнотой страдает также и появившийся в 1971 г. самодовлеющий обзор литературы, предпринятый Н.Н. Поппе-младшим[254], где внимание сосредоточено на наиболее крупных этапных исследованиях и словарях. Особенно велики у Н.Н. Поппе-младшего пропуски русской литературы. Составленная автором этих строк и Г.Я. Романовой «Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализмов в восточнославянских языках»[255] требует в качестве путеводителя по библиографии хотя бы краткой историографической справки, где приведенная в библиографии литература получила бы оценку с точки зрения современной славистики и тюркологии и рассматривалась бы не в плане чистой библиографической инвентаризации, а в общем русле развития русской славистики и востоковедения[256].

В настоящем обзоре представляется целесообразным ограничиться лишь литературой по изучению тюркизмов, вышедшей до 1965 г., поскольку возросший в конце 50-х – начале 60-х гг. нашего века интерес к проблеме

---

252 Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Из истории изучения тюркизмов русского языка // Тюркологический сборник 1977. – М., 1981. – С. 90–108.

253 *Кримський Ю. А.* Тюрки, їх мови та літератури. – І. Тюркські мови. – Вып. 2. – Київ, 1930. – С. 202–209 (перепечатано в кн.: *Кримський А.Ю.* Твори в пяти томах. – Т. 4. – Сходознавство. – Київ, 1974. – С. 574–583).

254 *Poppe N.* Jr. Studies oi Turkic Loan-Words in Russian. Wiesbaden, 1971, X + 70 c. (Asiatische Forschungen. Monographienreihe zur Geschichte, Kultur und Sprache der Völker Ost- und Zentralasiens. Herausgegeben für das Seminar für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn von W. Heissig unter Mitwirkung von H. Franke und N. Poppe. – Bd. 34). Дополнения см.: *Добродомов И.Г.* К историографии изучения тюркизмов в русском языке // СТ. – 1974. – № 5. Рецензию М. Адамовича на книгу Н.Н. Поппе см.: Indogermanische Forschungen. – Bd. 88. – 1975. – С. 180–184.

255 Вышла в качестве приложения к книге: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979. – С. 211–238.

256 Краткий обзор дореволюционной русской литературы см.: *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л., 1972. – С. 251–253. Один из последних обзоров см.: *Аюпова Л.Л.* Из истории изучения тюркских лексических заимствований в русском языке // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1975. – С. 101–207.

тюрко-славянских языковых контактов реализовался во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. целой серией работ по тюркизмам, в том числе и выходом в свет «Словаря тюркизмов в русском языке» Е.Н. Шиповой [257], который, будучи заметным явлением в советской филологии, не обобщил, однако, всего опыта тюрко-славянских исследований последнего времени и требует продолжения работы в плане подготовки более объемного словаря с бóльшим вниманием к истории слова в русском языке.

Первые наиболее значительные опыты изучения слов, заимствованных русским языком из восточных языков, были сделаны еще в XVIII в. В некоторых журналах были опубликованы списки слов восточного происхождения, среди которых встречаются и тюркизмы (слова *турецкие* и *татарские* по тогдашней терминологии).

Но из-за низкого уровня развития языкознания эти первые опыты объяснения тюркизмов и ориентализмов вообще часто носят весьма наивный для современного нам читателя характер и полны фантастических этимологий.

В 1769 г. в сатирическом журнале В. Тузова «Поденьшина» были опубликованы сравнения слов арабских, персидских, турецких и татарских с русскими, где некоторые сопоставления весьма удачны (*сарай*, *ханжа*, *аршин*, *сундук*, *бирюк*, *лошадь*, *кушак*, *киса*, *камыш*, *кафтан*, *алый*). Ряд других сопоставлений отличается произвольностью и основан на случайных созвучиях. Ср., например, производство русск. *щи* от тат. и тур. *ашчи* и далее: «Да уж не от сего ли полно произошло и *счастіе*, от *щи* и *ясть*: *щіястіе* может быть в старые времена, бедные люди говаривали о достаточных: *так разбогател, до такого состояния дошел, что каждой день щи есть может*… а особливо *помяни Богъ на праздник мясные*» [258]. Общие рассуждения о причинах заимствования русским языком тюркизмов есть в статье В.П. Светова «Некоторые общие примечания о языке российском», однако без конкретных примеров[259].

Основанное в 1811 г. Общество любителей российской словесности при Московском университете интересовалось также и вопросом о влиянии других языков на русский язык. Так, в 1812 г. этим обществом была выдвинута тема для конкурсного сочинения о влиянии других языков на русский, где перед

---

257 *Шипова Е.И.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976. См. рецензию: *Баскаков Н.А., Добродомов И.Г.* (ВЯ. – 1978. – № 1. – С. 137–140).

258 *Тузов В.* Поденьшина: сатирический журнал. – 1769. – Изд. А. Афанасьева. – М., 1859. – С. 127–134.

259 Академические известия. – Ч. 3. – СПб., сентябрь 1779. – С. 77–78.

исследователем в числе других ставилась задача исследовать связи русского языка с татарским (Протокол 12-го заседания торжественного // Труды Общества любителей российской словесности при Имп. Московском университете. – Ч. IV. – М., 1812. – С. 184).

И.Ю. Крачковский в «Очерках по истории русской арабистики» сообщает, что в 1816 г. выпускник Казанского университета Я.О. Ярцов «защитил диссертацию о восточных словах в русском языке»[260]. О судьбе этого сочинения нам ничего не известно. Это был первый опыт анализа тюркизмов в русской лексике. (Впоследствии Я.О. Ярцов почти отошел от науки, перейдя на службу в Азиатский департамент.)

«Опыт собрания и объяснения слов Арабских, Турецких, Персидских и Татарских, употребляемых в Российском языке» казанского профессора И. Яковкина, сообщенный 20 января 1817 г. на заседании Российской академии Д.П. Хвостовым, можно считать вторым специальным трудом, в котором исследуются тюркизмы русского словаря. Но и этот труд, к сожалению, не сохранился[261].

Хронологически этим трудам предшествовала брошюра известного востоковеда Х.Д. Френа «De origine vocabuli rossici деньги» (Scripsit C.M. Fraehn. Rostochiensis, Casani, 1815), где автор дает две этимологии русск. *деньги* 1) <тат. *Тамга;* 2) < тат. *данг*, *денг* < перс. dang. Первая этимология является ошибочной, во второй же, несмотря на наличие некоторых неточностей, содержатся весьма интересные сопоставления.

В 1820 г. редакция журнала «Сын Отечества» (Ч. 59. – С. 140–141) сообщила о чтении на торжественном годовом собрании Санкт-Петербургского Императорского минералогического общества «Рассуждения» профессора Л.И. Панснера «О происхождении Российских названий драгоценных камней и металлов». В сообщении говорилось, что почти все русские названия драгоценных камней заимствованы из восточных языков, и приводился список этих слов с кратким указанием на источники заимствования.

На эти «Рассуждения» частично опирался А.Ф. Рихтер в своих «Исследованиях о влиянии монголо-татар на Россию», опубликованных

---

260 *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. – Т. 5. – М.; Л., 1958. – С. 56.

261 *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России (XVIII в. – 1825 г.). – СПб., 1904. – С. 1083–1084. – Записки о заседаниях Имп. Российской академии за 1817 г., № 1, 20 января.

в 1825 г. Первоначальный вариант этих «Исследований…» был напечатан в 1822 г. Эта работа была перепечатана в 1846 г. [262] уже после смерти А.Ф. Рихтера (1826). Труд А.Ф. Рихтера носит скорее этнографический характер, хотя вопросы языка занимают в нем много места. А.Ф. Рихтер приписывает тюркское происхождение следующим словам: *кабак*, *калач*, *сакма*, *казак*, *майдан*, *ендова*, *ясырка*, *козак*, *тараханные* (грамоты), *танга – деньга*, *пула-полушка*, *алтын*, *атаман*, *аманат*, *артель*, *алый*, *армяк*, *базар*, *багор*, *бирюч*, *баранта*, *башня*, *булат*, *бунчуг*, *балахон*, *барыш*, *башка*, *башмак*, *бобыль*, *буза*, *бузун*, *бурда*, *ватага*, *гетман*, *епанча*, *есаул*, *ерлык*, *изюм*, *караул*, *кинжал*, *кушак*, *колпак*, *карий*, *кибитка*, *кошевой*, *коши*, *кремень*, *кутасы*, *кафтан*, *караван*, *каланча*, *кокошник*, *лошадь*, *мечеть*, *маяк*, *орда*, *оркан*, *паек*, *сапоги*, *сарай*, *сайдак*, *табун*, *толмач*, *улус*, *улан*, *ура*, *ханжа*, *халат*, *чемодан*, *шатер*, *шашка*, *шишак*, *шляпа*, *юрта*, *ясак*, *ям*. К этим словам автор присоединил и список названий «драгоценных и других камней, кои заимствованы из восточных языков», опираясь на сообщение «Сына Отечества» о докладе Л.И. Панснера.

Два различных исследования казанского профессора Ф.И. Эрдмана под одинаковым названием «Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский»[263] содержат ряд весьма важных теоретических положений, которых необходимо придерживаться при изучении восточных заимствований. В частности, Ф.И. Эрдман большое внимание призывал уделять историческим обстоятельствам заимствования. Уже в первом своем «Изъяснении» Ф.И. Эрдман пишет: «Я со своей стороны думаю, что при таковом производстве слов должно не столько смотреть на сходство отдельных слогов и звуков сравниваемых слов, сколько следовать за началом их и уметь толковать ту искаженность, которая происходит от соединения сродных между собой согласных букв (звуков. – *И.Д.*) близости значений» (с. 34). Эти первоначальные наброски плана исследования, высказанные Ф.И. Эрдманом

---

[262] *Рихтер А.Ф.* Нечто о влиянии монголов и татар на Россию // Труды Вольного Общества любителей российской словесности. – Ч. 17. – СПб., 1822. – С. 249–270; *Он же*. Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // Отечественные записки. – Ч. 22. – № 62. – 1825, июнь. – С. 333–371; *Он же*. О влиянии монгольского владычества на Россию // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. – Т. 61. – № 243. – 1846. – С. 205–225.

[263] *Эрдман Ф.И.* Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский // Казанский вестник. – Ч. 24. – Кн. 9. – Казань, 1828, сентябрь. – С. 33–53; *Он же.* Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. – Ч. 5. – Кн. 1. – М., 1830. – С. 215–245 (есть отдельные оттиски).

8 июля 1828 г. на торжественном заседании Казанского общества любителей отечественной словесности, были развиты им во втором «Изъяснении…», читанном им в 1830 г. в Обществе истории и древностей российских в Москве, где не только прослежены методы исследования ориентализмов, но и указано значение таких разысканий для истории: «При изъяснении слов, перешедших в какой-либо другой язык, должно прежде всего исследовать исторически и филологически корень сравниваемого с другим слова, взвешивать различные его значения, одно от другого проистекающие, смотреть на разные обстоятельства, даровавшие ему бытие и перенесшие на край отечественный, и наконец посоветоваться с памятью, не находится ли оно в том или другом языке, к которому оно кажется должно принадлежать, судя по внешней форме. Ежели глазам не тотчас представится поразительное сходство в отношении формы и значения, как то имеет в словах: *халат, базар, кафтан* и подобных, так что или с самого начала уже оно перешло из первобытного языка в другой обезображенным, или долгота времени исказила оное; то в особенности надобно смотреть не столько на гласные, сколько на согласные буквы (звуки. – *И.Д.*), не выпуская из виду и самое сходство сих последних. Само собой разумеется, что свойственное каждому языку окончание совсем не берется здесь в расчет. По сделанному таким образом сличению, без сомнения, все зависит от значения обоих сравниваемых слов. Здесь не надобно слишком рабски придерживаться этимологии; или подкладывать, так сказать, почитаемому за корень слову значение, хотя и свойственное корню, но не принадлежащее другому какому-либо происшедшему от оного изменению: должно доказать значение обоих слов под различными их видами наведением примеров, и, ежели возможно, присовокуплять к ним исторические события, наиболее служащие к пояснению. При всем том не должно позволять себе смешивать по произволу, напр., в восточных словах согласные буквы (звуки. – *И.Д.*) и как бы выдавливать, выковывать из гласных и согласных похожее слово; погрешности многих критиков, слишком упорно настаивавших на принятом ими мнении, могут служить тому доказательством. Впрочем, может случиться, что два слова в двух различных языках, смотря по согласным и гласным буквам (звукам. – *И.Д.*), те же самые; но тем еще не доказано, что они одинаковы и по значению; тем еще не разрешается прибегать к истолковательным догадкам для приведения их в совершенное согласие. Таковые насильственные средства доведут только до сумасбродства, в какое,

например, впали те, кои тщетно старались производить *татар* из *тартара*. Ежели таким образом критик очистил оба слова в критико-филологическом отношении и представил их в гармонической связи с историею, нравами и другими или политическими, или даже духовными обстоятельствами, то результат уже не будет подлежать более никакому сомнению.

Сколь ни маловажными, может быть, покажутся тому или другому сравнения такого рода, столько однако ж они необходимы; ибо они-то наиболее способствуют к истреблению долговременных ошибок, приманивающих к ложным мнениям и догадкам, и нередко даже представляют историю, географию и древности, кои на них менее или более основаны, в виде нового творения, пред глазами прилежного испытателя человеческих событий» (с. 215–217). Свои исследования слов восточного происхождения Ф.И. Эрдман завершил небольшой заметкой «Деньги, кабак, набат»[264]. «В каждом языке существуют сверх того слова, заимствованные с самым предметом из какого-либо другого и не заменяемые никакими отечественными, которые посему остаются и должны оставаться навсегда благоприобретенною собственностью его. Чем более расстояние места, из которого они перешли, чем более пространство времени, в которое они получили право гражданства, тем более исследователь должен заботиться о твердом восстановлении истинного смысла их, предупреждая тем частию затруднению, которое опоздалость и пренебрежение всегда влекут за собою, частию и уничтожая заблаговременно ложное мнение тех, которые по односторонности своей более затмевали, нежели объясняли предложенную им задачу» (с. 3–4). В трех статьях Ф.И. Эрдмана разобраны и прокомментированы следующие слова: *охобень*, *кафтан*, *халат*, *кинжал*, *купол, альков, бомба* (хлопчатая бумага), *пемба*, *анбар*, *Казань*, *копейка*, *деньги*, *алтын*, *пуло*, *шаровары*, *сайгат*, *курта*, *куртка*, *алмаз*, *колпак*, *казна*, *казначей*, *казначейство*, *алаф*, *базар*, *кушак*.

Исследование Ф.И. Эрдмана «Следы азиатизма в “Слове о полку Игореве”»[265] малоинтересно, хотя представляет первую печатную попытку выделить восточные элементы этого памятника.

---

[264] *Эрдман Ф.И.* Деньги, кабак, набат. – Новгород, 1855 (отпечатано из № 16-го «Новгородских губернских ведомостей» сего года).

[265] *Эрдман Ф.И.* Следы азиатизма в «Слове о полку Игореве» // ЖМНП. – Ч. 36. – Отд. 2. – 1842, октябрь. – С. 19–46.

Чрезвычайно важный методологический характер носят замечания И.Н. Березина, который писал в статье «Несколько замечаний об определении иностранных слов в русском языке»[266]: «Само собой разумеется, что прежде всего необходимо полное знание исследуемых языков, но это знание не должно ограничиваться одним практическим пониманием языка, взятого в известную эпоху: с критическим взглядом на законы движения звуков в языке должно быть соединено историческое знакомство с постепенным развитием этих законов, иначе все дело кончится созвучием, а нет ничего опаснее этого оружия. Например, чрезвычайно легко вывести русское ‘тина’ от арабского подобнозначащего ‘тинъ’, но укажите мне исторический путь, по которому арабское слово, не употребляемое ни в тюркском, ни в персидском языках, – разумею здесь не книжный язык, – могло проникнуть в русский говор» (с. 107–108). Далее, говорит Березин, необходимо учитывать звуковые и семантические изменения при заимствовании, а также обращать внимание на географию слов (русские слова и разные тюркские языки): «например, при определении сибирских слов должно с большою осторожностью обращаться к османскому наречию» (с. 109).

Но недостаточная изученность большинства тюркских языков сделала невозможным осуществление всех этих требований на деле. Не случайно эти же самые вопросы поднимались почти сто лет спустя Т. Ковальским и Н.К. Дмитриевым. В практических исследованиях эти требования обычно во внимание не принимались; многие работы XIX и XX вв. были, по сути дела, попытками собрать доступный материал без глубокого его анализа. Зачастую этимология и история отдельных тюркизмов русского языка рассматривались попутно в работах исторического и филологического характера.

Одним из первых опытов широкого исследования тюркских слов в русском языке и его говорах являются разыскания, опубликованные под редакцией И.И. Срезневского в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» в 1852–1854 гг. в «Прибавлениях» к «Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук». Там были напечатаны словники, составленные на основании «Опыта областного великорусского словаря» (СПб., 1852). В этих комментированных

[266] Москвитянин. – 1852, август. – № 15 (Кн. 1). – Отд. 3. – С. 106–109; несколько ранее им была опубликована заметка о слове *очаг* [см.: Москвитянин. – Т. I. – 1852, январь. – № 2 (Кн. 2). – Отд. 8, смесь. – С. 53–54].

словниках содержатся указания на возможный тюркский источник русских диалектных слов, часто с учетом литературного языка. Наиболее обширные комментарии к этим словам даны были А.К. Казембеком, но, к сожалению, его список остался неоконченным (остановился на слове *гужир*)[267]. Даже сейчас не лишены интереса замечания младшего современника А.К. Казембека профессора И.Н. Березина, энциклопедически образованного видного тюрколога прошлого столетия[268]. Более скромны по объему замечания других российских востоковедов, привлеченных для этимологического комментирования «Опыта областного великорусского словаря». Их работы были выполнены в то же самое время. Интересные ссылки на тюркские языки содержат и заметки других известных наших востоковедов: А.А. Бобровникова, В.В. Григорьева, И.М. Ковалевского, П.Я. Петрова, А.М. Шёгрена[269].

Богатый материал находим в вышедшей в Петербурге в 1858 г. на польском языке книге профессора Петербургского университета тюрколога А.О. Мухлинского о тюркизмах в польском языке и полонизмах в турецком[270]. В этом труде, который представляет собой два словаря, в алфавитном порядке перечислены: 1) ориентализмы (в том числе и тюркизмы) польского языка и 2) большей частью фантастические «полонизмы» турецкого языка (приложение). При этом наряду с заимствованными словами приводятся слова, являющиеся исконно родственными (санскрит или персидский язык). Эти слова

---

267 *Казембек А.* Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков // Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. I. – 1852. – Стб. 22–37, 71–80; Т. II. – 1853. – Стб. 385–390. (Перепечатано в издании: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. – [Т. I]. – СПб., 1854. – Стб. 22–37, 71–80, 385–390.)

268 *Березин И.И.* Замечания о восточных словах в областном великорусском языке // Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. I. – 1852. – Стб. 186–192; Т. II. – 1853. – Стб. 323–332. (Перепечатано в издании: Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. – [Т. I]. – СПб., 1854. – Стб. 186–192, 323–332.)

269 *Бобровников А.А.* Областные великорусские слова, заимствованные от монголов и калмыков // Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. II. – 1853. – Стб. 193–197; *Григорьев В.В.* Областные великорусские слова восточного происхождения. Замечания к «Опыту областного великорусского словаря» // Там же. – Т. I. – 1852. – Стб. 81–92; *Ковалевский И.М.* Список слов, находящихся в «Опыте областного великорусского словаря», заимствованных из монгольского // Там же. – Т. II. – 1853. – Стб. 377–380; *Петров П.Я.* Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными // Там же. – Т. I. – 1852. – Стб. 81–92; *Шегрен А.М.* Материалы для сравнения областных великорусских слов со словами северными и восточными // Там же. – Т. I. – 1852. – Стб. 145–162. Все эти статьи перепечатаны в «Материалах для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики» ([Т. 1]. – СПб., 1854) с сохранением первоначальной пагинации «Прибавлений».

270 *Muchliński A.* Źódłosłownik wyrazów które przeszły wsprost czy pośrednio do naszej mowy z języków wschodnich, tudzież mających zobopółną analogję co do brzmienia lub znaczenia, z dołączeniem zbioku wyrazów przeniesionych z Polski do języka tureckiego. – Petersburg, 1858.

почти не разграничиваются. Особенно много ошибок, обусловленных общим уровнем тогдашнего языкознания, содержится в приложении, где автор многие турецкие слова считает полонизмами. Книга А.О. Мухлинского явилась по существу первым этимологическим словарем лексических элементов восточного происхождения, включающим, по подсчетам А. Зайончковского, около 500 ориентализмов (из 1000 гнезд). Однако в дальнейшем труды этих ученых в области изучения тюркизмов в русском языке и многие весьма интересные их сопоставления были забыты, особенно по части авторства идей, хотя их соображения и легли в основу дальнейших разысканий. Эти идеи впоследствии уже цитировались обычно из вторых рук – чаще всего через капитальную работу известного слависта Фр. Миклошича, которая обобщила весь предшествующий материал.

Главной базой для последующего изучения тюркских заимствований в русском и других славянских языках явилась капитальная четырехтомная работа Фр. Миклошича о тюркизмах в восточноевропейских языках (1884–1890). Фр. Миклошич обобщил и собрал там большой фактический материал, относящийся к тюркизмам в греческом, болгарском, румынском, болгарском, сербском, украинском, русском и польском языках. Последующие исследователи уже, конечно, не могли обойтись без этой обширнейшей сводной работы, недостатки которой были обусловлены только уровнем развития тюркологии того времени. Поэтому впоследствии возник целый ряд поправок к работе Фр. Миклошича, среди которых выделяется рецензия Ф.Е. Корша и дополнения Ф. Крелиц-Грейфенхорста[271]. Но эти работы имеют много недостатков из-за отсутствия у авторов сведений по лексике многих тюркских языков и слабой

[271] *Miklosich F.* Die türkischen Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumänisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Grossrussisch, Polnisch). – I. – Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. – Bd. 34. – Wein, 1884; II. – Bd. 35. – Wein, 1885; Nachtrag I. – Bd. 37. – Wein, 1889; Nachtrag II. – Bd. 38. – Wein, 1890. Рецензию Ф.Е. Корша (неоконченную) см.: Archiv für slavische Philologie. – Bd. 8. – 1885. – H. 4. – C. 637–651; Bd. 9. – 1886. – H. 3. – C. 487–520; H. 4. – C. 653–682. Выборка украинских слов из труда Миклошича: *Макарушка О.* Словар українських виразів, перенятых з мов туркских. – Записки наукового товарятва ім. Т.Г. Шевченка. – Т. 5 (1895). – С. 1–14 (разд. паг.); рецензии: *Сумцова Н.Ф.* в «Киевской старине». – Т. XI. – 1885, апрель. – С. 755–760; и Budenz'a J. в будапештском Nyelvtudományi Közemények. – Kötet 19. – 1885. *Kraelitz-Greifenhorst Fr. von.* Corollarien zu F. Miklosicha «Die türkischen Elemente in den aüdost-und osteuropäischen Sprachen». – Wien, 1884–1890. – Sitzungsberlichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. – Bd. 166. – № 4. – 1911.

изученности памятников средневековой тюркской письменности. Памятники древнетюркской руники тогда еще не были введены в оборот.

В плане постановки задач большое значение имел доклад о методологии исследования тюркизмов в славянских языках разностороннего польского востоковеда Тадеуша Ковальского, представленный I съезду славянских филологов в Праге в 1929 г.[272], где сформулированы основные требования методики изучения тюркизмов в славянских языках, причем они в значительной степени близки к требованиям, ранее высказанным Ф.И. Эрдманом и И.Н. Березиным.

Большое значение имеет «Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs» К. Локоча (K. Lokotsch), который вышел в 1927 г. в Гейдельберге и подвел итоги того, что было проделано в этой области после Фр. Миклошича. Основными недостатками довольно емкой работы К. Локоча являются ее чрезвычайная лаконичность, малое внимание к вопросам внутренней истории слов в языках. Тюркологи считали тюркский отдел этого словаря не вполне удачным.

При исследовании тюркизмов в славянских языках почти не делалось попыток разграничить разные хронологические пласты среди заимствованной лексики на основе изучения фонетических и грамматических особенностей заимствований. Поэтому трудно говорить о языковых связях славян с тюрками в древнейшую эпоху.

Отсутствие проанализированного с точки зрения хронологии материала заставляет всех исследователей, занимающихся сравнительной грамматикой славянских языков, ограничиваться самыми общими, подчас противоречивыми замечаниями. Ср., например, высказывания С.Б. Бернштейна в его «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961. – С. 101). «Во второй половине I тысячелетия н.э. в праславянский язык проникло некоторое количество тюркских слов. Однако их было немного. Сильное тюркское влияние наступает позже. Значительны его следы в болгарском, сербохорватском языках, меньше в восточнославянских языках.

[272] Тезисы доклада опубликованы в материалах съезда: Sborník prací I, Sjezdu slovanských filologů v Praze. – Sv. II. – Praga, 1932. – С. 554–556. (W sprawie metodologii badań zapożyczeń tureckich w językach słowiańskich), французское резюме на с. 999–1001 (La méthodologie de recherches sur les mots empruntés du turc dans les langues slaves).

Интересно, что славяне не сохранили следов влияния аварского языка, который принадлежал к тюркской группе, несмотря на то что в течение длительного времени (VI–VIII вв.) кочевники-авары господствовали на большой территории, занятой славянами. Кочевники вообще не могли оказать большого влияния на язык подвластного им земледельческого населения». Интересно отметить, что тот же С.Б. Бернштейн в той же самой книге несколько раньше пишет: «Не прошел бесследно период аварского господства и для славянских языков. В сербохорватском, словенском, словацком, чешском, частично украинском мы находим определенный круг общей лексики, который связан с указанными историческими событиями. На этой территории возникли общие новообразования, новые слова» (с. 78). Здесь С.Б. Бернштейн противоречит самому себе, исходя из априористического предположения: раз славяне общались с аварами, то это отразилось в славянском словаре. Однако конкретных примеров аварских слов у славян автор привести не смог.

Конечно, такая постановка вопроса снимает всякую возможность заниматься исследованием древнейших тюркизмов в славянских языках, ибо на основании априористических соображений объявляется невозможным влияние менее культурных кочевников-скотоводов на более культурных оседлых земледельцев. Все тюркизмы признаются позднейшими. А поздние заимствования обычно являются прозрачными и большого интереса для исследователей не представляют. В результате оказывается, что слависты вопросами тюркских заимствований в славянских языках не занимаются. А весьма немногочисленные работы тюркологов по этому вопросу посвящаются восстановлению элементов исчезнувших тюркских языков. В качестве примера такой тюркологической работы можно привести книгу О. Прицака о языке дунайских булгар [273], где на основании материала булгарских надписей и анализа языковых заимствований сделана весьма интересная попытка определить, на каком языке говорили дунайские булгары.

Одной из больших работ, посвященных анализу истории тюркских элементов в древнерусском языке, является объемная статья И.И. Назарова «Тюрко-татарские элементы в языке древних памятников русской

[273] *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955.

письменности»[274]. В статье содержится весьма значительный, хотя и мало обработанный материал, извлеченный главным образом из деловых памятников относительно позднего времени (XIV–XVII вв.). Из тюркских языков приводятся в основном данные татарского языка. Поздний материал памятников передает тюркские слова почти в неизменном виде. Автор обычно ограничивается простым сопоставлением засвидетельствованных в памятниках слов со словами татарского языка, не привлекая другие тюркские языки и не проводя более глубокого анализа. Статья ценна главным образом собранным материалом, но автор не отмечает ареал распространения заимствованных слов, поэтому можно ожидать, что некоторые из рассмотренных им слов окажутся лишь окказиональными словами или словами, имевшими лишь узколокальное распространение.

В том же 1958 г. в III выпуске «Лексикографического сборника» (с. 3–47) опубликовано значительное исследование Н.К. Дмитриева «О тюркских элементах русского словаря»[275]. Это материалы доклада, прочитанного и обсужденного на четырех научных заседаниях Комиссии по изучению современного русского языка в Институте языка и письменности АН СССР 20 и 27 февраля, 6 и 15 марта 1942 г. Источником для исследования послужила тюркская по происхождению лексика современного русского языка, зафиксированная в четырехтомном «Толковом словаре русского языка» под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, где консультантом по этимологии восточных слов был В.А. Гордлевский, о чем сказано во вступительной статье «От редакции» в 1-м томе «Словаря». Само исследование Н.К. Дмитриева предполагалось как «нечто вроде тюркологической рецензии» на указанный словарь. Большой интерес представляет вступительная часть статьи, где Н.К. Дмитриев рассматривает теоретические предпосылки исследования тюркской лексики в русском языке (в основном вслед за Т. Ковальским).

---

[274] См.: Ученые записки Казанского педагогического института. – Вып. 15. – Казань, 1958. – С. 233–273.

[275] Перепечатано в избранных трудах Н.К. Дмитриева, которые вышли в одном томе под общим названием «Строй тюркских языков». – М., 1952. – С. 503–569. Здесь же перепечатана и более ранняя статья «Турецкие элементы в русских арго» (с. 483–502). Также посмертно был опубликован доклад, прочитанный в декабре 1942 г. в ВТО, – «Ударение в русских словах тюркского происхождения» (Сборник статей по языкознанию памяти М.В. Сергиевского. – М., 1961. – С. 96–104). Ср. также заметку: *Дмитриев Н.К.* Турецкие лексические элементы в номенклатуре соколов царя Алексея Михайловича // Доклады Академии наук СССР. – Серия В. – Л., 1926, янв. – февр. – С. 13–16.

Аналогичным образом заметки Э.В. Севортяна «О тюркских элементах в "Русском этимологическом словаре" М. Фасмера», напечатанные в V выпуске «Лексикографического сборника» (М., 1962. – С. 11–29), дают тюркологическую рецензию на первое (немецкое) издание «Этимологического словаря русского языка» М.Р. Фасмера, охватывая тюркский материал лишь выборочно.

Н.К. Дмитриев считает, что прежде всего необходимо подвергнуть анализу тюркизмы, имеющиеся в памятниках древней письменности: «Для полного успеха этимологизации тюркизмов, усвоенных славянскими языками, необходимо иметь документацию каждого слова и, кроме того, знать эпоху заимствования и те конкретные социально-экономические отношения, которые связывали оба народа в ту эпоху. Пока таких благоприятных возможностей в нашем распоряжении нет. Остается единственный твердый путь: подвергающиеся нашему анализу тюркизмы должны быть изучены только в контексте. Это условие можно соблюсти только тогда, когда мы будем исследовать язык какого-нибудь цельного исторического памятника определенной эпохи. Такова тема о тюркских лексических заимствованиях в языке "Слова о полку Игореве", в языке "Домостроя", в записках Котошихина и т.д. Нужны монографии по анализу тюркизмов в основных памятниках истории русской литературы[276], а по этим монографиям уже может быть построена общая сводка, отражающая историческую перспективу всего процесса» (с. 507–508).

Автор указывает, что при исследовании заимствований необходимо учитывать не только фонетику, но также семантику, морфологию и синтаксис заимствований (с. 508), по мере возможности следует также привлекать культурно-исторические данные. Последние в сочетании с языковыми фактами позволяют более точно установить время и место заимствования.

Вторая – основная – часть статьи Н.К. Дмитриева посвящена анализу тюркизмов русского словаря. Эта часть состоит из четырех автономных словариков: 1) достоверные тюркизмы; 2) тюркизмы, которые еще требуют дальнейших уточнений; 3) проблематичные тюркизмы («Слова,

[276] Такая задача выполняется в кандидатской диссертации: *Добродомов И.Г.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). – М., 1966.

причисляемые к тюркизмам в порядке гипотезы»); 4) дополнительный список тюркизмов, которые не были разнесены по предыдущим рубрикам, что свидетельствует о незавершенном характере исследования.

В различных зарубежных изданиях появились довольно многочисленные статьи зарубежных тюркологов: Г. Дёрфера, К. Менгеса, Ю. Немета и М. Рясянена – о тюркских (или – шире – урало-алтайских) словах в славянских языках[277]. Что касается тюркских элементов в лексике древних памятников русской письменности, то всестороннему анализу они подверглись лишь в двух памятниках древнерусской литературы – в «Слове о полку Игореве» и менее интенсивно в «Повести временных лет». Выявление отдельных тюркизмов в составе «Слова о полку Игореве» и анализ этих тюркизмов начинаются уже в первые десятилетия XIX в. в трудах исследователей этого памятника. Но эти исследования большей частью проводились не специалистами по тюркологии, и поэтому выводы здесь не всегда точны и достоверны. Работы же, написанные тюркологами, обычно не учитывают факты истории русского языка (исключение представляют работы Ф.Е. Корша). Первой попыткой исследования тюркской лексики в «Слове о полку Игореве» была уже упомянутая работа Ф.И. Эрдмана «Следы азиатизма в “Слове о полку Игореве”», если не считать замечаний А.И. Италинского о восточных словах в «Слове о полку Игореве», которые А.И. Тургенев пересылал для А.С. Пушкина. Но лингвистического материала в этой работе Ф.И. Эрдмана мало. Впервые тюркский материал этого замечательного памятника древнерусской литературы был использован для доказательства «древности песни» И.Н. Березиным в рецензии на книгу Николая Гербеля «Игорь, князь Северский»[278].

Однако все эти тюркологические работы не содержали глубокого исторического анализа и веских аргументов, они имели своей целью лишь накопление фактического материала. Поэтому в последующей полемике П.М. Мелиоранского с Ф.Е. Коршем о восточных словах и «Слове о полку Игореве» на страницах «Известий Отделения русского языка и словесности

---

277 См. библиографию в книге: *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples. – An Introduction to Turkic Studies. – Wiesbaden, 1968.

278 *Березин И.Н.* [Рец. на:] Игорь, князь Северский. Поэма / Пер. Николая Гербеля // Москвитянин. – 1854, ноябрь. – Кн. 2 (№ 22). – Отд. IV. – С. 68–71.

Академии наук» (1902–1906) материалы из более ранних исследований почти не учитывались. Появившиеся в ходе этой полемики две статьи П.М. Мелиоранского и две статьи Ф.Е. Корша[279] касаются больше вопросов исторической тюркологии. Тюркский материал «Слова о полку Игореве» рассматривался в плане характеристики кыпчакских и вообще тюркских языков домонгольского периода. Анализу лишь отдельных тюркизмов посвящены и более поздние статьи С.Е. Малова и В.А. Гордлевского[280].

Затрагивает вопрос о тюркизмах в лексике «Слова о полку Игореве» и А. Зайончковский в своей монографии о половецко-славянских языковых связях[281]. В этом труде частично анализируется также материал русских летописей: привлечены издания Ипатьевской и Лаврентьевской летописей. Обобщением всех предыдущих исследований о тюркских элементах в лексике «Слова о полку Игореве» явилась книга тюрколога К. Менгеса[282]. Работа К. Менгеса построена на обширном материале самых различных восточных языков, но в центре ее внимании стоят языки тюркские.

Тюркизмы других древнерусских памятников детальному рассмотрению не подвергались. Работа П.М. Мелиоранского «Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода»[283] носила предварительный характер: в ней были подвергнуты

---

279 *Мелиоранский П.М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС. – Т. 7. – Кн. 2. – СПб., 1902. – С. 273–302; *Корш Ф.Е.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» (Заметки к исследованию П.М. Мелиоранского: ИОРЯС. – Т. 7. – С. 273–302) // Там же. – Т. 8. – Кн. 4. – СПб., 1903. – С. 1–58; *Мелиоранский П.М.* Вторая статья о турецких элементах в языке «Слова о полку Игореве» (Ответ Ф.Е. Коршу) // Там же. – Т. 10. – Кн. 2. – СПб., 1905. – С. 66–92; *Корш Ф.Е.* По поводу второй статьи проф. Мелиоранского «О турецких элементах в языке “Слова о полку Игореве”» // Там же. – Т. 11. – Кн. 1. – СПб., 1906. – С. 259–315.

280 *Малов С.Е.* Тюркизмы в языке «Слова о полку Игореве» // ИАН. ОЛЯ. – Т. 5. – Вып. 2. – М.; Л., 1946. – С. 129–139; *Он же.* Тюркизмы в старорусском языке // ИАН. ОЛЯ. – Т. 10. – Вып. 1. – М.; Л., 1951. – С. 201–203; *Гордлевский А.А.* Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве») // Там же. – Т. 6. – Вып. 4. – М.; Л., 1951. – С. 317–337 (последняя статья перепечатана во втором томе «Избранных сочинений» В.А. Гордлевского). В этих работах мало учитывается история русского языка. В 1970-е гг. ряд статей по тюркизмам «Слова о полку Игореве» опубликовал Н.А. Баскаков – ученик В.А. Гордлевского. По замыслу автора, эти статьи должны охватить всю тюркскую лексику «Слова…».

281 *Zajączkowski A.* Związki językowe połowiecko-słowiańskie. – 1949.

282 *Menges K.H.* The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epos, the Igor’ Tale (Slovo o pъlku Igorevě). – N.Y., 1951 (Supplement to «Word» № 1). Ср. дополненное издание на русском языке: *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979.

283 ИОРЯС. – Т. 10. – Кн. 4. – СПб., 1905. – С. 109–134; ср.: *Мелиоранский П.М.* Слова «чатъхул» и «сынъ» в сказаниях о 42 аморитских мучениках // Там же. – Т. 7. – Кн. 4. – СПб., 1902. – С. 430–432; ср. также отражение его доклада «О турецких элементах в памятниках русской письменности домонгольского периода» в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» с замечаниями выступавших при обсуждении доклада (Т. 17. – 1907. – Вып. 1. – С. 7–12).

этимологическому анализу тюркизмы, встретившиеся в летописях и некоторых других памятниках письменности, а также изложен план будущего исследования. В упомянутой выше работе А. Зайончковского сделаны многие дополнительные наблюдения над тюркскими собственными именами и над заимствованной лексикой. Но анализа тюркизмов в лексике отдельных памятников сделано не было. Анализ восточных слов в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина в работах разных авторов направлен в сторону комментирования текста[284]. Поэтому в силе остается сказанное Н.К. Дмитриевым о необходимости исследования тюркизмов в древнерусских памятниках, особенно в памятниках древнейших. И в первую очередь необходимо изучение тюркизмов со славистической точки зрения. Для этого необходимо рассмотреть историю тюркских заимствований в славянских языках, изменение их с фонетической, формальной и семантической сторон. Исследование истории тюркских слов в славянских языках наталкивается на целый ряд трудностей.

Во-первых, письменные памятники дошли до нас от сравнительно позднего времени. При этом слово встречается очень редко и с большими промежутками во времени. Это затрудняет возможность проследить историю слова в древнем и новом русском языках.

Во-вторых, языки-источники обычно не имеют письменных памятников. Исключение представляет половецкий язык: половецкий словарь и тексты на половецком языке дошли до нас в записи миссионеров от конца XIII – начала XIV в. Есть и более поздние памятники (тюрко-арабские словари и документы половецкоязычных армян Львова и Каменца-Подольского). Но и эти памятники половецкого языка на два-три столетия отдалены от времени первых контактов древних русов с половцами.

---

[284] *Завадовский Ю.Н.* К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (1406–1472 гг.) // Труды Института востоковедения АН УзССР. – Вып. 3. – Ташкент, 1954. – С. 139–145; *Штерnбах Л.* К толкованию терминов в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // НАА. – 1964. – № 6. – С. 75–77; *Титаренко Н.А.* Восточная лексика в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Известия Воронежского педагогического института. – Т. 126 (Вопросы грамматики и лексики русского языка). – 1972. – С. 152–170; *Zajączkowski A.* Material językowe persko-turecki z «Wędrowki za trzy morza» Nikitina (XV w.). – RO. – T. 17 (1951–1952). – Kraków, 1953. – C. 47–67; *Winter-Wirz P.* Die Fremdwörter in Afanasij Nikitins «Reise über drei Meere» 1406–1472 // Zeitschrift für slavische Philologie. – Bd. 30. – H. 1. – Heidelberg, 1962. – C. 86–113; ср. также: *Добродомов И.Г.* Восточные слова в Азбуковнике конца XVI в. // Питання східнослов'яньскої лексикографії XI–XVII ст.: матеріали симпозіуму. – Київ, 1979. – С. 79–84.

В силу этих причин приходится прибегать к реконструированию истории слов, которые были заимствованы. Восстанавливается облик русского слова в предшествующий период истории языка. Параллельно восстанавливаются тюркские слова во все более и более архаичной форме. Восстановление этих предполагаемых форм идет до тех пор, пока славянская и тюркская формы не совпадут. Это совпадение означает, что перед нами форма, относящаяся ко времени заимствования слова.

Но для построения древних форм тюркских слов имеется серьезное препятствие: слабая разработанность истории конкретных тюркских языков.

В силу последнего обстоятельства приходится привлекать не только данные почти всех тюркских, но и данные других алтайских языков (монгольских, тунгусо-маньчжурских). Такое чрезмерное расширение исследуемого материала важно потому, что заимствованное из древнейших тюркских языков слово могло исчезнуть из современных тюркских языков, но сохраниться в монгольских или тунгусо-маньчжурских языках. Следовательно, исследование древнейших тюркизмов русского (и вообще славянского) словаря перерастает в исследование алтайско-славянских языковых связей.

При изучении особое внимание следует уделять изменению звуковой оболочки слова в момент заимствования – звуковым субституциям, которые, по-видимому, подчиняются определенным закономерностям и не носят случайного характера. Звуковые субституции являются результатом приспособления заимствованного слова к новой фонологической системе, в которой дифференциальные признаки фонем сочетаются несколько иначе.

Наиболее сложно происходит освоение конечной части слова, где перекрещивается действие фонетических и морфологических факторов. К слову могут быть добавлены новые звуки – суффиксы или окончания, могут исчезнуть отдельные звуки, которые случайно совпадут с известными окончаниями.

Заимствованные слова легко узнаются по своему строению, которое зачастую противоречит фонетическим и морфологическим законам того языка, в который они попали. Отсутствие результатов действия фонетических изменений в структуре слова является самым ярким признаком заимствованного слова, хотя это слово и подвергается определенным звуковым изменениям, которые вызываются действием живых фонетических

законов и субституционных закономерностей. В результате воздействия языковой системы заимствованное слово получает ряд особенностей, свойственных данному языку в настоящее время. Эти особенности объединяют заимствования с другими словами языка. Но по истории своих составных частей, по фонемным комбинациям слово остается чуждым для принявшего его языка. Ср., например, наличие звука *ф* как признак заимствования для славянских языков. Признаком заимствованного слова для русского языка может быть слог *ке* (*кепка* и т.п.).

Заимствованные слова, особенно сравнительно новые, часто не подчиняются и морфологической системе языка. Ср., например, несклоняемость целого ряда заимствованных имен существительных в русском языке или наличие особых иноязычных аффиксов.

Есть также и некоторые семантические признаки заимствованных слов. Так, для заимствований из близкородственных языков часто характерно то, что они имеют более абстрактное и обобщенное значение по сравнению с соответствующими им исконными словами, которые имеют более конкретный характер. Ср. старославянские слова в русском языке и соответствующие им русские (*сторона – страна*, *городить – ограждать* и т.п.). Что касается заимствований из языков неродственных, то здесь, по-видимому, чаще наблюдаются случаи, когда заимствование несет какую-то оценочную функцию, обычно уничижительную. При этом следует отметить, что чем древнее заимствование, тем больше ассимилируется оно языком и тем труднее установить признаки его как заимствования. Поэтому заимствования, сделанные языком в дописьменный период, выявить нелегко. Для таких слов особенно трудно определять хронологию их вхождения в язык. К тому же в письменных (может быть, в дописьменных?) языках отсутствуют строгие нормы, какие мы видим в развитых литературных языках и которые препятствуют радикальному переоформлению заимствованного слова в плане сближения с исконными словами. Поэтому дописьменные устные заимствования подвергаются более сильному изменению уже на первых порах своего существования в заимствующем языке и их определение затруднительно. Для выявления таких заимствований приходится оперировать широким кругом языков, как родственных, так и неродственных, что представляет большие трудности, ибо многие языки до сих пор плохо разработаны в плане их истории.

При изучении заимствований важно учитывать, как долго имели языковые контакты данные народы. При весьма длительных контактах меняются и заимствующие языки, и языки-источники. Важно учитывать историю всех контактирующих языков. Это дает возможность выделить древнейшие заимствования, отделив их от позднейших. Калькирование и заимствование – явления одного порядка. Но следует думать, что калькирование имеет место тогда, когда связи между носителями разных языков особенно интенсивны и близки. Поэтому древнерусские кальки *половцы*, *черные клобуки* могут свидетельствовать об особенно широких связях с этими народами.

* * *

Хотя изучение восточных элементов русского языка началось уже в XVIII в., но до сих пор, даже после выхода словаря Е.Н. Шиповой, мы пока не имеем больших работ, в которых тюркизмы русского словаря подвергались бы всестороннему исследованию. Нет даже работы, которая подвела бы итог достижениям в этой области, показала бы, как совершенствовались методы анализа тюркизмов русского словаря. Было бы интересно проследить, как изучение этого частного вопроса русского и тюркского языкознания зависело от общего состояния научной разработки истории и теории славянских и тюркских языков. На конкретном примере изучения этимологии и истории одного старого тюркизма можно сделать наблюдения, которые показали бы, как постепенно, в связи с накоплением материала, углублялись и уточнялись методы исследования языковых заимствований вообще[285].

Сейчас главной задачей в области изучения тюрко-славянских языковых связей является учет всего сделанного и тщательная разработка истории тюркской лексики в составе русского языка, а также истории русской по происхождению лексики в составе тюркских языков.

Анализ тюркизмов русского словаря зависел от степени изученности как русского, так и всех тюркских языков. Исследователи, занимавшиеся

[285] В таком ключе написана статья: *Добродомов И.Г.* О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря (К истории слова *жемчуг*). – ИАН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 25. – Вып. 1. – 1966. – С. 57–64. Статья имеет раннюю аналогию в венгерском явыкознании: *Ligeti L.* A tōrōk szókészlet tórtenete és tōrōk jóvevényszavaink (*Gyōngy*). – Magyar nyeiv. – 42. – 1946. – С. 1–16. – Перепечатано фотомеханически в кн.: *Ligeti L.* A magyar nyelv tōrōk kapcsolatai és ami kōrūlōttūk van. – 1. – Budapest, 1977. – С. 48–64.

одними и теми же вопросами, переходили от простых сопоставлений к более точным определениям, приближались к установлению более точных условий заимствования. Однако, как правило, не всегда учитывались факты истории русского языка; привлекался (преимущественно по словарю В.В. Радлова) весьма ограниченный тюркский материал. Но даже в этих условиях было сделано большое количество чрезвычайно ценных наблюдений, которые помогают точнее установить время и место заимствования.

Исследование древнерусских заимствований из тюркских языков осложняется также отсутствием точных сведений именно о тех языках, из которых осуществлялось заимствование, а также весьма неточной хронологией: раннее заимствование могло быть зафиксировано впервые в сравнительно позднем памятнике. Поэтому приходится восстанавливать как тюркскую, так и древнерусскую исходную форму, а также учитывать исторические данные.

Весьма существенным моментом при изучении древнейших славянских заимствований из тюркских языков является учет их географии, т.е. широты распространения в современных славянских языках и их диалектах. Данные географии слова должны увязываться с историческими данными. Древнерусское заимствование из языка торков *жьнчугъ* и сербохорватское *ђȕнђуха* могут восходить к одному источнику: торки после их разгрома русскими князьями, по сообщению Лаврентьевской летописи, в 1060 г. бежали к Дунаю: «Изяславъ и С[вя]тославъ и Всеволодъ и Всеславъ совокупи[ша] вои бещислены[и] поидоша на конихъ и в лодьяхъ бещислено множьство на Торкы се слышавше Торци оубояшася пробѣгоша и до сегодне». По византийским источникам, эти торки переправились через Дунай и захватили Дунайскую равнину. Часть их была поселена в Македонии[286]. Вероятно, именно они принесли слово *ђȕнђуха* на Балканы.

При рассмотрении географии тюркизмов следует учитывать также и данные неславянских языков, материал которых помогает нарисовать общую картину распространения слов и лучше установить фонетические

[286] *Васильевский В.Г.* Труды. – Т. 1. – СПб., 1908. – С. 26–29.
Вынужденное корректурное дополнение. Текстуальная близость данной публикации к статье: *Орлова О.С.* К истории изучения тюркизмов в русском языке (Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук. – 1976. – № 5. – С. 73–78) – объясняется наличием общего для них источника – кандидатской диссертации: *Добродомов И.Г.* История лексики тюркского происхождения в древнерусском языке (на материале «Повести временных лет»). – М., 1966.

особенности исчезнувших тюркских языков. Такое комплексное изучение тюркизмов дает возможность уточнить относительную и абсолютную хронологию фонетических процессов во всех привлекаемых для анализа языках.

Только благодаря применению таких методов исследования становится возможным дать глубокое и точное разрешение вопроса о древнейших тюрко-славянских языковых связях, расчленить все многочисленные тюркизмы русского словаря на разновременные слои, привязать эти слои к определенным тюркским народам, что послужит весьма важным материалом также и для историка культуры.

Глава 4
СОЦИОЛОГИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Урал[287]

Название протянувшейся на более чем две тысячи километров горной страны вдоль северной части границы между Европой и Азией *Урал* неоднократно привлекало к себе внимание ученых разных специальностей, особенно географов, историков и языковедов. Они попутно или даже специально пытались выяснить, откуда появилось название *Урал* и что оно первоначально обозначало. Мнения были самые противоречивые, но спор шел преимущественно между сторонниками финно-угорского происхождения топонима (такой точки зрения придерживались французский ученый О. Соважо, венгерские языковеды Я. Гуя и Б. Кальман) и сторонниками его тюркского происхождения (А.К. Матвеев, Г.К. Конкашпаев, Ш.З. Бахтиев). Однако почти у каждого автора много расхождений в деталях.

Следует помнить, что у многих народов в разные времена Урал и его отдельные части именовались по-разному.

Античное название Уральских гор – *Рифейские* или *Гиперборейские* горы – когда-то употреблялось как особого рода поэтический топоним у поэтов-классиков в XVIII в. Встречается оно, например, в одах М.В. Ломоносова:

За Обские брега вселенный,
Хребтом *Рифейским* заключенный,
За коим сильна росска власть
Велику держит встока часть...
«Ода на прибытие… 1742 г.»

И се Минерва ударяет
В верьхи *Рифейски* копием...
«Ода на день восшествия… 1747 г.»

Но это было подражание древним греческим и латинским авторам и широкого распространения у нас не получило.

---

[287] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Урал // Русская речь. – № 3. – 1982. – С. 122–125.

Обзор различных теорий, связанных с названием *Урал*, можно найти в кратком топонимическом словаре А.К. Матвеева «Географические названия Урала», вышедшем в 1980 г. в Свердловске.

Старинное русское наименование этого горного хребта было просто *Камень*, оно широко использовалось в русском языке для называния гор вообще[288]. В языках народов Северного Приуралья Урал также именуется *Камнем*: мансийск. *Нёр*, хантыйск. *Кев*, коми *Из*, ненецк. *Нгарка Пэ* (буквально «большой камень»). Название *Камень* относилось преимущественно к Северному Уралу и было сравнительно поздно заменено современным наименованием *Урал*, которое появилось в русских источниках со второй половины XVII в. и распространялось с юга[289].

В связи с этим предлагавшаяся некоторыми исследователями финно-угорская этимология топонима *Урал* из мансийского сочетания *ур-ала* «крыша горы» оказывается неприемлемой. К тому же сами манси Урал так не называют, употребляя для этого только наименование *Нёр* – буквально «камень».

Была сделана попытка разгадать таинственный топоним с помощью далекого сибирского эвенкийского языка, где есть слово *урэ* «гора» и показатель множественного числа *-л*, т.е. *урэл* «горы».

Но соответствие оказалось фонетически неполным, да и принятию этимологии мешала значительность расстояния между объектом и предполагаемым источником названия. К тому же Урал русскими поселенцами преодолевался с запада на восток: знакомство с горами произошло гораздо раньше, чем с далеким от них предполагаемым источником названия.

С появлением географических карт старинное название Урала *Камень* у русских постепенно выходит из употребления.

* * *

До XVIII в. на географических картах Урал обычно именовался как *Пояс*, *Каменный Пояс*, *Земной Пояс* (особенно это относилось к Северному Уралу), поэтому считалось, что *Урал* и *Пояс* – это слова с одним значением. Топоним *Пояс* считали переводом башкирского или татарского слова *Урал*, связывая последнее с глагольной основой *урал-*, которую переводили на русский язык

---

288 См.: *Мурзаевы Э.* и *В.* Словарь местных географических терминов. – М., 1959.

289 См.: *Ястребов Е.В.* Названия Уральских гор в XV–XVIII вв. // Вопросы географии. – Сб. 110. Топонимика на службе географии. – М., 1979.

глаголом «опоясываться» (хотя фактически современные словари дают другие переводы: «мотаться, наматываться, обматываться, навиваться, накручиваться; обвиваться, сплетаться; заворачиваться, обертываться; запутываться» и т.д.). Это весьма неточное толкование получило довольно широкое распространение в научной и популярной литературе.

А.К. Матвеев твердо придерживается мнения, что для разгадки названия необходимо учитывать наименование самого длинного хребта на Южном Урале – *Уралтау*, т.е. «Урал-гора» по-тюркски. В «Книге Большому Чертежу» это название дано в форме *Арал*(*ь*)*това* (или *Орал*(*ь*)*това*) *гора*.

Первая часть названия *Аралтау* – *Арал* – логично увязывается со старинным тюркским наименованием местности *Арал* «остров» в дельте Амударьи (дельтовые рукава и протоки создали здесь множество островов; по местности Арал получило свое имя Аральское море). Во второй части четко просматривается тюркский географический термин со значением «гора» – *тау*, *тав*, *таг*, *даг* и т.п. В тюркских языках термин *арал* обозначает не только «остров», но и переносно – «островок леса в степи» и даже «возвышенность», что хорошо подходит к сравнительно низким Уральским горам. Здесь стоит вспомнить, что в романе П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» Уральские горы именуются *Уральскими буграми*.

Как же название *Арал* преобразовалось в *Урал*?

На такой вопрос можно ответить, учитывая достижения нашей тюркологической науки, которая в истории чувашского языка – потомка древнего булгарского языка – отмечает интересное явление: переход гласного *а* начального слова в гласный *у* (в литературном языке и низовом наречии; в верховом наречии сохранилась промежуточная ступень *о*). Например, общетюркским словам *кара* «черный», *ат* «лошадь», *акча* «деньги», *аксак* «хромой» в чувашском языке соответствуют *хура*, *ут*, *уксах*, *укса* и т.п. Современная форма *Урал* вместо старой *Арал* была обязана влиянию древних, уже сейчас исчезнувших диалектов булгарского языка, от носителей которых усвоили это название современные народы Приуралья. Изменение *а* останется неясным, если не будет учтена роль древних булгарских диалектов в формировании лексики и топонимии Приуралья. Вопрос этот требует некоторых пояснений.

Дело в том, что чувашско-булгарский язык когда-то имел гораздо большее распространение, чем сейчас, но в конце XIII – начале XIV в. часть

булгар по каким-то причинам испытала смену языка чувашского типа на тоже тюркский язык типа современного татарского. Об этом говорят булгарские надгробные надписи соответствующего времени. К середине XIV в. на территории современной Татарии надписи на языке, близком к чувашскому, исчезают, их место занимают надписи на старотатарском языке. Между чувашами и татарами, предки которых когда-то составляли единый булгарский народ, возникает языковой барьер, который вместе с рядом других причин привел к возникновению двух разных народов.

* * *

Татары, в языке которых тюркское нарицательное слово *арал* «остров, возвышенность» неупотребительно, сохранили топоним в старинном булгарском звучании *Урал*; так же звучит топоним и в башкирском языке. А вот в казахском языке сохранился его более древний булгарский облик *Орал*, но исключительно как топоним, отличающийся от обычного нарицательного существительного *арал*, с которым казахский топоним *Орал* уже не соотносится.

Река *Урал*, текущая с *Уральских гор*, получила современное название только в 1775 г., когда Екатерина II, желая искоренить память о мятежных яицких казаках, участвовавших в восстании Емельяна Пугачева, приказала переименовать реку *Яик* в реку *Урал*. Тогда же *Яицкий городок* получил наименование *город Уральск* по переименованной реке. Следовательно, река и горный хребет с прилегающей к нему территорией, служащие естественной границей между Европой и Азией, получили единое собственное имя до какой-то степени случайно, но здесь также отразилась и закономерность – присваивать смежным географическим объектам одинаковое собственное имя.

Стрёма!
(из историко-лексикологических маргиналий к одному лексикографическому проекту)[290]

Зинаида Михайловна Петрова, редактировавшая «Словарь русского языка XVIII века» [291], новизна которого связана с показом динамики словарного состава в течение столетия, с выявлением взаимодействия церковной и светской стихий в лексике, всегда высоко оценивала картотеку этого словаря, насчитывающую более двух миллионов карточек-цитат. Картотека – это основа словаря, и ее достоинства обильного материала требуют внимательной и профессиональной работы с источниками. Источниковедческие принципы приобретают особую актуальность при создании словарей исторического типа для нового времени, когда возникает необходимость разобраться в противоречивом материале многочисленных текстов и словарей прошлого, оценивая их показательность и филологическую достоверность.

Известный русский лингвист Ю.С. Сорокин (1913–1990), специализировавшийся преимущественно в области исторической лексикологии, выступил с идеей создания исторического словаря для русского языка только XIX в., поскольку лексика этого периода весьма поверхностно и недостаточно отражена в академическом семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка», который считается нормативно-историческим словарем с явным уклоном преимущественно в бескомпромиссную нормативность, причем такой синтез принципов исторического и современного словаря в этом случае, по мнению Ю.С. Сорокина, неудачен[292]. Известная большая монография Ю.С. Сорокина[293] хорошо освещает недостаточность реализации в этом академическом словаре исторического компонента. К монографии приложен указатель, который уже как бы является словником для такого словаря, правда,

---

290 Первая публикация: *Добродомов И.Г., Шаповал В.В. Стрёма!* (из историко-лексикологических маргиналий к одному лексико-графическому проекту) // Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность: Сб. науч. тр. памяти З.М. Петровой / Отв. ред. И.А. Малышева. – СПб., 2007. – С. 183–210.

291 Одной из последних работ ее был проект «Словаря русского языка XIX века» (СПб., 2002), ею написано несколько разделов проекта (РЯШ. – 2006. – № 1. – С. 110).

292 *Сорокин Ю.С.* Основные принципы и источники исторического словаря русского литературного языка XIX в. // Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю.С. Сорокина. – СПб., 1999. – С. 29.

293 *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка [в] 30–90-е годы XIX века. – М.; Л., 1965.

в ограниченном объеме. Ю.С. Сорокин, являясь уникальным специалистом по исторической лексикологии, мог бы составить этот словарь, однако кому-либо другому осуществить эту авторскую идею в полной мере, по-видимому, не дано.

Ученый не успел дополнить свою богатую картотеку и хотя бы частично реализовать свои интересные замыслы. Заявку на это постарались сделать группа его учеников и почитателей, скоропостижно подготовивших большой, но несколько сыроватый и малопродуманный проект «Словаря русского языка XIX века»[294], в котором нет четкого понимания всех сложностей, возникающих при сборе и дальнейшей обработке даже одной группы лексики и особенно отдельного слова. Знакомство с материалами проекта создает впечатление, что во многих случаях, например, сведения о гетерогенной жаргонной лексике, которую планируется чохом включить в будущий словарь, основаны на весьма скромных и не вполне надежных источниках, которые предусмотрительно конкретно не названы в соответствии с постепенно сложившейся дурной традицией академических словарей современного русского языка уклоняться от точного называния эксцерпированных источников и особенно их аккуратной паспортизации. Сведения об одних и тех же словах в разных местах небрежного проекта не вполне совпадают орфографически, по шрифтовому выделению и толкованию.

Обращает на себя внимание подача небольшого списка слов, которые в проекте словаря унифицированно трактуются в едва ли нужном обобщении и поданы под обезличенным названием жаргонной лексики, однако с упоминанием всуе (в сноске) только офенского языка русских бродячих торговцев и ремесленников: «В Словарь включается жаргонная лексика, проникающая в разговорно-обиходную речь[295]: **жулик** ‘маленький мошенник’, **мазурить** ‘воровать’, **фомка** ‘лом’, **стрёма** ‘дворник’, **клёвый маз** ‘большой вор’, **лафа** ‘счастливое, безбедное житье’ (ср. в одном из писем И.С. Тургенева:

---

294 Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002.

295 «Ср. в этом смысле характерное суждение В.Ф. Одоевского об офенском языке (в повести «Живой мертвец»): “Многие из поговорок этого офенского <?> языка вошли в обыкновенный язык, но не всем еще понятны”» – [в этом неточном проектантском примечании не обращается внимание на то, что В.Ф. Одоевский ошибочно отождествляет приведенные далее слова из языка петербургских мазуриков с офенскими (у В.Ф. Одоевского – *афеньскими*!). См. прим. В.Ф. Одоевского к выражению *по музыке ходить* в начале большой цитаты из его повести «Живой мертвец» в настоящей статье, где подлинное суждение В.Ф. Одоевского приведено без искажений, допущенных проектерами.

“Вот бы вам была лафа!”) и т.п. При этом принимается во внимание возможность актуализации подобной лексики в последующие периоды развития языка (например, в “блатном” и молодежном жаргонах современного языка)»[296].

В другом месте приводятся частично те же примеры, но уже в иной орфографии (не соответствующей требованиям к лексикографическим изданиям!), с другими выделениями и с несколько отличающимися толкованиями и указывается, что слова разных жаргонов в проектированном словаре получают всего лишь одну унифицированную (фактически обезличивающую их!) помету, что едва ли целесообразно для исторического словаря, который призван не столько сваливать в одну кучу разные материалы, как это обычно делается в примитивнейших нормативных словарях, сколько разграничивать и дифференцировать гетерогенный состав лексики: «Помета *Жарг*. (жаргонное) употребляется только применительно к лексике социально замкнутых обособленных групп (офенский язык, «тайные языки» <sic!>), включаемой в Словарь в соответствии с правилами, обозначенными в Гл. 1, п. 5 («Словник»): **ЛАФА ..** *Беззаботное житье*. **ФОМКА ..** *Инструмент воров для открывания замка*. **СТРЕМА ..** *Дворник* (ср. **на стреме**). **СУФЛЕРА ..** *Продажная женщина, проститутка*. **КОБЫЛА ..** *Скамья или доска, к которой привязывали наказываемого кнутом* и т.д.» (с. 169).

Со значительной долей уверенности можно предположить, что все «жаргонные» слова первого и частично (три первых) второго списка восходят к не вполне правдоподобному разговору двух петербургских мазуриков, малознакомых друг с другом, но вместе «идущих на дело», в повести князя В.Ф. Одоевского «Живой мертвец», написанной в 1838 г., но напечатанной только через шесть лет в «Отечественных записках»[297].

---

[296] Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002. – С. 34. – Гл. 1. – П. 5. Заключительное предложение остается непонятным, поскольку «последующие периоды», вероятно, уже выходят за пределы XIX в., и неясно, кем и как они будут приниматься во внимание. Весьма симптоматична смутность указания на источник подозрительной цитаты из переписки И.С. Тургенева: можно было бы указать на дату, не лишнюю для исторического словаря. Ничем не оправданное отсутствие дат в «Словаре русского языка XVIII века» при большинстве иллюстративных примеров ставит под сомнение право этого словаря претендовать на историчность.

[297] *Одоевский В.Ф.* Живой мертвец // Отечественные записки. – Год шестой. – Т. XXXII. – № 1–2. – 1844. – С. 305–332 (1-й пагинации).

В недавно опубликованных В.Д. Бондалетовым материалах В.И. Даля: 1) «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка» 1842 г., который впервые был издан А.Л. Топорковым[298]; 2) «Словарь офенского языка» 1854 г.; 3) «Русско-офенский словарь» 1855 г.[299] – находим как значительные несоответствия, так и соответствия с материалами В.Ф. Одоевского, которые видны из сопоставления тех расширенных подстрочных комментариев автора с материалами арготических словарей В.И. Даля и других материалов после двух вертикальных черт:

«Товарищъ Фильки. Ну, да гдѣ жъ ты научился *по музыкѣ ходить* (1)[300], что̀ ты изъ *жульковъ* (2)[301], что ли?

Филька. Нѣтъ! куда! Совсѣмъ бы мнѣ не тѣмъ быть, чѣмъ я теперь. Отецъ у меня былъ человѣкъ строгій и честный, поблажки не даваль и доброму училъ; никогда бы мнѣ *музыка* на умъ не пришла... Да попался я въ услуженіе къ Василію Кузьмичу, вотъ для котораго скоро большая *уборка* (3)[302] будетъ...

Товарищъ Фильки. Да что? не-ужь-ли онъ *мазурилъ*?.. (4)[303].

---

298 *Даль В.И.* Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1. – С. 134–137.

299 *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. – М., 2004. – С. 151–157; 240–350; 351–440; помета *маз.* в двух последних словарях дана при словах из языка мазуриков.

300 «(1) т.е. воровать. – Слово изъ *афеньскаго* языка, о которомъ лѣтъ пять тому были напечатаны въ “От. Зап.” любопытныя изслѣдованія. Многія изъ поговорокъ этого языка вошли въ обыкновенный языкъ, но не всѣмъ еще понятны, а потому мы считаемъ не излишнимъ присоединить и переводъ къ афеньскимъ словамъ». *Примечание В.Ф. Одоевского*. [Все другие его примечания с сохранением (в скобках) его нумерации даны далее в сносках в сопоставлении с материалами В.И. Даля (ссылки на материалы арготических словарей В.И. Даля даются по публикации В.Д. Бондалетова простым указанием на страницу в скобках) и В.В. Крестовского после двух вертикальных линий ||.] Ср. также ниже без пояснения В.Ф. Одоевского: «никогда бы мнѣ *музыка* на умъ не пришла», а также: «ужь коли музыка, такъ музыка». || *Ходить по музыке* ‘заниматься воровством’ (с. 154), *Му́зыка* ‘условный язык воров»’ (с. 154). Однако ср. позже в «Толковом словаре» В.И. Даля [Даль$_1$-2: 888, под *мазурикъ*]: *Ходишь по му́зыкѣ*? ‘Говоришь ли по-нашему?’, а также [Даль$_1$-1: 34, под *байка*]: *ходить по музыкѣ* ‘говорить байковым языком’.

301 «(2) Маленькій мошенникъ». || *Жуликъ* ‘малолеток, ученик мошенника’ (с. 151); *Жу́ликъ* (маз.) ‘воришка, мальчишка воръ’ (с. 263); ‘Воришка’ *Жу́ликъ* (маз.) (с. 358), ‘Мальчишка воръ’ *Жу́ликъ* (маз.) (с. 384), употребленная В.Ф. Одоевским необычная форма родительного падежа *изъ жульковъ*, предполагающая форму именительного падежа **жу́лек*, по другим источникам неизвестна. Не знает такой редкой формы специально занимавшийся ранней историей этого слова Ю.С. Сорокин (*Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка [в] 30–90-е годы XIX века. – С. 485–486). Эта нестандартная запись слова *жулик*, как и «*афеньский* язык» вместо *офенский*, дают возможность предположить, что свои сведения В.Ф. Одоевский получил устным путем.

302 «(3) Похороны». || *Уборка* ‘похороны’ (с. 152); *Убо́рка* (маз.) ‘похороны’ (с. 332); ‘Похороны’ *Убо́рка* (маз.) (с. 409).

303 «(4) Воровать». || В арготических материалах Даля не представлено, однако в его «Толковом словаре живого великорусского языка» подано как общеизвестное: «***мазу́рить, мазу́рничать*** промышлять карманнымъ воровствомъ въ столицахъ, на ярмаркахъ, на торгахъ» [Даль$_1$-2: 888–889, под *мазурик*].

Филька. *Клёвый мазъ* (5)[304] былъ покойникъ... только, знаешь, большой руки. Знаешь, къ нему хаживали просители съ *стуканцами* (6)[305]...

Товарищъ Фильки. Постой-ка – никакъ *стрёма* (7)[306].

Филька. Нѣтъ! *Херъ* (8) [307] какой-то... Да куда наша *фига* (9) [308] запропастилась?

Товарищъ Фильки. Да нельзя же вдругъ...

Филька. О! проклятое дѣло! продрогъ какъ собака...

Товарищъ Фильки. Ничего! какь разсвѣнетъ, въ *шатунъ* (10)[309] зайдемъ... Ну, такъ ходили просители…

Филька. Ну, да! ходили... а Василій-то Кузьмичъ думалъ, что я простофиля... Вотъ, говоритъ, пріятель пришелъ; что онъ тебѣ отдастъ, то ко мнѣ принеси, а тебѣ за то синенькая; вотъ я дѣломъ-то смекнулъ: вижу, что Василію-то Кузьмичу не хочется, зазора-ради, изъ рукъ прямо деньги брать, а чтобъ того, знаешь, какова пора ни мѣра, на меня все свалить. Я себѣ на умѣ – за что жь мнѣ даромъ служить? вотъ я и съ Василія Кузьмича магарычи, да и съ просителя подачку...

Товарищъ Фильки. Такь тебѣ, братъ, *лафа была...* (*)[310].

Филька. Оно такъ! да вотъ что бѣда: какъ пошли у меня стуканцы черезъ руки ходить, такъ сердце и разгорѣлось, – больше захотѣлось... а между-тѣмъ Василій Кузьмичъ меня то туда, то сюда; поди-ка, Филька, вотъ то провѣдай, а того-то проводи, а вотъ этому побожись, будто меня продаешь, – разнымъ этакимъ залихватскимъ штукамъ училъ, такъ-что сначала совѣстно

---

304 «(5) Большой воръ». || *Клевый мазъ* ‘атаман шайки’ (с. 151); *Мазъ* ‘мошенник первой руки, мастер своего дела’ (с. 151); *Клевый* ‘хороший, красивый, дорогой’ (с. 153); *Ма́зъ* (маз.) ‘мошенникъ’ (с. 283); *Клевый* ‘хорошій’ (с. 273); ‘Мошенник первой руки’ *Мазъ* (маз.) (с. 385).

305 «(6) Съ деньгами», далее без примечания В.Ф. Одоевского: «пошли у меня стуканцы черезъ руки ходить». || *Стуканцы* ‘часы’; *Веснухи* ‘то же’ (с. 154); *Сту́кальцы* (маз.) ‘часы’; *Сту́канцы* (гал<ичское>) ‘часы’ (с. 327); ‘Часы’ … *Сту́канцы* (гал.) (с. 434). *Стуканцы* не имеют значения ‘деньги’.

306 «(7) Караульный, дворникъ». || *Стрёма* ‘обход, дозор, часовой, сторож, дворник’ (с. 152); *Стрема* ‘будь осторожен, смотрят’ (с. 156); *Стрёма стремит михлотка*. ‘Осторожней, жандарм глядит’ (с. 156); *Стре́ма* (маз.) ‘остерегись’ (с. 327); ‘Остерегись’ *Стре́мо* (маз.) (с. 395).

307 «(8) Пьяный». || *Херъ* ‘пьяный, хмельной’ (с. 152).

308 «(9) Лазутчикъ», а также далее без примечания В.Ф. Одоевского: «Смотри, смотри *фига* знакъ подаетъ...». || У Даля *фига* не представлено в значении ‘лазутчик [соучастник воров]’, но только как ‘лазутчик [противник воров]’: *Фига* ‘квартальный надзиратель’ (с. 152); *Фи́га* (маз.) ‘лазутчикъ, сыщикъ’ (с. 335); ‘Лазутчикъ’ *Фи́га* (маз.), *Подлипало* (маз.) (с. 382); ‘Сыщикъ’ *Фи́га* (маз.) (с. 426).

309 «(10) Въ питейный домъ». || *Шатунъ* ‘винный погреб’ (с. 152).

310 «(*) Славное житье». || Нет в арготических материалах В.И. Даля, в его «Толковом словаре живого великорусского языка» подано как общеизвестное: «**Лафа** ж. удача, счастье; см. *алафа*. **Лафистый** *парень*, *ему все везетъ, все* **лафитъ**! *На югѣ* произн. *лахва́*» [Даль$_1$-2: 843].

становилось, особливо, бывало, какъ отцовскія слова вспомнишь, а потомъ, и то приходило въ умъ: что̀ же тутъ дурнаго для своей прибыли работать? Василій Кузьмичъ – не мнѣ чета, ужь знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а отъ всѣхъ почтенъ, уваженъ... что̀ жь тутъ въ зубы-то смотрѣть? ужь коли музыка, такь музыка. Да этакъ подумавши, я однажды и хватилъ – за *толстую кису* (**)[311], да такъ, что надобно было лыжи навострить, – а съ-тѣхъ-поръ и пошло, чѣмъ дальше, тѣмъ пуще; да теперь вместо честнаго житья – того и смотри, что буду на Смольное глазѣть... (***)[312].

Товарищъ Фильки. Смотри, смотри *фига* знакъ подаетъ...

Филька. А! насилу-то! (*встаетъ*).

Товарищъ Фильки. А *фомка* (****)[313]съ тобою?»[314].

Проектёры едва ли представляют себе, какие сюрпризы ожидают лексикографов при использовании художественных литературных источников иллюстративных цитат для составления словарей, поскольку точность в передаче жаргонного материала писателями оставляет во многих случаях желать лучшего. В.Б. Быков убедительно это показал, опираясь на неудачный опыт такого чуткого к языку писателя, как А.П. Чехов, который на Сахалине картежное выражение *транспорт с кушем* понял как *транспорт скушан*: «Писатель недослышал весьма обыкновенную формулу карточной игры»[315].

---

311 «(**) Большую сумму». ‖ Также отсутствует в арготических материалах В.И. Даля, в его «Толковом словаре» подано как общеизвестное: «**Киса** ж. мѣшокъ, особ. кожаный, затяжной» [Даль$_1$-2: 724].

312 «(***) Уголовное наказаніе». ‖ Выражение *буду на Смольное глазѣть* с расплывчатым описательным толкованием ‘Уголовное наказаніе’ содержит микротопонимическую примету Петербурга (Воспитательное общество благородных девиц при Воскресенском Смольном женском монастыре, затем институт), которая позднее будет представлена в близком по смыслу выражении в романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» (1860-е): «Проѣхать на фортункѣ къ Смольному затылкомъ – поѣздка преступника на позорной колесницѣ къ эшафоту на Конную площадь» (*Смирнов Н.* Слова и выражения воровского языка, выбранные из романа Вс. Крестовского «Петербургские трущобы» // Известия Отделения русского языка и словесности. – Т. IV. – Кн. 3. – СПб., 1899. – С. 1080). Остается только гадать, на каком основании выражение *на Смольное глазѣть* с толкованием В.Ф. Одоевского «Уголовное наказаніе» в проекте того же исторического «Словаря русского языка XIX века» (с. 148) превратилось в *на смольное смотреть* ‘сидеть в тюрьме’. Источник не указан.

313 «(****) Ломъ». ‖ *Фомка* ‘небольшой лом, чем свертывают замки’ (с. 154); *Фомка* (маз.) ‘лом не большой’ (с. 335); ‘лом не большой’ *Фомка* (маз.) (с. 383).

314 *Одоевский В.Ф.* Живой мертвец. – С. 315–316 (1-й пагинации).

315 *Быков В.Б.* Проблемы эквивалентности в художественном переводе // Слова, слова, слова… : Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 65-летию со дня рожд. д. филол. наук проф. И.Г. Добродомова. – Смоленск, 2000. – С. 66; *Шаламов В.* Несколько моих жизней. – М., 1996. – С. 200–201; *Чеховъ Антонъ*. Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ.) – Изд. редакціи журнала «Русская мысль». – М., 1895. – С. 144, прим.

Но особую трудность представляет семантическая составляющая жаргонной лексики: неправильное понимание жаргонных слов представляет для лексикографов массу камней преткновения. Откликаясь 1 мая 1936 г. на первое прочтение книги Н.Н. Берберовой «Чайковский: История одинокой жизни» (Берлин, 1936), В.Ф. Ходасевич обратил внимание на фразу о бывшей жене Чайковского Антонине Ивановне [Милюковой]: «Как промѣняла она когда-то роль жертвы на роль хипесницы, такъ сейчасъ превратилась во все забывшую и все простившую покорную жену»[316]. Он так прокомментировал неудачное употребление Н.Н. Берберовой жаргонного слова: «Антонину Ивановну нельзя называть хипесницей: это слово блатное, означает оно не стерву, не хищницу вообще, а специально проститутку, которая заманивает гостя и обкрадывает его, напоив или во время сна. Тут ты поступила, как профессор Коробочкин, все цветы называющий лютиками» [317]. Неточное понимание жаргонных слов у В.Ф. Одоевского представляет собой лишь частный и не такой уж редкий случай подобной писательской практики обращения к малознакомой лексике социальных диалектов.

Из вышеприведенного диалога мазуриков в повести «Живой мертвец» и авторских примечаний к нему видно, что князь В.Ф. Одоевский не был большим знатоком ни речи мазуриков, ни офенского языка, о котором он узнал из статьи И.И. Срезневского в «Отечественных записках»[318]. Думается, за этим не вполне убедительным лингвистическим экспериментом В.Ф. Одоевского с использованием жаргонного словаря в художественном тексте стоит не замеченная авторами проекта «Словаря русского языка XIX века» скрытая полемика с «Московским телеграфом», в котором нередко обсуждалась уместность простонародных и жаргонных слов в литературе[319]: «Статья объ *Офенскихъ словахъ*[320], по нашему мнѣнію, не принесетъ ни малѣйшей пользы.

---

316 *Берберова Н.Н.* Чайковскій: Исторія одинокой жизни. – Берлинъ, 1936. – С. 200.

317 *Бетеа Дэвид.* Письма В. Ходасевича к Н. Берберовой // Минувшее. – Вып. 5. – Париж, 1988. – С. 308. Коробочкин – герой романа А. Белого «Московский чудак».

318 *Срезнев И. [И.И. Срезневский]* Афинский язык в России // Отечественные записки. – Т. V. Август – сентябрь. – 1839. – С. 1–12 (отд. VIII, «Смесь»).

319 *Виноградов В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – 2-е изд., доп. – М., 2000. – С. 365.

320 *Успенский А.* Сравнение офенских слов с напечатанными в Трудах Общества словами неизвестного языка, употребительными у жителей разных российских провинций // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. VII. – М., 1828. – С. 285–294.

Какое употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ варварскихъ, областныхъ(*)[321], не Русскихъ словъ?»; «Непонятное названіе небольшой статьи: *Слова, произносимыя Рязанской губерніи въ Раненбургскомъ уѣздѣ*[322], столько-же изумляетъ насъ, какъ и содержаніе оной! Что это такое? Къ чему послужатъ для Русскаго языка исковерканныя уѣздныя слова, и какая надобность намъ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ говорятъ, вмѣсто: стыдить – *абизорить*, самая дура – *баколда*, форштмейстеръ – *бахместеръ*, шалить – *дуровать* и проч. и проч?»[323].

Следует отметить, что слова жаргона, представленного у В.Ф. Одоевского, не находят параллелей в указанной выше работе И.И. Срезневского об офенском («афинском») языке. Так что и применение к этому жаргону криминальных элементов названия «*афеньский* язык» (с. 315, прим. 1) не вполне уместно[324].

Часть слов, представленных в этом отрывке у В.Ф. Одоевского в качестве арготических, В.И. Даль счел общеизвестными (*киса, лафа, мазурить*). Различия в трактовке жаргонных слов у В.Ф. Одоевского и В.И. Даля таковы: *стуканцы* ‘деньги || часы’, *фига* ‘лазутчик [соучастник воров] || лазутчик [противник воров]’. Петербургское выражение *на Смольное глазѣть* ‘подвергаться публичному телесному наказанию на площади напротив здания Смольного’ в арготических материалах Даля не отмечено.

Однако между этими источниками имеются и значительные переклички: **жулек/жулик* ‘мальчишка-вор’, *музыка* ‘воровство || у Даля еще и жаргон’, *клёвый маз* ‘большой вор || атаман шайки, мошенник первой руки’, *уборка*

---

321 «(*) Это и не областныя, но условныя, вымышленныя слова, между торговцами, которые слывутъ Офенами. Неужели это наръчіе?» (прим. Кс.А. Полевого).

322 Слова, произносимые Рязанской губернии в Раненбургском уезде // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. VII. – М., 1828. – С. 295–296.

323 Современная библиография // Московский телеграф. – 1829. – Ч. XXVII. – Май. – № 9. – С. 125. Ср. цитируемую В.В. Виноградовым оценку художественного метода М. Погодина: «Говорятъ, что языкъ дѣйствующихъ лицъ въ *Черной немочи*, картины и мелочныя подробности взяты съ природы. <..> Все-ли существующее въ природѣ и въ обществѣ достойно быть переносимо въ Изящную Словесность?» (*Полевой Кс.А.* [Рец.] Черная немочь, повесть М. Погодина. Москва, 1829, в типографии Семена Селиванского, 144 с., in 12 // Московский телеграф. – 1829. – Ч. XXVIII. – Август. – № 15. – С. 321–322; *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. – С. 364. Эти оценки приписываются В.В. Виноградовым издателю «Московского телеграфа» Н.А. Полевому, однако рецензия и часть библиографического обзора, откуда они взяты, подписаны «Кс. П.» и, вероятно, принадлежали его младшему брату Ксенофонту.)

324 Справедливости ради стоит заметить, что позиция В.Ф. Одоевского в этом вопросе соответствует массовым представлениям, которые отождествляют разные типы социальных диалектов, ср.: «**Арго**, *фр.* Воровской язык, языкъ офеней» (Полный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. – СПб., 1861. – С. 48). Да и материалы офенского и байкового языка поданы у В.И. Даля совместно, хотя и дифференцируются с помощью помет в его офенских словарях.

‘похороны’, *фомка* ‘ломик’, *хер* ‘пьяный’, *шатун* ‘питейный дом || винный погреб’. Эти красноречивые параллели между образчиками жаргонной речи мазуриков у В.Ф. Одоевского и материалами жаргонной лексикографии В.И. Даля не случайны, во время написания повести «Живой мертвец» эти авторы уже были знакомы и состояли в переписке.

Отчасти перекликаются также толкования слова *стрёма* у В.Ф. Одоевского («*стрёма…* (7) Караульный, дворникъ») и в офенских материалах В.И. Даля. В словарике В.И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка» 1842 г. *стрёма* сначала толкуется путем перечисления типичных источников опасности, среди которых на последнем месте также стоит ‘дворник’: *Стрёма* ‘обход, дозор, часовой, сторож, дворник’ (с. 152). Однако там же далее представлены другие толкования: *Стрема* ‘будь осторожен, смотрят’ (с. 156); *Стрёма стремит михлютка*. ‘Осторожней, жандарм глядит’ (с. 156).

Оба издателя словарных материалов В.И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки и байкового языка» – и А.Л. Топорков, и В.Д. Бондалетов – не обратили внимание на то обстоятельство, что в их публикациях как слово *стрёма*, так и однокоренные производные от него постепенно уточняются: сначала дается толкование путем перечисления видов опасности ‘обход, дозор, часовой, сторож, дворник’, сигналом появления которых и является слово *стрёма* (с. 152), из чего уже у В.Ф. Одоевского получилось толкование ‘караульный, дворник’, а в проекте «Словаря русского языка XIX века» осталось совсем обманчивое значение ‘дворник’. Затем у В.И. Даля дается более точное толкование сигнала *стрёма!* – ‘будь осторожен, смотрят’ (с. 156) отдельно и в составе фразы *Стрёма стремит михлютка* ‘Осторожней, жандарм глядит’ (с. 156). Сюда же относятся и производные: глагол *острёмиться* ‘покуситься неудачно на воровство’ (с. 155) и в составе фразы *затынь жулика, чтоб не стремили каплюжники* ‘заслони мальчика, чтоб полицейские не увидели его’ (с. 157). Можно думать, что этот словарный материал В.И. Даля является необработанной писарской копией полевых материалов, где не устранены несогласованности между разными фиксациями. Разное толкование слова *стрёма* в разных случаях у В.И. Даля связано не с развитием и изменением его значений, а просто с историей понимания этого жаргонного слова лексикографами.

Вопреки прилагательному *офенский* в названиях двух офенских словарей В.И. Даля, в них также присутствуют материалы байкового языка мазуриков и жуликов (с пометой *маз*.), а также жгонского языка костромских шерстобитов (с пометой *ш*.), хотя В.И. Даль четко различал эти идиомы. В качестве приложения к своему «Толковому словарю живого великорусского языка» лексикограф собирался напечатать материалы двух условных языков: «Может быть я приложу, в конце словаря, словарики офенский и жгонский» («О наречиях русского языка» – Даль$_1$-1: XLVIII), но это намерение не было осуществлено по неизвестным причинам. Также неясно, имеют ли упомянутые офенские и жгонские материалы В.И. Даля отношение к несостоявшимся планам дополнения Толкового словаря...»

Частично слово *стрёма* и производные попали с пометой *маз*. в «Словарь офенского языка» 1854 г.: *стрёмать* ‘зорко смотреть’, *стрема* ‘остерегись’ (с. 327), *острёмиться* ‘дать маху’ (с. 296), где фигурируют только уточненные значения этих слов. В «Русско-офенском словаре» 1855 г. зафиксированы с пометой *маз*. только они: ‘дать маху’ *остремáться* (с. 365), ‘зорко глядѣть’ *стремáть* (с. 376) и ‘остерегись’ *стрéмо* (с. 395). Слова *обход, дозор, часовой, сторож, дворник* или отсутствуют в «Русско-офенском словаре», или даны с другими соответствиями без слова *стрёма* из языка мазуриков.

В статье В.И. Даля «О наречиях русского языка» представлена попытка междометного толкования слова *стрёма*: *Стрёма, каплюжникъ* ‘Чу, полицейскій’ (Даль$_1$-1: XLVIII–XLXIX).

В рассказе В.И. Даля «Петербургский дворник» описано, как молодой дворник научается от опытного коллеги языку мошенников: «Иванъ научился также отъ Григорія пугать мошенниковъ и узнавать ихъ въ толпѣ; стоитъ только сказать: “стрёма”, т.е. берегись! и всякий мазурикъ сейчасъ-же кругомъ оглянется» [325] . Эти контексты хорошо иллюстрируют междометное употребление слова *стрёма* с диффузным значением ‘опасность’ (показательно междометие *чу*, использованное выше в толковании). Таким образом, В.И. Даль на протяжении ряда лет подыскивал различные способы толкования этого емкого слова.

[325] *Даль В.И.* Петербургский дворник // Физиология Петербурга, составленная из трудов русских литераторов / [Под ред.] Н. [А.] Некрасова (с политипажами). – СПб., 1845. – С. 125.

В современном В.И. Далю и В.Ф. Одоевскому рассказе И.Т. Кокорева «Мелкая промышленность в Москве» слово *стрёма* разъяснено в примечании к жаргонным словам, выделенным курсивом в тексте: «<...> потомъ прислушались бы мы къ речи здѣшнихъ обитателей, называющихъ другъ друга *физиками, механиками, гранилами*, а въ презрительномъ смыслѣ – *жуликами семикопеечными, мазуриками*; узнали бы, что значитъ *лафа, стрема*, что такое *пѣтухъ*, что за вѣщь *бабки* и какъ кусается *шмель*». К ним сделано автором подстрочное пояснение: «Слова изъ наречія (jargon) карманныхъ промышленниковъ: *лафа* – пожива, *стрема* – неудача, *пѣтухъ* – сторожъ, *бабки* – деньги, *шмель* – кошелекъ»[326]. Толкование И.Т. Кокорева «*стрема* – неудача» представляет еще одну попытку дать описание контекстной семантики этого трудного слова, с которой также можно согласиться лишь отчасти[327]. В словаре М.А. Грачева «Язык из мрака» представлена другая попытка описания контекстной семантики этого слова: «СТРЕ́МА, -ы, ж. **Наблюдательный пост, место во время совершения преступления**. “Тише ты, цыганская морда! – прошипел Долгорукий. – Живо! Барин, Козел, на стрему!..”[328] [1]»[329].

Жизнь слова в арго и ее отражение в словарях порой не вполне совпадают, поскольку адекватное описание чуждого лексикографам арготического слова средствами лексикографии наталкивается на ряд трудностей, особенно из-за опасности ложного отражения по причине недостаточности материала как такового и его количества.

Одним из источников неточностей в словарях является некорректное цитирование предшественников. В проекте «Словаря русского языка XIX века» мелькает жаргонное слово **Стрёма** ‘дворник’, также с иными шрифтовыми выделениями: «**СТРЕМА . .** *Дворник* (ср. **на стреме**)»[330]. Столь сбивчивое оформление и странное толкование противоречат источникам.

---

[326] *Кокоревъ И.Т.* Мелкая промышленность в Москвѣ // Кокоревъ И.Т. Очерки и разсказы. – Ч. 1. – М., 1858. – С. 94, прим.*.

[327] Можно себе представить, в каком затруднительном положении оказались бы проектеры «Словаря русского языка XIX века», если бы им попалось и контекстное толкование И.Т. Кокорева, которое подвело их опрометчивого коллегу В.С. Елистратова, о чем речь пойдет ниже.

[328] См.: *Белых Г.Г., Пантелеев Л.И.* Республика ШКИД: Повесть. – М.; Л., 1927. – С. 265.

[329] *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. – Н. Новгород, 1992. – С. 159.

[330] Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002. – С. 34, 169.

Ошибка в виде чересчур категоричного узкого толкования «**Стрёма** ‘дворник’», возможно, возникла в связи с вольным сокращением двусловного толкования В.Ф. Одоевского ‘караульный, дворник’, где соответствующие слова не являются синонимами. Однако если «дворник» перечисляется в ряду источников опасности, то получаемое толкование слова *стрёма* может быть еще признано приемлемым, но если в качестве толкования междометного слова с диффузной семантикой остается одно только одушевленное существительное *дворник*, то с таким решением согласиться нельзя. Такого значения у слова *стрёма* не было никогда[331].

Использование жаргонного слова *стрёма* в литературе продолжилось и в XX в. В 1934 г. И. Ильф и Е. Петров написали к первому съезду писателей фельетон «Кипучая жизнь», где высмеяли раздутые штаты редакций: «Тем не менее редколлегии разрастаются, и скоро уже вместо заседаний надо будет применять более совершенные методы собирания людей в одну кучу: “Объединенную конференцию членов редколлегии журнала ‘Всюду жизнь’ ”, или “Всесоюзный слет членов и кандидатов редколлегии журнала ‘Критик на страже’ ”» [332]. В следующем, 1935 г. фельетон был включен в авторский сборник, а название придуманного журнала приобрело следующий уже окончательный вид: «Критик на стреме»[333]. Этот довольно дерзкий намек на журналы РАППа «На посту» и «На литературном посту», низводивший пролетарских критиков до уровня шпаны, вошел в окончательную редакцию текста фельетона. Использование жаргонного выражения *на стрёме* в данном случае без пояснительных примечаний свидетельствует о широкой известности выражения вне собственно криминальной сферы.

Широкое распространение в русском языке революционной эпохи лексики из «жаргона преступников», хотя и осуждаемое в административных сферах[334], привело к включению в нормативный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова в качестве просторечных вульгарных слов

---

331 *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* О призрачных словах у лексикографов // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. – Opole, 2005. – S. 153.

332 *Ильф Илья, Петров Евгений*. Кипучая жизнь // Парад бессмертных. Художественно-оптимистический альманах «Крокодила», посвященный съезду писателей вообще и литературе и ее последствиям в частности. Составлен по наблюдениям, первоисточникам, а также по слухам. – М., 1934. – С. 65.

333 *Ильф Илья, Петров Евгений*. Кипучая жизнь. Как создавался Робинзон. – 3-е изд., доп. – М., 1935. – С. 101; *Ильф Илья, Петров Евгений*. Кипучая жизнь: Собр. соч.: В 5 т. – Т. 3. – М., 1961. – С. 334.

334 *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). – М., 1927. – С. 75–81.

междометного *стрёма* и глагола *стрёмить*: «**СТРЁМА**, в *знач. пов. накл.* (простореч., вульг.). Употр. находящимся на страже в знач. берегись, есть опасность. ◊ **На стреме** (быть, стоять) или **на стрему** (ставить, итти; простореч.) – находиться на страже, охраняя кого-что-н. *Эй, младший, на стрему! гляди хозяина!* Чапыгин»; «**СТРЁМИТЬ**, млю, мишь, *несов.*, *кого-что* и *без доп.* (простореч. вульг.). Стоять на стреме, высматривая кого-что-н.»[335] – с дальнейшей кодификацией первого слова в академическом «Орфографическом словаре русского языка» 1956 г., уже без загадочной грамматической пометы *в знач. пов*<елительного> *накл*<онения>.

В.И. Чернышев в критическом отзыве на «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова подвергал сомнению целесообразность включения в нормативный словарь арготизмов типа *стрёма*, причем этому слову была дана более точная, чем в «Толковом словаре…», стилистическая и социологическая характеристика: «Полагаю, что вообще напрасно в Толковом словаре русского языка вводились такие просторечные и областные слова, как *болтыха́ть, гнус, гнусь, голи́нка, гопля́* (дано без какой-либо пометы, значит, как слово вполне литературное), *густня́к, заусе́нец, инде́ичий, колтыха́ть, ловчи́ть, прочкну́ть, ры́ля* (искаженное *лира*), *рыле́йка, рыле́йный, рыле́йщик, ры́паться, санта́л* (вм. *сандал*), *сапа́теть, саранчу́к, свежа́тина, сдои́ть, смирёна, снежу́ра, сове́ть, стеба́ть, стега́, сто́жить, стрёма* (воровское арго), *студене́ть, студени́ться* (оба слова без пометы, как чисто литературные), *смы́ться, ша́мать* и т.п., в очень большом количестве. Правда, в тексте Толкового словаря обычно эти и подобные слова сопровождаются указаниями, что данное слово просторечное, областное или вульгарное, но это мало исправляет положение. Если данные и подобные им слова бытуют только в живом вульгарном обороте, в невзыскательном просторечии, то какие основания были вводить их в Толковый словарь? Если же они засвидетельствованы в текстах литературного языка, т.е. в речи авторов, то это следовало показать цитатами. Без последнего условия помещение их в словаре ничем не оправдано»[336]. В.В. Виноградов

---

[335] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – М., 1940. – С. 556. Конечно же, высматривает стоящий на стреме не «*кого-что*», а потенциальную опасность.

[336] *Чернышев В.И.* Толковый словарь русского языка (Критический отзыв) // Чернышев В.И. Избранные труды. – Т. I. – М., 1970. – С. 357.

солидаризировался с В.И. Чернышевым и дважды сочувственно процитировал эту мысль из его критического разбора «Толкового словаря…»[337].

Слово *стрёма* отсюда позже без помет попало в академический «Орфографический словарь русского языка» (напр., 6-е изд. 1968, с. 888): «**стрёма: на стрёме, на стрёму**», что отражает, по-видимому, взгляд составителей словаря на слово как на не имеющее полной словоизменительной парадигмы и употребляющееся только в этих двух падежных формах. Этот взгляд, вероятно, более четко, но и менее ясно (поскольку сочетаемость не указана) выражен в «Грамматическом словаре русского языка: словоизменение» А.А. Зализняка: «**стрёма** *ж* 1а: стоя́ть на стрёме, ста́вить на стрёму»[338], а в разделе «Как пользоваться словарем» индекс 1а трактуется как «слово с ограниченной сочетаемостью»[339], что уже полностью игнорирует междометно-предикативное употребление именительного падежа вне сочетаемости (*стрёма!*), которое для составителей, например, Ушаковского словаря было исходным, и без странной грамматической характеристики из этого словаря.

В большой академический «Словарь современного русского литературного языка» включено три слова этого корня: *стрёма, стрёмщик, стрёмить* [ССРЛЯ-XIV: 1036, 1038, 1041], но уже как обычные просторечные, с реальными поправками в составе дефиниции: «**Стрёма**, ы, *ж. Просторе́ч*. В воровском арго – охрана, стража, выставляемая для предупреждения об опасности. *Что почувствовал бы бравый штабс-капитан, что сказал бы, если бы хоть во сне увидел однажды, как ненавистные ему “артисты”, расставив на дворе стрему, перелезают через забор карцерного дворика*. Мельш. В мире отверж. 1.[340] ◊ Стоять, быть и т.п. на стрёме. Находиться на страже, охранять кого-, что-либо. *Мальчишки, кроме того, стояли “на стреме”, когда взрослые воровали*. Гиляров. Москва и москвичи. ◊ Стрёма! Предупреждение находящегося на страже о грозящей опасности. – Даль, Слов. (3-е изд.): Стрёма» [ССРЛЯ-XIV: 1036].

---

337 *Виноградов В.В.* О трудах В.И. Чернышева по русскому языку // Чернышев В.И. Избранные труды. – Т. I. – М., 1970. – С. 15, 38.

338 *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: словоизменения. – М., 1977. – С. 196.

339 *Там же.* – С. 17.

340 См.: *Мельшинъ Л. [Якубович П.Ф.]* Въ мірѣ отверженныхъ. – Т. I. – СПб., 1899. – С. 350; ср. там же: «стоять на стремѣ» (с. 172).

В большом академическом словаре есть также два производных слова (глагол и существительное со значением лица) с иллюстративными цитатами из авторов конца XIX – начала XX в., причем помета о просторечном характере слова фактически исправляется в дефиниции указанием на реальное употребление его в воровском арго, на что правильно обращал внимание В.И. Чернышев и что касается как существительного, так и глагола:

«**Стрёмить**, млю, мишь, *несов.*, *перех.* и *неперех.* *Простореч.* В воровском арго – охранять кого-, что-либо, предупреждая об опасности; быть на стреме. *На кражу* [вор-карманник [341]] *... редко идет в одиночку: ему необходимо, чтобы кто-нибудь "стремил"* (*стерег, наблюдал*) *в то время, когда он работает.* Купр. Вор» [ССРЛЯ-XIV: 1038]. Здесь иллюстративная цитата показывает только непереходное употребление этого «повсеместного»[342] в воровской речи глагола. Неосторожное указание на управление «кого-что» в «Толковом словаре» под ред. Д.Н. Ушакова в семнадцатитомном словаре трансформировалось в едва ли справедливую помету «*перех.*», поскольку невозможно лексически конкретизировать в виде прямого объекта при глаголе *стрёмить* ту неизвестную опасность или помеху, в ожидании которой *стрёмщик стрёмит* (пребывает в состоянии бдительности), а также заведомо невозможен в качестве прямого объекта сам охраняемый (**стрёмь меня*), поскольку не является источником опасности. Во всяком случае, переходность глагола *стрёмить* иллюстративным примером не подтверждается и как бы повисает в воздухе.

«**Стрёмщик**, а, *м.* *Простореч.* В воровском арго – тот, кто охраняет кого-, что-либо <? – *И.Д.*, *В.Ш.*>, предупреждая об опасности, стоит на стреме. У *дверной форточки обязательно стоял стремщик, который при приближении надзирателя обыкновенно провозглашал: "Двадцать шесть" – обычный условный сигнал тюремных жуликов.* Мельш. В мире отверж. 1. *Стремщик тихо свистит. Оба бегут.* М. Горький. Преступники» [ССРЛЯ-XIV: 1041]. Хотя дефиниция существительного *стрёмщик* дана с опорой на слово *стрёма* (тот, *кто стоит* на *стреме*), что демонстрирует словообразовательную направленность (производность), А.Н. Тихонов

[341] В действительности не карманник, а «скокъ, скачекъ/скачокъ (sic!), скокцеръ» (специалист по ночным кражам со взломом) (*Купринъ А.И.* Кіевскіе типы. – 2-е изд. – Кіевъ; СПб.; Харьковъ, 1902. – С. 41).

[342] *Купринъ А.И.* Кіевскіе типы. – 2-е изд. – Кіевъ; СПб.; Харьковъ, 1902. – С. 41.

в своем «Словообразовательном словаре русского языка» [343] явно опрометчиво считает название лица производным исключительно от глагола, а не от существительного, даже не прибегая к сомнительному тезису о множественности мотивации (см. схему I).

Если же исходить из дефиниции слова *стрёмщик* в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка», то словообразовательное гнездо с базовым словом *стрёма* будет выглядеть несколько по-иному: глагол *стрёмить* и существительное *стрёмщик* будут оба производными от базового мотивирующего слова *стрёма* (см. схему II).

Но поскольку исследователю трудно решить дилемму из двух возможностей, то приходится прибегнуть к так называемой множественности (неопределенности) мотивации, за которой реально скрывается бессилие специалиста по словообразованию выбрать для производного слова производящую основу из нескольких возможных (см. схему III, где существительное *стрёмщик*1 выводится от производящего существительного же *стрёма*, а то же название лица *стрёмщик*2 связывается с глаголом *стрёмить*).

В словаре М.А. Грачева «Язык из мрака» представлен также редкий словообразовательный вариант этого слова: «СТРЕМА́Ч, -а, м. **Преступник, который стоит** *на стреме*»[344] – с иллюстративным примером «*ваши стремачи стремят в наших местах*» со ссылкой на повесть В.Я. Шишкова «Странники» о беспризорниках 1930-х годов.

***Схема* (*I*)**	***Схема* (*II*)**	***Схема* (*III*)**
стрём(а)	**стрём**(а)	**стрём**(а)
стрём-**и**-ть	стрём-**щик**	стрём-**щик**1
стрём-**щик**	(стрем-**ач**)	(стрем-**ач**1)
(стрем-**ач**)	стрём-**и**-ть	стрём-**и**-ть
		стрём-**щик**2
		(стрем-**ач**2)

Стоит обратить внимание на традиционную ошибочность справки академического «Словаря современного русского литературного языка»

[343] *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. – Т. II. – М., 1985. – С. 180.
[344] *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. – Н. Новгород, 1992. – С. 69, 159.

о первой словарной фиксации слова *стрёма* лишь в третьем издании Словаря В.И. Даля; фактически оно отмечено уже в 1-м издании в самом конце гнезда *стремить*, где дается удачная этимология разбираемого слова, до сих пор слабо замеченная этимологами[345]: «***Стрёмный, стрёмкій, стрёмый*** *мск. влд*. прыткій, проворный, бойкій, расторопный; отсюда окрикъ мазуриковъ и жуликовъ другъ на друга: *Стре́ма!* берегись, есть опасность» [Даль$_1$-4: 309], см. также: [Фасмер-IV: 775, на *стремглав*].

В направлении, подсказанном В.И. Далем, искали происхождение слова Л.И. Скворцов[346] и Е.С. Отин, которые опирались не столько на московские и владимирские прилагательные *стрёмный, стрёмкий, стрёмый* ‘прыткий, проворный, бойкий, расторопный’, сколько на второе значение отмеченного там же глагола *стремить* или на существительное *стремнина* ‘быстрина теченья, стрежь, стрежень; || круча, обрыв, крутизна, скала, утесъ, отвѣсная высота либо глубина, пропасть, бездна’, причем Е.С. Отин учитывает также особо диалектный глагол *стремить* ‘торчать’[347], но игнорирует, что семантика последнего фактически является украинизмом, поскольку в словаре А.В. Миртова речь явно идет об украинском глаголе *стремiти* ‘торчать’.

В связи со сказанным нельзя принять совершенно неубедительную семантически этимологию Б.А. Ларина, сближавшего «*Стрема, стремить* ‘наблюдение, карауленье; следить, караулить’» с арготическим немецким (Rotwelsch) «*Strohmer* ‘бродяга, нищий’; *strohmen* ‘бродить’»[348]. Ее сочувственно приводят М.А. Грачев и В.М. Мокиенко и, вероятно, не веря в нее <?>, сами зачем-то предлагают еще более спорную альтернативную версию этимологии Б.А. Ларина на основе фонетически и семантически далекого однокоренного с приводимыми Б.А. Лариным немецкими арготизмами общелитературного немецкого *Strom* ‘поток’: «Учитывая, что в приведенном

---

345 *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* Проблемы достоверности описания арготической лексики в текстах и словарях // Седьмые Поливановские чтения: Сб. ст. по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 11–12 октября 2005 г.). – Ч. 3. Идеи Е.Д. Поливанова в современном воплощении. – Смоленск, 2005. – С. 56.

346 *Скворцов Л.И.* Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. – 1972. – № 1. – С. 52.

347 *Отин Е.С.* Материалы к словарю ненормативной лексики // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5. – Донецк, 1999. – С. 182–183 – со ссылкой на: *Миртов А.В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов н/Д, 1929. – С. 312.

348 *Ларин Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931. – С. 123. Ср. также: *Wolf S.A.* Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunersprache. – Mannheim, 1956. – S. 322, № 5670, где немецкие жаргонизмы *Strohmer* ‘umherziehender Gauner [бродячий вор]’, *Stromer, Strömer* ‘Vagabund, Vagant [бродяга]’; *strohmen* ‘herumstreichen [бродить, скитаться]’, *stromen, strömen* ‘umhertreiben [бродить]’ и др. также рассматриваются как однокоренные к *Strom.*

ряду «караульных» идиом довольно активна мотивация, связанная с водой, опасностью на воде (см. *вассер, на вассере*), можно предположить, что слово *стрем* этимологически восходит к нем. *Strom* ‘поток’, ‘быстрое течение’, ‘большая река’, имеющее в арго коннотации с опасностью», но фонетическая сторона вызывает сомнения [349]. На связь с нем. *Strom* указывает и В.П. Коровушкин[350].

Учитывая ранние фиксации слова *стрёма* в условном языке мазуриков, относящиеся к первой половине XIX в., еще до притока значительного числа германизмов в русские жаргоны, представляется целесообразным выразить сомнение в германских этимологиях и напомнить уже упомянутую более простую и убедительную этимологию В.И. Даля, считавшего жаргонное *стрёма* словом исконного происхождения от прилагательных: «***Стрёмный, стрёмкій, стрёмый*** *мск. влд.* прыткий, проворный, бойкій, расторопный; отсюда окрикъ мазуриковъ и жуликовъ другъ на друга: *Стре́ма!* берегись, есть опасность» [Даль$_1$-4: 309], см. также: [Фасмер-IV: 775, на *стремглав*].

В связи с прилагательным *стрёмый* следует упомянуть и вероятное императивное междометное наречие от него, если в этой записи не сказалось гиперкоррективное «антиаканье»: «*Стре́мо*» с пометой «маз<урики>» в значении ‘остерегись’, представленное наряду с вариантом *стрёма* в уже упоминавшемся рукописном «Русско-офенском словаре» В.И. Даля 1855 г., недавно опубликованном В.Д. Бондалетовым [351]. Первообразное значение окрика-предостережения *стрёмо!* реконструируется как ‘[действуй] быстро, проворно, расторопно и [веди себя] бдительно, осторожно, [поскольку] опасно, пора уходить’. Вообще значения ‘скорости’ и ‘опасности’ связаны со словом *стрёма* более очевидно, чем значения ‘воды’ и ‘опасности’.

Любопытно, что академический «Сводный словарь современной русской лексики» указывает на наличие глагола *стрёмить* в академическом четырехтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, что истине не соответствует[352].

---

[349] *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. – СПб., 2000. – С. 158; *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000. – С. 570–571.

[350] *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. – Екатеринбург, 2000. – С. 276.

[351] *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. – М., 2004. – С. 395.

[352] Сводный словарь современной русской лексики. – Т. II. – М., 1991. – С. 495.

При не вполне ясных обстоятельствах появляется и закрепляется в русской жаргонизированной речи новая форма *стрём*, которая была неизвестна в XIX и первой половине XX в. Существительное *стрём* с весьма неполным толкованием ‘сторож’ впервые отмечено в 1971 г. у И.П. Вориводы (стоит процитировать целиком фрагмент словаря на *стре-*): «СТРЕМ – сторож. СТРЕМАТЬ – следить, наблюдать. СТРИГАНИ – посмотри, послушай <с нарушением алфавитного порядка, возможно, следует читать **стремани. – *И.Д., В.Ш.*>. СТРЕМЕ – стоит в наблюдении <следует читать **на стрёме. – *И.Д., В.Ш.*>»; цит. по: [СРВС-IV: 186]. Слово *стрём* ‘сторож’ повторили и другие словари. Примечательно, что у И.П. Вориводы более старого варианта *стрёма* нет вообще, т.е. нет оснований вести речь о преемственности. Однако в данном случае возникает подозрение, что ошибочная для словаря запись *стрем* без обозначения буквы *ё* возникла в словаре 1971 г. на месте *стрема*. Не исключено, что странное толкование СТРЕМ ‘сторож’, возвращающее нас на уровень арготической лексикографии середины XIX в., т.е. на стадию нащупывания и уточнения толкования слова *стрёма* В.И. Далем по мере накопления примеров употребления, в действительности восходит к цитате из словаря криминолога НКВД С.М. Потапова 1927 г., который опирался на попытку пристава В.М. Попова передать междометное значение: «**Стрёма**, – осторожнЪй; опасность» [353] . С.М. Потапов в 1923 г. дополнил эту запись однокоренным глаголом в повелительном наклонении: «стрема – осторожный, опасность. СТРЕМ – следи» [354], цит. по: [СРВС-II: 214]. Абсурдное толкование «осторожный» ошибочно возникло на базе толкования В.М. Попова «осторожней». Нарушение алфавитного порядка заставляет предположить, что СТРЕМ восходит к *стремь*, прочитанному как **стремЪ* с последующим уничтожением конечного ера. В переиздании 1927 г. был исправлен алфавитный порядок и дополнено толкование глагольной формы *стрем* синонимами, изменилось и толкование существительного *стрёма*: «**Стрем** – “следи”, “смотри”, “высматривай”. **Стре(о)ма** – сторожа; опасность» [355] . Именно последнее описание могло быть сокращено при копировании с перескоком взгляда на соседнюю строку у И.П. Вориводы. Однако неясно,

[353] *Попов В.М.* Словарь воровского и арестантского языка. – Киев, 1912. – С. 82.
[354] *Потапов С.М.* Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. – М., 1923.
[355] *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). – М., 1927. – С. 158.

почему *стрёма* приобрело толкование ‘*сторóжа*/*сторожá* <?>’ в словаре 1927 г. Быть может, это повелительное *‘*сторожи́*’, ошибочно перенесенное от *стрем* к *стрёма* и далее прочитанное как более или менее правдоподобное здесь существительное. На широкую известность повелительного *стремь* в 1920-е гг. указывает и цитата из рассказа Георгия Никифорова «Две смены» [356], приводимая А.М. Селищевым с толкованием из подстрочного авторского примечания Г. Никифорова: «А там твое дело, *стремь* [смотри]»[357].

С другой стороны, в сленге хиппи и вообще молодежном жаргоне более новое слово *стрём* представлено в качестве обозначения отрицательной эмоциональной реакции или ее причины: ‘опасение, что не хватит водки’[358], ‘стресс’ [359], ‘опасение опозориться, потерять лицо’ [360]. Этот арготизм явно отделяется от описания И.П. Вориводы как по семантике, так и по кругу носителей.

В деле появления сомнительной для уголовного жаргона, но распространенной в молодежном жаргоне формы *стрём* какую-то роль сыграла и небрежность в подаче (за ромбом ◊) вместе двух разных устойчивых выражений (фразеология) в весьма авторитетном «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «◊ **На стреме** (быть, стоять) или **на стрему** (ставить, итти; простореч.) – находиться на страже, охраняя кого-что-н.», где двусмысленна также и иллюстративная цитата из Чапыгина: «Эй, ... <отправляйся> на стрёму (ж.р.)» или «Эй, ... <находящийся> на *стремý (м.р.)»[361] – всюду без ударения и точек над *ё* с одним общим толкованием, благодаря чему обе эти разные предложно-падежные формы воспринимались как синонимы, а второе из них могло читаться *на стремý*. Ср. восстановление именно такого предсказуемого ошибочного чтения: *на стремý* в современном словаре[362].

Строго соблюдая подбор слов и менее строго их дефиниции академического «Словаря современного русского литературного языка», Т.Ф. Ефремова в своем большом словаре с косноязычным названием «Новый

---

356 *Никифоров Г.* Две смены // Октябрь. – 1924. – № 2. – С. 13–36.

357 *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи. – С. 76.

358 *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: Материалы к словарю. – СПб.; Париж, 1992. – С. 47; *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). – М., 1997. – С. 211.

359 *Dvořák Libor*. Эй, чувак. Ruský slang aneb Český hambář jazyka ruského. – Praha, 1995. – С. 138.

360 *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга. – С. 212.

361 Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. IV. – С. 556.

362 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – С. 570.

словарь русского языка: Толково-словообразовательный» воспроизводит старую трактовку материала, заменяя лишь стилистическую помету *простореч*. на загадочную *разг.-сниж.* и сохраняя сомнительную грамматическую помету о возможности наличия у глагола *стрёмить* переходности:

«**СТРЁМА** *ж. разг.-сниж.* 1. Охрана, стража, выставляемая для предупреждения об опасности.

СТРЁМИТЬ *несов. перех. и неперех. разг.-сниж.* 1. Охранять кого-л., что-л., предупреждая об опасности, быть на стрёме.

СТРЁМЩИК *м. разг.-сниж.* 1. Тот, кто находится на стрёме, охраняя кого-л., что-л., предупреждая об опасности»[363].

Новую форму *стрём* «Новый словарь…» Т.Ф. Ефремовой не замечает, зато только она представлена в словаре В.В. Химика: «**СТРЁМ**, -а, *м. Жарг. крим*. Опасность, угроза; испуг, вызванный опасностью. *Быть, находиться в стрёме. Руки дрожат от стрёма*» – с явно не относящимся сюда предложно-падежным сочетанием: «**На стрёме** в *знач. нареч*. и в *функц. сказ*. *Жарг*. Настороже, начеку или в роли наблюдателя, предупреждающего об опасности (быть, находиться)», а также с производными **СТРЕМА́К** (*Жарг. молод.*), **СТРЕМА́ТЬ(СЯ)** (*Жарг. молод.*), **СТРЁМНО** (*Жарг. молод.*), **СТРЁМНЫЙ** (*Жарг. молод.*), **ЗАСТРЕМА́ТЬ(СЯ)** (*Жарг. молод.*), **ЗАСТРЁМИТЬ** (*Жарг.*), **ПЕРЕСТРЕМА́ТЬ(СЯ)** (*Жарг. молод.*), **ОСТРЕМА́ТЬСЯ = ОСТРЁМИТЬСЯ** (*Жарг. молод.*), которые имеют не вполне согласованные пометы о сфере употребления[364].

Как видим из пестрого мелькания разных стилистических помет при слове *стрёма* и производных, двусловные пометы «Толкового словаря» под редакцией Д.Н. Ушакова[365], академического семнадцатитомника и архаического «Нового словаря…» Т.Ф. Ефремовой не оправдали себя и были заменены в духе В.И. Чернышева тоже приблизительной, но более верной пометой *жарг*.

---

[363] *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. – Т. 2. – М., 2000. – С. 718.

[364] *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004. – С. 591, 225, 399, 432–433.

[365] Они подвергались критике еще на стадии подготовки словаря, например, в письме Б.А. Ларина Г.О. Винокуру от 3 июня 1932 г.: «Но мы никак не приемлем Виноградовского цепляньа за лоскутья старой академичности и отвергаем эти пометы, как слишком анахронистичные. Вульг. мало понятно и претенциозно, надо “груб”. А вм<есто> “простореч.” надо масс. (=массовый разговорный). Раз нет уже “простых” людей и “простой речи”, нельзя употреблять “простореч.”, тем более, что оттенок пренебрежения и наивного пуризма в этом очень явственно ощущался бы» (РГАЛИ, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. № 304, л. 3. Цитата любезно предоставлена О.В. Никитиным).

в «Большом толковом словаре русского языка», который дал более точную стилистическую характеристику слова, но не указал устарелости слова *стрёма* и новизны *стрём*, а также их разного семантического содержания:

«**СТРЁМ**; а; *м.*; **СТРЁМА**; ы; *ж. Жарг.* **1.** Охрана, стража, предупреждающая об опасности кого-л. *Выставить стрёму. Стоять, быть на стрёме* (находиться на страже). **2.** Опасность, угроза. < *Стрёма! в знач. межд.* (предупреждение об опасности)»[366].

А указания на устарелость слова *стрёма* характерны для последней трети XX в. Л.И. Скворцов так квалифицирует слово *стрёма* и выражение *стоять на стрёме*: «Теперь это полузабытые выражения, восходящие к старому арготическому словарю»[367].

Е.С. Отин о слове *стрёма* говорит как о реликтовом: «Это слово употребляется только в составе словосочетаний *стоять на стрёме, ставить на стрёму*, а также в команде *на стрёму!*»[368] – и далее дополняет, что слово *стрёма* сейчас утратило способность употребляться в функции междометного слова как словесное оповещение об опасности и сигнал, призывающий к бегству.

В своем сбивчивом «Историко-этимологическом словаре воровского жаргона» М.А. Грачев и В.М. Мокиенко не заметили этого обстоятельства и неоднократно и бездоказательно утверждают, что сомнительным словом *стрём* (не обозначено *ё* у них в нарушение «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г., требующих от словарных изданий обязательного употребления буквы *ё*[369]), выражающим опасность, с начала 40-х гг. (XX в.) якобы вытесняются слова *атанда, вассер* и т.п. из оборотов с глаголом *стоять* типа *стоять на атасе* и т.п. и что якобы в 1971 г. «понятие “опасность” повседневно начинает отражаться в слове *стрём*» (Воривода): «Этому способствовало его употребление как в воровском арго, так и в художественной литературе»[370].

---

366 Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998. – С. 1279.

367 *Скворцов Л.И.* Профессиональные языки, жаргоны и культура речи. – С. 52.

368 *Отин Е.С.* Материалы к словарю ненормативной лексики. – С. 182.

369 Еще более удивительна передача слов *стрёма, стрёмить, стрёмщик* без буквы ё, но зато с дезориентирующим знаком ударения: *стре́ма, стре́мить, стре́мщик* в словаре: *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. – С. 159.

370 *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. – С. 23, 55, 57, 157.

Существование слова *стрёма* преимущественно в форме *на стрёме* (местный падеж, где отсутствует противопоставление форм мужского и женского рода) привело к тому, что в ненадежных словарях криминального жаргона появилось ранее невозможное сомнительное существительное мужского рода *стрём* – результат гиперкорректного восстановления исходной словарной формы, которая была некритически включена в «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной наряду с правильной формой *стрёма*:

«**СТРЁМ[2],** -а, *м.* **1.** *Угол.* Сторож. ТСУЖ, 170; СРВС, IV, 186; Балдаев, II, 63, ББИ, 236; Мильяненков, 240. **2.** *Угол., мол.* Опасность. Балдаев II, 63; ББИ, 236; Мильяненков, 240, WMN, 88; Елистратов, 453. **3.** Боязнь опасной ситуации, опасения насчет чего-л. Рожанский, 47. *Что-то у меня стрем насчет такого количества водки – не мало ли?* Югановы, 211 + WMN, 88; Елистратов, 453. **4.** *Мол.* Стресс. DL, 138. **5.** *Мол.* Что-л. неприятное, вызывающее отрицательные эмоции. *Конечно, извиняться перед Надей – стрем.* Югановы, 212. ♦ **На стрему́ (на стрёме) [быть, стоять и т.п.].** См. СТРЁМА»[371].

«**СТРЁМА.** *Угол.* **1.** -ы, *ж.* Наблюдение, слежка. СРВС, III, 24, 68. **2.** -ы, *ж.* Наблюдательный пункт, место, откуда ведется наблюдение при совершении преступления. Грачев, 1992, 159. **3.** -ы, *м.* Человек, стоящий на страже. СРВС, I, 76, 149. **4.** -ы, *ж.* Опасность. СРВС, I, 206, II, 84, 131. **5.** неизм., в *знач. межд.* Предупреждение об опасности. СРВС, I, 70, 170, 206, II, 214, III, 68; ТСУЖ, 170; Балдаев, II, 63; ББИ, 236; Мильяненков, 240. **6.** -ы, *ж.* Обыск. СРВС, I, 23. **7.** -ы, *ж. также Мол.* Неприятная ситуация. *Фу, какая стрёма, надо было раньше слинять.* Запись 1999 г. *Вышла стрема – увидали.* СРВС, III, 58. ♦ **На стрёме (на стрему) [быть, стоять, оставить].** *Угол., мол.* 1) В качестве наблюдателя, предупреждающего об опасности. *Не только мы с Погореловым оставили Гречанника «на стреме». Такую же команду он получил и от комитетского капитана Рашилина.* Незнанский, 228 + СРВС, I, 25, 59, 149, II, 150, 167, III, 68, 81, IV, 38, 117, 185; Сн.; ТСУЖ, 27, 170; Б., 145; Быков, 183; Росси, II, 396; Грачев, 1992, 159; WMN, 88. 2) быть бдительным. Елистратов <1994>, 453»[372].

---

371 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – С. 570.

372 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – С. 570–571. В этих словарных статьях использован материал лексикографически непрофессиональных словарей, составленных профессиональными работниками правоохранительных органов, материал которых требует весьма осторожного обращения:

В «Историко-этимологическом словаре воровского жаргона» М.А. Грачев и В.М. Мокиенко отмечают употребление слова *стрем* и *стрема* «как в воровском арго, так и в художественной литературе – как начала [XX] века, так и современной» [373]. Однако рассмотренные выше примеры позволяют говорить о традиции использования слова *стрёма* как жаргонизма в русской литературе по крайней мере с 1840-х гг. Нельзя не согласиться с авторами, говорящими «об активности слова *стрем*» в современных жаргонах, вместе с тем необходимо добавить, что вариант *стрёма* (ж. р.) фиксируется ранее варианта *стрём* и последний исторически возникает на базе выражения *на стрёме* как альтернативная начальная форма м. р. по причине совпадения форм предложного (местного) падежа в обоих родах. Так что для историко-этимологического словаря выбранный авторами заголовок словарной статьи «СТРЕМ (СТРЕМА)» представляется вдвойне неудачным. Не исключено, что новая форма *стрём* могла возникнуть в результате редеривации (обратного словообразования) из прилагательного *стрёмный*.

Наряду с новым вариантом *стрём* следует отметить еще более свежее народно-этимологическое преображение слова *стрёма* в виде *стре́мя* (‘1. Пост наблюдения’; ‘2. Сигнал опасности’[374], для которого имеется и литературный пример «*Носорог и Гадкий Утенок – на стремя!*» (*Суворов В.* Аквариум. – Гл. IV, 6), на основе которого В.П. Коровушкин фиксирует в военном жаргоне выражение *на стре́мя* ‘в боевое охранение’[375].

Вероятно, прямо или опосредованно из этих источников сигнал опасности *стре́мя* в ошибочном виде *стро́мя* проник в статью Е.Г. Тонковой «Междометия в русском арго» в качестве якобы арготического междометия: «Воровской промысел весьма специфичен по своей сути, поэтому в арго существует большое количество междометий, являющихся сигналами опасности, тревоги: *алты́, ата́с, ва́ссер, вассо́р, вы́пул, гарь, гори́т, горячо́, два́дцать шесть, два с бо́ку, два три́дцать во́семь, два шестна́дцать, дождь, е́нги́н, жара́, за ше́сть, зек, зекс, зола́, казаки́, кана́й, клин, конто́ра, ло́ха,*

Д.С. Балдаева, И.П. Вориводы; Л.А. Мильяненкова; Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова и др.; а также словарей, опирающихся на материал, в значительной мере некритически собранный опрометчивыми энтузиастами: Ф.И. Рожанского; В.С. Елистратова; И. Юганова и Ф. Югановой; Л. Дворжака; Х. Вальтера и В. Мокиенко.

373 *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. – С. 157.

374 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – С. 570.

375 *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона. – С. 184.

лю́стра, менты́ на ли́нии, мо́кро, па́лево, пе́чка, пи́ка, пожа́р, рейс, снег, то́чка, фа́ра, шары́, це́зарь, шу́ба, малк, плиту́й, пуль, ро́па, ро́у, се́ка, семён, стрёма, стро́мя, сыпь, хинш, цинк, чай, шеста́я, шесть, шу́хер, яб»[376].

Описания старого слова *стрёма* и нового *стрём* в современных словарях и особенно словарях жаргонов не всегда можно признать удачными. Так, у В.С. Елистратова, который дал описания как слова *стрёма*, так и слова *стрём,* между ними наблюдается ряд противоречий. В его лингвоэнциклопедическом <?> словаре «Язык старой Москвы» представлено только сугубо ситуативное контекстное толкование И.Т. Кокорева, рассмотренное выше, в бездумной контаминации с формулировками словарей В.И. Даля и Д.Н. Ушакова, что нечетко отражает все богатство семантики употреблений этого слова, представленного и у других авторов XIX в.:

«**Стрёма.** Неудача.

Из языка московского дна; И. Кокорев. Общеворовское. Корень стал популярным в современном языке: “стремать”, “стремщик”, “застрематься” и т.п. У В. Даля: “московское и владимирское, прыткий, проворный, бойкий, расторопный; отсюда крик мазуриков и жуликов друг на друга: Стрема! берегись, есть опасность”»[377].

По причине неудачно сокращенного цитирования В.И. Даля складывается впечатление, что «прыткий, проворный, бойкий, расторопный» – это толкование слова *стрёма*, хотя это толкование относится к прилагательным *стрёмный, стрёмкий, стрёмый*, о которых в словарной статье «Языка старой Москвы» не упомянуто. В результате складывается впечатление, что мазурики кричали на жуликов и наоборот, обвиняя друг друга в проворстве <?>, что и было источником опасности <?>. Мысль В.И. Даля об отадъективной производности окрика *стрёма!* осталась скрытой от читателя, а направление производности в историческом плане – развернутым на 180°.

Новое слово *стрём* описано тем же В.С. Елистратовым в двух словарях арго с незначительными различиями, вызванными вряд ли оправданным слиянием двух словарных статей из «Словаря московского арго» в «Словаре

---

376 *Тонкова Е.Г.* Междометия в русском арго // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М., 2006. – С. 380.

377 *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Ок. 4 000 единиц. – М., 1997. – С. 498.

русского арго» и нарушением лексикографической орфографии по части игнорирования буквы *ё* (добавления второго издания подчеркнуты):

«**СТРЁМ**, -а, *м*, **СТРЁМКИ**, стрёмок, *мн.* Страх, тревога, беспокойство; бдительность, готовность к чему-л. *Я на стрёмках с самого утра.* ◊ **Быть** (или **стоять**) **на стреме** – караулить, сторожить, быть бдительным.

Уг. “стрём” – следи, смотри, высматривай, сторож, “стрёма” – то же, что “стрём”, а также опасность, “стрёмить” – стоять на страже при совершении преступления, “стремь” – опасность, “стремно” – боязно, опасно и т.п.»[378].

Здесь смешаны семантика старого слова *стрёма* (в выражении *быть на стрёме*) и нового *стрём*, а вопрос о дифференциации московского и русского арго на основании этого описания ставить, вероятно, невозможно, однако упоминание толкования И.Т. Кокорева ‘неудача’ и этимологии В. Даля были, безусловно, нелишними в словарной статье 2000 г., чтобы хотя бы вспомнить версию, выдвинутую в 1997 г. Поскольку слово *стрём* описано вне связи со старомосковским *стрёма,* создается впечатление, что вместо *стрёма* стало употребляться *стрём*, но, собственно говоря, истории у последнего варианта еще не было, хотя он известен в сбивчивой форме с 1971 г. у И.П. Вориводы и в более четкой фиксации в материалах к словарю сленга хиппи: «СТРЁМ [S<in>g<ularis>. t<antum>.?] (нач. <19>70<-х гг.>) – опасность, боязнь неприятной ситуации»[379].

Трудно на основании «Инверсионного индекса к словарю русских народных говоров» судить, насколько правомерно включение в этот «Индекс…» диалектных слов *стрёма, стрёмный, стрёмщик*[380].

Слово *стрёма* так и не вошло в состав лексики не только литературного языка, но даже и просторечия, но из его производных было извлечено новое слово *стрём*, также оставшееся за пределами литературного языка. Характерно, что у В.И. Даля *стрёма* зафиксировано только в качестве сигнала опасности в речи мошенников, а в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (1940) у него фиксируется уже и фразеологическое употребление в составе выражений *на стрёме, на стрёму*, которое потом выходит на первый

---

[378] *Елистратов В.С.* Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. – М., 2000. – С. 451; *Елистратов В.С.* Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг.: Около 8 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. – М., 1994. – С. 454.

[379] *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: материалы к словарю. – С. 47.

[380] Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Сост. Ф.П. Сороколетов, Р.П. Одеков. – СПб., 2000. – С. 73.

план, а междометное употребление уходит в фразеологию, как в большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» (1963), и потом даже почти выходит из жизни, хотя и фиксируется тоже академическим «Большим толковым словарем русского языка» (1998), где старая едва ли верная стилистическая помета о принадлежности слова *стрёма* к просторечию заменяется более точным указанием на его жаргонный характер.

Во второе издание «Русского орфографического словаря» в дополнение к слову «**стрёма: на стрёме, на стрёму**»[381] включено: «**стрёмность**, -и»; «**стрёмный** (*жарг.*)»[382]. При этом, судя по помете, жаргонность прилагательного *стрёмный*, производного от (не имеющего пометы *жарг.*) исходного *стрёма*, странным образом никак не передается отадъективному существительному *стрёмность*. Впрочем, последнее существительное абстрактного характера само по себе представляется весьма подозрительным для жаргонизированной речи и выглядит как плод словотворчества орфографических лексикографов и редакторов в составе: О.Е. Иванова, В.В. Лопатин (отв. ред.), И.В. Нечаева, Л.К. Чельцова.

О постороннем для литературного языка XX в. характере слова *стрёма* говорят кавычки, в которые заключается это слово в художественных текстах, как об этом, например, свидетельствует попавшая в «Словарь современного русского литературного языка» [ССРЛЯ-XIV: 1036] цитата из книги В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» (1926 г.; по изданию 1955 г.): «Мальчишки<,> кроме того<,> стояли “на стреме”, когда взрослые воровали <…>»[383]. Такое же выделение фигурирует и в цитате словаря В.Б. Быкова «Русская феня»: «СТРЁМА, -ы, *ж*. Караул, стража. = Доход от карточной игры получает владелец колоды карт, получающий процент с выигрыша, и арестанты, становящиеся на “стрёму”, т.е. на стражу, чтобы вовремя предупредить игроков о приближении надзирателя (Столица, 1991, 5)»[384]. Во взятой по перепечатке[385] цитате из книги М.Н. Гернета[386] слово «*стр<u>е</u>ма*» <sic!> к тому же глоссируется в тексте.

---

381 Русский орфографический словарь. – М., 2000. – С. 1044.

382 Русский орфографический словарь. – 2-е изд. – М., 2005. – С. 780.

383 *Гиляровский Вл. А.* Москва и москвичи. – М., 1926. – С. 28.

384 *Быков В.Б.* Русская феня: Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. – Смоленск, 1994. – С. 183.

385 *Гернет М.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии // Столица. – 1991. – № 5. 2–14. – С. 60.

Возникнув в результате каких-то недоразумений, призрачные слова и призрачные значения, даже будучи разоблаченными, продолжают порой долго жить в лексикографии и литературе. Яркий пример подобной ошибки, которая уже живет, распространяясь на стадии эмбриона, является ложное толкование слова *стрёма* как ‘дворник’. Представляется весьма показательным, что это ошибочное толкование слова *стрёма* из Проекта еще не написанного «Словаря русского языка XIX в.» уже проникает в доверчивые издания. Например, оно попало в словарь слов с буквой *ё* в книге писателя В.Т. Чумакова, борющегося за признание буквы *ё* обязательной, где читаем восходящее, по-видимому, к проекту «Словаря русского языка XIX в.» сомнительное «**стрёма** (дворник)» [387]. Это следствие источниковедческой беспечности составителей словарей, которые не всегда заботятся о филологической достоверности фиксируемого слова, что проявляется обычно в отсутствии точной паспортизации материала – указания на эксцерпированный источник. Но и такое положение не спасает призрачные слова от их последующих разоблачений[388].

В черновых материалах по истории слова *антик*, которые неудачно были изданы в собрании лексикологического наследия В.В. Виноградова «История слов» (М., 1994. – С. 39–41) под редакцией Н.Ю. Шведовой и дезориентирующим названием статьи, имеется итоговое высказывание: «На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XIX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно» [389], что отражает лишь конкретный опыт исследования термина *антик* и не может служить в качестве общего указания[390], но более внимательное отношение к словарям исторического жанра необходимо проявлять даже на стадии их составления. Лексикографическая работа должна строиться на гибком сочетании традиции с критическим

386 *Гернет М.Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. – М., 1925. – С. 55; *Гернет М.Н.* В тюрьме: Очерки тюремной психологии. – Харьков, 1930. – С. 74.

387 *Чумаков В.Т.* Вместо ***ё*** печатать ***е*** – ошибка! – М., 2005. – С. 290.

388 *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* Трудности лексикографической трактовки жаргонного слова // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М., 2006. – С. 218–224.

389 *Виноградов В.В.* История слов. – М., 1994. – С. 41. Ср.: *Добродомов И.Г.* История слова по лексикографическим данным и труды В.В. Виноградова по русской исторической лексикологии // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – М., 1999. – С. 21–34.

390 *Добродомов И.Г.* Филологическая достоверность лексикографических данных: (О Филонах и филонах) // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2004. – № 1. – С. 25–32.

преодолением этой традиции при опоре на новые данные источников; несоблюдение этого условия может приводить к сохранению в словарях застарелых ошибок описания, все более явно противоречащих стихии живой и постоянно развивающейся речи.

Представляется, что предлагаемый проект исторического «Словаря русского языка XIX века» по своему характеру будет лишь материалами[391] для такого словаря, в которых только пунктирно будут намечены пути исторического развития слова и требовать от которых большего едва ли возможно. Даже такое скромное, но трудное слово, как *стрёма*, которое все-таки так и не стало фактом русского литературного языка, представляет большие трудности для его исторической трактовки в форме словарной статьи исторического словаря.

Составителям исторического словаря постоянно следует помнить о подстерегающих лексикографов ловушках неправильного понимания на первый взгляд кажущихся простыми старых слов и об ожидаемых строгостях оценки их будущего труда со стороны потенциальных въедливых читателей и – особенно – дотошных рецензентов, поэтому нелишним будет напомнить им про первоначальное значение сигнала о разного рода опасностях: *стрёма!*

[391] В проекте эти материалы лукаво именуются как «новый тип словаря (дифференциальный, включающий только лексику, претерпевшую изменения на протяжении XIX века, содержащий историко-культурные комментарии)» (Словарь русского языка XIX века: Проект. – С. 6).

Глава 5
ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

К этимологии топонима *Саратов*[392]

Среди разных топонимических истолкований именования города Саратов даже наиболее распространенное объяснение названия из тюрк. *Сарытау* – «желтая гора» (сары – «желтая», тау – «гора»), представленное как единственное в «Школьном топонимическом словаре» Е.М. Поспелова [393], будучи весьма простым как в лингвистическом отношении, так и в историческом объяснении, нуждается в прояснении остающихся загадками двух вопросов, прежде всего, лингвистического характера.

1) Почему вместо обычного для слов тюркского происхождения ударения на конечном слоге в названии *Сарáтов* мы имеем ударение на предпоследнем;

2) Почему в ударном слоге произошло весьма загадочное и не имеющее удовлетворительного объяснения изменение *ы* → *а*?

Отсутствие убедительных ответов на эти важные для этимологии топонима вопросы заставляет отказаться от распространенного в литературе ущербного объяснения истоков названия *Саратов* – как *Сарытау* «желтая гора» и начать поиски новой этимологии.

Надежность этимологических построений должна обеспечиваться путем обнаружения вхождений в этимологический контекст (синтагматика), обеспечением изученности окрестной топонимии с выделением в ней разных хронолого-этнических напластований, в одно из которых должен органически входить исследуемый топоним. Однако топонимия Нижнего Поволжья с его сложной этнической историей пока изучена недостаточно и хронолого-этнические пласты ее пока не выявлены даже предварительно.

Не менее важным моментом обеспечения надежности этимологического решения следует признать обнаружение типологических параллелей к анализируемому топониму (парадигматика), особенно в том языковом ареале, с которым увязывается этот топоним. Общая теория топонимических

---

[392] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* К этимологии топонима *Саратов* // Проблемы филологии народов Поволжья: Межвуз. сб. науч. ст. – Вып. 1. – М.; Ярославль, 2007. – С. 15–17.

[393] *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. – М., 1988. – С. 167.

разысканий сделала довольно много для классификации типов топонимов, но применительно к типологии тюркской топонимии сделаны лишь первые шаги в содержательной книге географа Э.М. Мурзаева[394] «Тюркские географические названия».

Еще одним важным условием надежности этимологизации топонима следует признать его увязывание с географическим положением относительно ориентиров, по которым дается название, и привязку к определенному хронологическому отрезку истории, когда связанному с анализируемым топонимом объекту давалось название.

Хотя далеко не все условия для надежности этимологического решения сейчас наличествуют, можно в качестве предварительного решения дать обоснования для этимологии, которая в несколько сбивчивой форме уже высказывалась [395], но не была доведена до конца, не преодолев два фонетических затруднения, о которых шла речь в начале данной статьи.

Согласно этой принимаемой здесь этимологии, топоним *Саратов* объясняется как тюркское сложное слово. Его первым компонентом выступает цветовое прилагательное *сары* «желтый», которое часто в составе географических и личных имен выступает в переносных значениях[396]. Таким значением у слова *сары* может быть «красивый, замечательный»[397].

Вторым компонентом сложного топонимического слова *Саратов* выступало не тюркское слово *тау* «гора», а совсем другое тюркское же слово *атау* «остров»[398], которое сливалось с прилагательным *сары* «желтый» в единое слово с поглощением конечного гласного этого прилагательного и образованием при этом долгого гласного в середине слитного слова *Сарáтов*. А долгий гласный русскими воспринимался как ударный: отсюда ударный гласный в центре топонима *Саратов*.

Преобразование конечного тюркского *-ау* в русское *-ов* имеет много аналогий. Назовем изменение тюркского *Азау* в *Азов* (город в устье Дона) или

---

394 *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. – М., 1996.

395 См., например: *Осипов В.Л.* Очерки по истории Саратовского края: Конец XVI и XVII вв. – Саратов, 1976. – С. 26.

396 *Laude-Cirtautas J.* Der Gebrauch der Farbbezeichnunger in der Türkdialekten. – Wiesbaden, 1961. – § 51–54; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 2001. – С. 601–602, 681–682.

397 Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские лексические основы на буквы Л. М. И. П. С. – М., 2003. – С. 207.

398 Запутанные этимологические связи тюрко-кыпчакского географического термина *атау* не выяснены. См.: *Әхмәтьянов Р.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан, 2001. – 22 б.

преобразование старого названия Урала *Аралтау в Аралтова гора* в «Книге Большому чертежу». Татарская диалектная форма *Җылан тау* (лит. *Елан*) «Змеиная гора» сохранена в названии *Зилантова-Успенского монастыря* при реке Казанке.

Название городу *Саратов* дал остров как весьма заметный ориентир на местности вблизи левого берега Волги, где был расположен первоначальный Саратов. Впрочем, возможно, что первоначально Саратов был построен на этом острове, о чем говорит упоминание *Саратова на острову*, которым в 1590 г. «заведовал воевода князь Григорий Осипович Засекин»[399].

Предложенные здесь уточнения к этимологии названия *Саратов* как *Сары-атау* заставляют отказаться от весьма распространенной этимологии *Сары-тау* «желтая гора» и от отожествления последней с Соколовой горой совсем не желтого цвета на правом берегу Волги. Этим опровергается миф о кочевании города Саратова с правого берега на левый и потом обратно[400].

[399] *Хованский Н.Ф.* О прошлом города Саратова. – Саратов, 1891. – С. 5–6.

[400] См. об этом подробней: *Студенцов Н.Н.* Две загадки Саратова. – Саратов, 1989.

О лексической неуловимости архаизаций и инноваций в XIX в.[401]

Планируемый исторический «Словарь русского языка XIX века» восполнит вопиющую недостаточность большого академического «Словаря современного русского литературного языка», где редкие слова русского языка не находили отражения, хотя они и были представлены в Большой словарной картотеке Института лингвистических исследований РАН. Похвальное издание «Редкие слова» продемонстрировало те с трудом преодолимые трудности, с которыми не всегда удается справляться лексикографам и комментаторам текстов, как это имело место с загадочным словом *супир*, полдесятка карточек с примерами употребления которого имелось в Большой словарной картотеке, но которые оказались недостаточными для правильного суждения о семантике этого трудного слова[402].

Полезно помнить об опасности поспешного априорного подхода к проблеме отбора материала для словаря и о настоятельной необходимости его предварительной лексикологической обработки, о чем убедительно говорил в свое время В.В. Виноградов: «Не только при создании исторических словарей того или иного языка, но и при составлении словарей-справочников применительно к ограниченным периодам развития языка необходимы предварительные разыскания по истории слов, по их конкретно-исторической семантике и по их историко-этимологическим судьбам и связям»[403].

Особенностью рассматриваемого ниже материала является то, что в нем предпринята попытка проанализировать не сделанную, но уже запланированную ошибку и предотвратить ее в будущем «Словаре русского языка XIX века», где в проспекте встречаются резко противоречащие друг другу утверждения относительно предполагаемого включения иноязычной по происхождению лексики. Так, здесь в разделе о словнике (гл. I, § 5), с одной стороны, декларируется: «В Словаре найдут отражение иноязычные слова, употребляемые

---

[401] Первая публикация: *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* О лексикологической неуловимости архаизаций и инноваций в XIX в. // Труды Института лингвистических исследований РАН. Acta Linguistica Petropolitana. – 2008. – Т. IV. – Ч. 3. – СПб., 2008. – С. 94–117.

[402] См. об этом: *Добродомов И.Г.* Из мира лексико-семантических призраков... // Вопросы языкознания. – 2009 (в печати).

[403] *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1. – С. 17; *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 280.

в тексте без перевода, но в русской транскрипции», а с другой стороны, нечто противоположное: «В словник Словаря XIX в. не включаются иноязычные заимствования, не входящие в систему русского языка, не употребляемые в речевом обиходе и занимающие положение “экзотизмов” <...> Не подлежат показу в Словаре иноязычные слова, являющиеся простым эквивалентом русских слов и употребляемые писателями с художественной целью: восточн. **пешкеш** ‘подарок’, **харамзада** ‘жулик, обманщик’, **зильфляры** ‘кудри’ (А.А. Бестужев-Марлинский) и под. Употребление такого рода иноязычной лексики отражает не столько языковые, сколько стилевые особенности русской литературы XIX в., в первую очередь литературы романтического направления»[404].

I

Эти противоречия станут еще более разительными, если учесть, что авторесса этих несогласностей является в то же самое время одной из составительниц сводно-академического «Словаря русских народных говоров», где ей принадлежат две словарные статьи, трактующие первое слово *пешкеш* из списка (едва ли правильно) как два омонима:

«**1. Пешке́ш**, *м*. 1. Подарок. **Астрах**. 1840. **Терск**. *Дедим из городу пешкеш привез*. Кедабск. **Азерб. ССР**. **Арм. ССР**. 2. Взятка. **Астрах.** 1840.

2. Пешке́ш, *нареч*. Даром. *Картошки ныне много, почитай, пешкеш отдаем*. Кедабек. **Азерб. ССР**, 1963» (СРНГ 27, 14)[405].

Слово «**ПЕШКЕ́ШЪ**, а, *с.м*. Подарокъ, иногда вынужденный, взятка. Астрах.» даже попало в «Опыт областного великорусского словаря»[406] и почти сразу в списке между *перечатъ* и *плавъ* получило этимологию: «Пашке́шъ.

---

404 Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002. – С. 22, 24.

405 Надо сказать, что выделение в особый омоним «наречия» *пешкеш* ‘даром’ явно ошибочно и основано на неправильном объединении в одно предложение диалектных высказываний: *Картошки ныне много. Почитай, пешкеш отдаем*, т.е. *Считай, что подарок отдаем*.

406 Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852. – С. 157. Следует вспомнить, что сведения об астраханских словах в «Опыте областного великорусского слова» восходят к материалам бывшего в 1837–1841 гг. капитаном «над портом» Астрахани П.Ф. Кузмищева, которые хранятся в Петербурге в Архиве Академии наук (фонд 216, оп. 4, № 11, 12, 13) и были опубликованы под названием «Собрание местных слов, имеющих особое значение и употребляемых в Астраханской губернии и на Каспийском поморье» в 1841 г. в «Астраханских губернских ведомостях» (*Кузмищев П.Ф.* Собрание местных слов, имеющих особое значение и употребляемых в Астраханской губернии и на Каспийском поморье // Астраханские губернские ведомости. – 1841. – № 2. Часть неоф. – С. 5–7; № 3. – С. 10–12; № 4. – С. 14–16; № 6. – С. 22–24; № 8. – С. 31–33; № 12. – С. 52–53; № 13. – С. 55–57; № 14. – С. 59–61; № 16. – С. 71–73. Перепечатано в прибавлениях к «Московским ведомостям». 1841. – № 12. – С. 136–139; № 13. – С. 151–152; 1842. – № 21. – С. 456–468). П.Ф. Кузмищев был одним из активнейших корреспондентов В.И. Даля (*Савва В.И.* П.Ф. Кузьмищев, корреспондент В.И. Даля. – Киев, 1908).

Персидск. пишкàшъ – подарокъ»[407], которую подтвердил В.И. Даль и которая проникла в большой сводный труд Ф. Миклошича о тюркизмах в языках Юго-Восточной и Восточной Европы вместе с опечаткой *пашкéшъ*, исправленной Ф.Е. Коршем в рецензии на труд Ф. Миклошича[408].

Есть в сводном «Словаре русских народных говоров» и отсылочная статья, правда, принадлежащая другой составительнице: «**Пишкéш**. См. Пешкеш» (СРНГ 27, 60), однако ни под *пешкеш*[1], ни под *пешкеш*[2], как видим, нет никаких сведений о форме *пишкеш*.

Впрочем, относительно диалектной лексики проект не очень исторического «Словаря русского языка XIX века» занимает весьма смутно-категорическую позицию: «Описание данного разряда лексики не входит в непосредственные задачи Словаря XIX в.[409] Однако <?> одной из характерных для XIX в. тенденций было пополнение словарного состава русского литературного языка за счет “вчерашних” диалектизмов. Катализирующую роль в этом процессе играла литература, делавшая диалектные слова привычными для человека, владевшего литературной нормой»[410].

Осложнит восприятие диалектной лексики ее предполагаемая изолированная подача: «Отсылка *ср*. при указании на семантически близкие слова в Словаре XIX в. не применяется. Лексикографическая практика убеждает, что в больших словарях ее последовательное использование невозможно (см., например, “Словарь русского языка XVIII в.”, “Словарь русских народных говоров”). Она пригодна лишь для словарей небольшого объема (однотомных), позволяющих выверить текст полностью»[411].

В.И. Даль не побоялся этой трудности и дал слову *пешкеш*/*пишкеш* толкование с помощью синонимов: «**ПЕ(И)ШКÉШЪ** м. *орнб*. *астрх*. персд.

---

[407] *Петров Н.Я.* Список некоторых великорусских слов, сродных или сходных с восточными // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. VI // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. – СПб., 1852. – Т. I. Труды. – Стб. 81–91. = Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики. – Вып. I–III. – СПб., 1854. – Стб. 89.

[408] *Korsch Th.* Rez.: Fr. Miklosich. Die türkische Elemente in den südost- und osteuropäischen Sprachen… – Wien, 1884 // Archiv für slavische Philologie. – B. IX. – № 4. – Berlin, 1886. – S. 662.

[409] «Это компетенция издаваемого в настоящее время фундаментального академического “Словаря русских народных говоров”, охватывающего материал XIX–XX вв.» (прим. проектёров).

[410] Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002. – С. 31–32.

[411] *Там же*. – С. 114. Недостатки указанных здесь словарей нельзя возводить в достойный подражания принцип: отказ от требующих бóльших усилий перекрестных ссылок является сознательной направленностью на ухудшение словаря, сознательным противодействием попыткам сделать этот словарь более информативным.

гостинецъ, подарокъ, приносъ, подачка, поклонъ; взятка, поборы, срывъ» (Даль$_1$ III, 98; Даль$_2$ III, 110).

К этому И.А. Бодуэн де Куртенэ в третьем издании словаря В.И. Даля добавил в квадратных скобках указания [тюрк.] и [Ср. бакшишъ]: «**Пе(и)шке́шъ** м. [тюрк.] персд. *орнб. астрх.* гостинецъ, подарокъ, приносъ, подачка, поклонъ; взятка, поборы, срывъ. [ср. *бакшишъ*]» (Даль$_3$ III, 271, 293). И.А. Бодуэн де Куртенэ также не испугался трудностей показа связей между фонетически и семантически сходными словами, чего чрезвычайно боятся проектеры Словаря XIX в. со ссылкой на плохие прецеденты как на образцы для себя.

Однако указание И.А. Бодуэна де Куртенэ на тюркские языки явно безосновательно, поскольку ни один из тюркских языков астраханского или оренбургского региона (казахский, ногайский, татарский и башкирский) слова *пешкеш* или его модификаций, кажется, не знают (по данным словарей этих языков). В связи с этим М. Фасмер вынужден был прибегать к весьма далекому турецкому языку: «**пешке́ш**, **пишке́ш** “подарок”, “взятка”, астрах., сиб.[412] (Даль). Через тюрк. (тур. päškäš “подарок”) или непосредственно из перс. pīškāš – то же» (Фасмер III, 257).

Кроме турецкого *peşkeş* ‘подарок, подношение’, широко распространившегося в балканских языках, это слово на тюркской почве известно в узбекском (*пешкаш*), азербайджанском (*пешкэш*) и кумыкском (*пешкеш* редко), которые далеки от Оренбурга и Астрахани.

Астрахань и Оренбург были крупными центрами торговли с Персией, поэтому в этимологическом отношении был прав В.И. Даль, который эти торговые связи мог лично наблюдать в Оренбурге и связал местное слово *пешкеш* прямо с персидским языком. В связи с этим русское уже сейчас устаревшее слово *пешкеш* вслед за В.И. Далем приходится возводить к персидскому *пе:шкеш* «پیشکش (е) первые плоды; лучшій подарокъ (высшимъ сановникамъ и принцамъ); дань[413], которое в персидском языке имеет близкое по звучанию и значению, но другое слово *бахшиш* «بخشش ж. даръ, подарокъ, пожалованье, вознаграждѣніе, Рыбы (знак зодиака) и *бахши*:*ш*

[412] Помета «сиб.» напечатано вм. «орнб.» у Даля?

[413] Ср. этимологию в книге: *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969. – S. 384 b: «ce que est tiré (*kaš*) d’abord (*pīš*)».

«بخشيش подарок, даръ; на чай, на водку; подарки къ (рождеству)[414], о котором речь пойдет дальше.

Хотя слово *пешкеш* не попало в не вполне законченный (вполне не законченный) словарь-справочник «Редкие слова в произведениях русских авторов XIX века» под не вполне ответственной редакцией Р.П. Рогожниковой[415], оно безусловно может быть отнесено к редким для русской литературы XIX в., но тем не менее спорадически употребляемым словам.

А.А. Бестужев-Марлинский в повести «Аммалат-Бек» (1832) использовал его как ориентальный экзотизм, выделенный *курсивом* (с пояснением в скобках) и отражающий местные особенности взаимоотношений с более высокопоставленной особой: «Гарамъ ханскій всегда полонъ гостями и нерѣдко просителями, которые, по Азіатскому обычаю, не смѣютъ показать глазъ безъ *пешкеша* (подарка), хотя бы то былъ пятокъ яицъ»[416].

Причем слово встречается не только у автора романтического направления А.А. Бестужева-Марлинского, но и у писателя натуральной школы В.И. Даля[417], в произведениях которого охотно используются восточные названия подарков, подношений, взяток, что уже было отмечено в литературе: *кунак аш* (VII, 242) ‘гостинец для приятеля’, *пишкеш* (VII, 261) ‘взятка-подарок’, *буйляк* (VII, 261) ‘преподношение’, *тарту* (VII, 354) ‘гостинец’[418]. В его повести «Бикей и Мауляна» находим в рассказе о судебных разбирательствах у кайсак-киргизов (т.е. казахов) выделенное курсивом слово *пешкеш* рядом с близким по значению тюркским словом *буйляк* (тат., башк. *бүләк* и пр.): «Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда

---

414 *Ягелло И.Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910. – С. 352, 218.

415 Редкие слова в произведениях авторов XIX в.: Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова; Сост. Р.П. Рогожникова, К.А. Логинова, С.А. Пономаренко и др. – М., 1997.

416 *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек. Кавказская быль // А.А. Бестужев-Марлинский. Русские повести и рассказы. – Ч. 5. – СПб., 1832. – С. 64.

417 *Даль В.И.* Полное собрание сочинений. – Т. VII. – СПб., 1898. – С. 233–327. В скобках далее дано указание на том и страницу.

418 *Емельченко И.Р.* В.И. Даль и восточные языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. – М., 1974. – С. 175. См. о тюркских названиях подарков и т.п.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М., 1997. – С. 348–353. Отсутствующее в наших словарях слово *тарту* встречается в загадочной форме *тартун* в V главе «Современной идиллии» (1877) М.Е. Салтыкова-Щедрина в стилизации среднеазиатской речи: «...за все то ваше одолжение и причиненную нам радость жалуем вам тартун (приношение): один глиняный кувшин воды и балык весом двадцать фунтов. Ах, отменна балык!» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М., 1988. – С. 69–70).

справедливъ или безкорыстенъ: я самъ былъ свидѣтелемъ противнаго. Правая сторона, чтобы остаться правою, необходимо должна задарить султана; иначе лѣвая будетъ правой. Но Кайсаки на это жалуются тогда только, если уже корысть судьи превосходитъ достояніе просителя; умѣренныя взятки считаются дѣломъ позволительнымъ, и даже необходимымъ: это обычный *пешкешъ* или *буйлякъ*»[419].

Генерал Н.С. Гонецкий после некоторого времени пребывания на Кавказе в письме жене от 13 октября 1854 г. также щегольнул этим словом: «Посылаю, мой друг Юлия, при этом письме 3500 руб. сер.<ебром>, маленький пешкеш»[420]. Оно поясняется публикатором: «Пешкеш (*персидск.*) – подарок, подношение».

Л.Н. Толстой в повести «Казаки» (1862) вкладывает это слово в уста местного казака: «– Ну, такъ вотъ я вамъ *пешкешъ* привезъ, – и Лукашка распоясался и снялъ одинъ изъ двухъ кинжаловъ, которые висѣли у него на ремнѣ. – За рѣкой досталъ»[421].

Уже в 1900-е годы, работая над повестью «Хаджи-Мурат», Л.Н. Толстой включает это слово в своеобразную, лишенную словоизменения русскую речь главного героя: «– Кунакъ Воронцовъ пешкешъ, – сказалъ онъ <о подаренных часах>, улыбаясь»[422].

Известно это слово и Ф.Ф. Торнау, опубликовавшему свои кавказские воспоминания о событиях 1844 г.: «Генералъ Раевскій, командовавшій въ то время черноморскою береговою линіей, усиливаясь объяснить имъ право, по которому Россія требовала отъ нихъ повиновенія, сказалъ однажды шапсугскимъ старшинамъ, пріѣхавшимъ спросить его, по какому поводу идетъ онъ на нихъ войной: “Султанъ отдалъ васъ въ пешъ-кешъ, – подарилъ васъ русскому царю”. “А! теперь понимаю,” отвечалъ Шапсугъ и показалъ ему

---

419 *Даль В.И.* Бикей и Мауляна // Библиотека для чтения. – СПб., 1836. – № 6. – Отд. 1. – С. 197. В посмертном «Полном собрании сочинений» В.И. Даля 1898 г. первые два предложения цитированного здесь фрагмента заменены одним, где не очень понятное для потенциального читателя слово *пишкешъ* специально поясняется: «Не скажу, впрочемъ, чтобы приговоръ этотъ былъ всегда справедливъ или безкорыстенъ; пишкешъ, то есть почетные подарки и гостинцы, у азіатцевъ во всеобщемъ употребленіи, и дѣло рѣдко безъ этого обойдется» (*Даль В.И.* Полное собрание сочинений. – Т. VII. – СПб., 1898. – С. 261).

420 Письма генерала Н.С. Гонецкого с Кавказа (1854 г.) // Звезда. – СПб., 2003. – № 8. – С. 196.

421 *Толстой Л.Н.* Казаки // Русский вестник. – Т. 43 (на тит. л. ошибочно: 44-й). – М., 1863. – С. 107.

422 *Толстой Л.Н.* Хаджи-Мурат. – М., 1912. – С. 67.

птичку, сидѣвшую на ближайшемъ деревѣ. “Генералъ, дарю тебе эту птичку, возьми ее!” Этимъ кончились переговоры»[423].

В.И. Немирович-Данченко также использует это слово как экзотизм, понятный русским участникам балканской кампании 1877–1878 гг. и усвоенный ими: «Миръ-алай (майоръ) всколыхнулся немножко, сталъ сосать свою трубку и съ недоумѣніемъ поглядывать на меня. – Можете вы ему дать какой-нибудь пешкешъ <за свидание с русскими пленными>? – спросилъ у меня крымскій татаринъ»[424].

Различными путями слово *пешкеш* проникает и в тексты XX в. В книге полковника Кубанского казачьего войска Ф.И. Елисеева, где речь идет о событиях 1914–1917 гг. на Кавказском фронте Первой мировой войны, это слово входит в интернациональный лексикон военных: «Мансур-бек <курдский командир, сдавшийся со своими людьми русским>, выслушав переводчика, быстро подошел ко мне, хлопнул по плечу и решительно сказал: – Йок!.. Пешкеш! (то есть нет!, подарок)» [425] . Эта ситуация была неприятна Ф.И. Елисееву, который невольно получил скакуна в подарок, хотя приличнее было его купить у поверженного противника.

Внятно суть обычая с *пешкешами* объясняет Е.П. Лачинова (1813–1896) в романе «Проделки на Кавказе»: «Это ему очень нравилось <то, что у разбойника под наружным сукном шапки находилась защита из кольчуги>; но онъ отдалъ шапку не смѣя ее похвалить, чтобы не получить въ *пешкешъ* (подарокъ) и потомъ не быть обязаннымъ отдать въ свою очередь разбойнику все, что̀ послѣ ему вздумается похвалить, начиная отъ лошади Пшемафа <корнет-кабардинец> до бешмета»[426].

Как экзотизм литературного происхождения оно фигурирует в повести Ю.Н. Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1929): «Слуги внизу тащили за каждым <из свадебных гостей> по огромному мешку пешкешей»[427].

---

423 *Т<орнау Ф.Ф.>* Воспоминания кавказского офицера. – Ч. 1. – М., 1864. – С. 6; *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания кавказского офицера. – М., 2008. – С. 172.

424 *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. – СПб., 1884. – С. 308.

425 *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте (1914–1917). – М., 2001. – С. 106.

426 *Хамар-Дабанов Е. <Лачинова Е.П.>* Проделки на Кавказе. – Ч. 1–2. – СПб., 1844. – С. 178. Аналогичный украинско-ориентальный обычай описан в романе «Пан Халявский» 1840 г. (См.: *Квитка-Основьяненко Г.Ф.* Проза. – М., 1990. – С. 32–46).

427 *Тынянов Ю.Н.* Смерть Вазир-Мухтара (повесть о Грибоедове). – Л., 1929. – С. 413.

П.А. Павленко использует слово *пешкеш* для речевой характеристики местных жителей в своей «Кавказской повести» о Шамиле, написанной «в стол» и изданной только после смерти автора (Новый мир. – 1957. – № 2–4): «Я старшину просила – зла делать не будем. Говорят, делать порох. Порох – ваше спасение. Сурхай был здесь, пешкеш ему тоже сделал»[428].

Как недопереведенное слово *пишкеш* встречается в русских переводах с татского языка в более позднее советское время: «ПЕШКЕШ и ПИШКЕШ (перс.) Подарок, подношение; замаскированная взятка. <...> “Каждый проситель и гость, оказывается, обязан был приносить губернатору **пишкеш** – подарок...” (338, а, 21); “То, что я привез вам вчера, мой директор велел отвезти одному очень нужному ему человеку как **пишкеш**” (338, д, 108)»; «338. Авшалумов Х. а) Под чинарами. Повесть. Перевод с татского. Изд-во “Сов. Россия”, М., 1960. <...> д) Невеста с сюрпризом. Юмористические рассказы. Дагкнигоиздат, Махачкала, 1966. <...>»[429].

II

Дело осложняется тем, что слово *пешкеш/пишкеш* встречается и в формах с начальным озвонченным согласным. Сводно-академический «Словарь русских народных говоров» фиксирует также формы с начальным *б-* [430], отражающим посредство кыпчакских тюркских языков, в которых чуждый им начальный согласный *п-* изменяется в *б-*: «**Бешке́ш**, а, *м*. Взятка, подношение. **Дон**. 1876. <> Выпить на бешке́ш. **Дон**. 1876»; «**Бишке́ш**, а, *м*. Подарок. Моздок. **Терск**., 1900. – Ср. Пешкеш. – Тур. päskaš <sic!> – Подарок» (СРНГ 2, 287, 304)[431].

Любопытно, что изданный сто лет спустя после записи этих слов малый трехтомный «Словарь русских донских говоров» (1975–1976) ни одного из вариантов слова *пешкеш* уже не знает[432], как и однотомный «Большой толковый словарь донского казачества» (2001), созданный на основе трехтомника.

---

428 *Павленко П.А.* Кавказская повесть. – М., 1958. – С. 279.

429 *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975. – С. 116, 193.

430 Это обстоятельство затрудняло М. Фасмера, который дал не очень четкую этимологию: «из тур. päškäš “подарок” <..> или его соответствия в каком-либо тюрк. диалекте» (Фасмер I, 170).

431 Донской материал, вероятно, из: *Попов Е.* Особенности народного говора и областные слова Донского края. – 1876. – № 97. – С. 385–386; № 98. – С. 393–394; № 100. – С. 397–402; терской – из: *Карауло́в М.А.* Говор станиц бывш. Моздокского Терского казачьего войска // Русский филологический вестник. – 1900. – Т. XLIV. – С. 86–115 [словарь].

432 Словарь русских донских говоров. – Т. I–III. – Ростов н/Д, 1975.

Между тем на Кавказе и в соседних регионах было широко известно слово *бешкеш*. В 1869 г. А.П. Боголюбов (1824–1896) писал: «Приехал сюда <в Ялту> Иван Константинович Айвазовский с массой маленьких картиночек, которые имел привычку называть по восточному обычаю “бешкеш”, то есть подарок. Конечно, все принимали это проявление любезности с удовольствием, но когда секретарь Оом понес бешкеш Цесаревичу <будущему Александру III> в виде плохо сделанного его домика, то Его Высочество, посмотрев, сказал: “Ежели бы это было хорошо, так я бы у него с удовольствием купил, но так как это крайне плохо, то подарков вообще не принимаю”».

И далее: «Надо быть пошляком, чтоб сказать, что Айвазовский не талантлив <…> Но углубляясь в их технику и краски, вы ясно видите, что это манерность <...> это в публике нашей да литературе подкупной посредством “бешкеша” называется “гениальностью”»[433].

В той же кавказской традиции сын поэта Ф.Ф. Тютчев (1860–1916) употребляет варианты написания (*бэшкэш/бэшкеш*):

«Только грозная власть Суджинского владѣтельнаго хана Чингизъ-Аги, съ которымъ монастырь, цѣной частыхъ и обильныхъ бэшкэшей, поддерживалъ дружбу, да страхъ передъ близкой православной Россіей сдерживали разнузданныя толпы дикарей, всегда готовыхъ съ огнемъ и мечомъ обрушиться на монастырь, представлявшій для нихъ лакомую и, въ сущности, легкую добычу», – с пояснением в сноске: «Бэшкэшъ – подарокъ, подношеніе, взятка»;

«Курды до послѣдней минуты не вѣрили, чтобы сарбазы рѣшились сжечь Худадара, но я далъ султану хорошій бэшкэшъ, и онъ исполнилъ мое требованіе, хотя, я знаю, Чингизъ-ханъ будетъ недоволенъ: он бы едва-ли разрѣшилъ казнить Худадара»;

« – Чудный у васъ конь! – не удержался Воиновъ, искренно имъ любуясь.

– Бэшкэшъ! – произнесъ Муртузъ и протянулъ Воинову поводъ уздечки» – В сноске пояснение: «Бэшкэшъ – дарю. У персовъ обычай – если кто похвалитъ какую-нибудь его вещь, то владѣлецъ этой вещи обязанъ подарить ее похвалившему»;

« – О, нѣтъ, нѣтъ! – съ живостью перебилъ его ханъ. – Туда мой ѣхать не можно, никакъ не можно!

– Почему это? – удивился немного Рожновскій.

[433] *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника. 1864–1869. – Саратов, 1996. – С. 126–127.

– Пятигорскъ, Кисловодскъ, Сентука, – всѣ мой знаютъ. Армянинъ есть, татаръ есть, персіянинъ есть, – бэшкэшъ приноситъ будетъ, онъ давалъ бэшкэшъ яманъ, а я ему давай бэшкэшъ яхши» – В сноске пояснения: «Яманъ – плохой»; «Яхши – хорошій»;

«Сбѣгая внизъ, художникъ, къ большой своей радости, увидѣлъ издали небольшую глиняную караулку, а подлѣ нея нѣсколько человѣкъ турецкихъ аскеровъ, на покровительство которыхъ онъ могъ вполнѣ разсчитывать, разъ-бы объяснилъ имъ, съ присовокупленіемъ хорошаго бэшкеша, что состоитъ въ русскомъ подданствѣ и подлежитъ отправкѣ въ Россію»[434].

И.В. Сталин, борясь против индивидуальных наградных для покладистых рабочих, использует термин *бешкеш* 29 сентября 1907 г. в статье «Надо бойкотировать совещание» в бакинской большевистской газете «Гудок» (№ 4): «Промысловой массе, первый раз выступающей на сцену, выступающей притом так неуклюже и карикатурно (“бешкеш” и т.д.), мы должны сказать громко и резко (фактически сказать, а не на словах только!), что улучшения в жизни даются не сверху и не путем торговли, а снизу, путем общей борьбы вместе с мастеровыми. <...> в такой момент “**итти на совещание**” – значит не вытравлять, а укреплять в головах массы “бешкешные” предрассудки»[435].

В статье «Что говорят наши забастовки последнего времени?» (Гудок. – № 21. – 2 марта 1908 г.) он опять вернулся к теме *бешкеша*: «Там же, где выставляются наградные, рабочие стараются отодвинуть их в конец своих требований, стыдясь бороться за один только “бешкеш” (Питоев и т.д.). Очевидно, происходит серьезная ломка старых бешкешных предрассудков. “Бешкеш” начинает падать в глазах рабочих»[436].

Примечательно употребление слова *бешкеш* в кавычках и то, что в том же фонетическом варианте слово *бешкеш*, но без кавычек, известно и другому «кавказцу» – пролетарскому поэту В.В. Маяковскому, писавшему в 1919 г.:

«Рыдает кадий:
“Печаль тоска-де!”
И чешет плешь.
“Брось, писарь, перья!

---

434 *Тютчев Ф.Ф.* Беглец (Роман из пограничной жизни). – СПб., 1902. – С. 10, 16, 138, 183–184, 204–205.
435 *Сталин И.В.* Сочинения. – Т. 2. – М., 1952. – С. 84–85.
436 *Там же*. – С. 98.

С кого теперь я

Возьму бешкеш?”».

В примечании содержится пояснение Н.В. Реформатской: «*Бешкеш* – пешкеш (тюркск.) – подарок, взятка»[437].

Таким образом, представляется вполне оправданным будущее включение в Словарь XIX в. этого яркого иранизма, как прямо, так и через тюркское посредство заимствованного в русские народные говоры южных регионов и усвоенного рядом поколений участников кавказских и турецких военных кампаний, а потому и вошедшего не только в романтический набор ориентализмов.

III

Есть основание подозревать, что неправильно прочитанное милицейскими лексикографами слово *бишке́ш* ‘подарок’ скрывается за представленным в «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы)» криминалиста и художника Д.С. Балдаева и журналистов В.К. Белко и И.М. Исупова словом-призраком *бишне́т* ‘кража продуктов питания, оставленных для хранения за окном’[438], где представлены три ошибки.

Первая ошибка (*н* вместо *к*) выясняется из сопоставления с соответствующей словарной статьей в сводном «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной: «**БИШКЕ́Т**, -а, *м, Угол*. Кража продуктов, подвешенных между окнами <...> **Брать на бишкет**. Совершать кражу»[439].

Вторая ошибка (ошибочность толкования) выясняется при обращении к милицейскому же словарю-справочнику О.П. Дубягиной и Г.Ф. Смирнова «Современный русский жаргон уголовного мира», где в косноязычной формулировке дано более точное определение значения: «**БИШКЕТ** – продукты питания, подвешенные между стеклами окон или форточкой»[440].

Находящиеся за пределами квартиры (на улице) продукты как бы представляли для вора подарок-*бишкеш*, в написании которого последняя буква

---

437 *Маяковский В.В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. – Т. 3. – М., 1956. – С. 257, 542; *Он же*. Собр. соч.: В 13 т. – Т. 8. – М., 1978. – С. 6, 287.

438 *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – Одинцово, 1992. – С. 29.

439 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000. – С. 63.

440 *Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. – М., 2001. – С. 35.

-ш была ошибочно воспринята как *-т*, что и послужило первым шагом к дальнейшим ошибкам[441].

Следовательно, отказ от включения в состав исторического «Словаря русского языка XIX века» слова *пешкеш* и его вариаций нужно рассматривать как опрометчивый непродуманный шаг.

IV

Любопытно, что Даль ввел это слово в форме *пишкеш* в толкование в первом издании: «**Бакшишъ, бахчи́шъ** м. татр. гостинце <sic!>[442], пишкешъ, начай, наводку, могарычи, приносъ, срывъ, взятка» (Даль$_1$ I, 36), но затем убрал его (Даль$_2$ I, 41). Вновь соединенные И.А. Бодуэном де Куртенэ в словаре В.И. Даля паронимические синонимы *пешкеш* (*пишкеш*) и *бакшиш* сталкивались и в жизни, как это произошло в «Воспоминаниях» российского геодезиста и востоковеда И.Ф. Бларамберга (1800–1878), изданных по-русски в 1978 г.:

«Приветствуя графа, он бесчисленное число раз уверял его в своей преданности и, поскольку на дворе стоял март и фрукты еще не созрели, преподносил посланнику ягнят, домашнюю птицу или дичь; слуги, приносившие эти подарки, всегда получали щедрое денежное вознаграждение – бакшиш, или по-персидски пешкеш»[443].

Это совмещение и противопоставление разных персидских слов имело место и в немецком оригинале «Воспоминаний» И.Ф. Бларамберга: «<...> die Diener, die das Geschenk brachten, jedesmal ein hübsches Geldgeschenk als Bakschisch, auf persisch Peschkesch erhielten»[444].

Согласно данным «Словаря русского языка XVIII века», помеченное особым символом ◁ со смутным значением то ли нового слова, то ли варианта,

---

441 Еще один призрачный ‘подарок’ возник в трех словарях уголовного жаргона в результате переноса толкуемого синонима в толкование: «**ВЕНЁРА**, -ы, *ж. Угол.* 1. Подарок <...> 2. *Ирон.* Сифилис. Мильяненков, 93; ББИ, 40; Балдаев, I, 58» (*Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000. – С. 63).

442 Стоит обратить внимание на то, что точно такая же ошибка в написании также стоящего первым в толковании слова *гостинец* наблюдается у Ф.-Э.Г. Толля: «**Бакшишъ** (тат.), гостинец, на водку, взятка» [81-I: 201].

443 *Бларамберг И.Ф.* Воспоминания. – М.: Наука, 1978. – С. 110.

444 *Blaramberg J., von.* Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich russischen Generallieutenants Johann von Blaramberg. – 2. Band. – Berlin, 1874. – S. 219.

то ли какой-то формы, слово *бахшиш, бакчиш* изредка[445] встречается в русских текстах XVIII в., причем с пояснениями-глоссами:

«Тако Паши <...> каковыи-либо подарок, от кого чрез слугу его присланный получит, николиже слугу онаго тща, и без подарку [который бахшиш нарицают] отпустит»[446].

«Принужден всегда был давать бакчиш <примеч.: слово сие значит: на питье, и употребляется столь же часто, как у нас простолюдинами: на водку, на калачи>»[447].

На основе этих двух употреблений академический «Словарь русского языка XVIII века» дает несколько сумбурную статью: «◁ **БАКЧИШ** 1773 и **БАХШИШ** 1722, а, *м*. Перс. bahşiş. *Вознаграждение, подарок* (в Турции)»[448], где даты оказались оторванными от употреблений, причем первая дата – 1773 г. – оказалась ошибочной, поскольку соответствующий текст был напечатан в 1790 г. сразу в двух книгах П.А. Левашева («Плен и страдания россиян у турков» и «Поденные записки»), которые различаются лишь разным набором первых шести страниц и посвящены описанию событий, пережитых автором во время Русско-турецкой войны (1768–1774). Автор с 1764 г. находился в качестве поверенного в делах в Константинополе, а в начале войны был взят в плен и, находясь под арестом, передвигался вместе с турецкой армией и вернулся в Россию только летом 1771 г.[449] П.А. Левашев узнал это слово из какого-то турецкого диалекта, где мена *х* —> *к* весьма вероятна, но переход *ш* —> *ч* представляет загадку. Интересно варьирование слова в крымском диалекте караимского языка *бакъшыш*, *бахшыш*, *бахыш* ‘дар, подарок’.

Форма *бахшиш* в сочинении Д. Кантемира, хорошо знавшего восточные языки, точно воспроизводит персидское بخشش *бахшиш* – только к ней и относится этимологическая справка «Словаря русского языка XVIII века».

---

445 Оно отсутствует в «Хронолого-этимологическом словнике иноязычных заимствований» в монографии: *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в.: Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972.

446 *Кантемир Д.* Книга систима или состояние мухаммеданския религии [Переведена с латинского И.И. Ильинским]. – СПб., 1722. – С. 227.

447 *Левашев П.А.* Поденные записки некоторых происшествий во время прошедшей с турками войны от дня объявления оной по 1773 г. – П. Л. – СПб., 1790. – С. 10.

448 Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1. – Л., 1984. – С. 199.

449 *Кочеткова Н.Д.* Левашев Павел Александрович // Русские писатели XVIII века. – Вып. 2. – Л., 1999. – С. 195–196.

Эти редкие для русского языка XVIII–XIX вв. формы в русские словари XIX в., однако, не попали. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля оно зафиксировано в двух формах: «**БАКШИ́ШЪ, бахчи́шъ** м. татр. гостинецъ, начай, наводку, могарычи; приносъ, срывъ, взятка» (Даль$_2$ I, 41).

Через посредство «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, где были частично исправлены этимологические сведения (правильно указан персидский первоисточник, но турецкое посредство оказалось неупомянутым): «**БАКШИ́Ш**, а, м. [перс. bahšiš] (обл.). Подарок, подачка на чай, взятка»[450], слово попало в большой академический «Словарь современного русского литературного языка» лишь всего с одной оправдательной цитатой, со сбивчивой турецко-румынской графической передачей персидского слова, также без упоминания тюркского посредства и сомнительной характеристикой его правильно как устаревшего и ошибочно как областного без указания, однако, на область:

«**БАКШИ́Ш**, а, *м. Устар.* и *обл.* Приношение, взятка чиновнику; подарок. *Многие из пассажиров везут в Константинополь кое-какие русские товары в небольшом количестве и, желая избежать пошлины, суют в руку бакшиш турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароход, после чего он немедленно уезжает*. Гл. Усп. Оч<ерки>. перех. времени. III, 1.

– Даль, Слов.: бакши́ш. Перс. bahşiş – подарок»[451].

С той же сокращенной цитатой, но с обозначением лакуны в ней *бакшиш* фигурирует в малом академическом четырехтомнике:

«**БАКШИ́Ш**, а, *м. Разг.-устар.* Приношение, взятка; подарок. [*Пассажиры*], *желая избежать пошлины, суют в руку бакшиш турецкому таможенному чиновнику, являющемуся на пароход, после чего он немедленно уезжает*. Гл. Усп. Очерки переходного времени. [От перс. bahşiş – подарок]»[452].

Во втором издании этого словаря в иллюстративной цитате зачем-то ликвидировано обозначение лакуны, которое, однако, появилось в переизданиях большого академического словаря: «**БАКШИ́Ш**, а, *м. Устар.* и *разг.* Подарок, взятка (в соврем. употр. обычно в стилизованной речи или

[450] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. – Т. I. – М., 1935. – С. 79.
[451] Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 1. – М.; Л., 1948. – С. 250.
[452] Словарь русского языка. – Т. I. – М.; Л., 1957. – С. 158.

шутливо). *Многие из пассажиров везут в Константинополь кое-какие русские товары в небольшом количестве и, желая избежать пошлины... суют в руку бакшиш турецкому таможенному чиновнику*. Гл. Усп. Оч. перех. времени. – *Удалось мне повернуть дело, – великий визирь хоть завтра подпишет мир... Бакшиш надо дать кое-кому*. А.Н. Толст. Петр I. *Долго шли у нас пререкания с жандармами, наконец тестю удалось как-то уломать их; думаю, что дело не обошлось без бакшиша*. Пантел. Восп.

– С иным напис. и произнош.: бахчи́ш. – Толль, 1863: бакшиш; Даль: бакшиш и бахчи́ш; Даль (2-е изд.): бакши́ш и бахчи́ш; Слов. Акад. 1891: бакши́ш. – От перс. bаχšiš»[453], – которое сохранилось в новом переиздании большого академического словаря; к краткому толкованию было добавлено стилистическое примечание в скобках: (в соврем. употр. обычно в стилизованной речи или шутливо), но исчезло персидское слово в этимологической справке: «От перс.»[454].

Опора всех изданий как большого, так и малого академических словарей на одну и ту же неизвестно откуда взявшуюся цитату из загадочных «Очерков переходного времени» Г.И. Успенского, которые не фигурируют ни в одном из списков источников большого академического «Словаря современного русского литературного языка», который вообще обходится без указаний на свои сомнительные источники, показывает бедность академической картотеки. Из-за этого приходится во втором и третьем изданиях большого академического словаря опираться на сомнительную цитату из романа «Петр I» А.Н. Толстого с его анахроническим употреблением *бакшиш*. Сомнения вызывает и «Восп<оминание?>» Л.Ф. Пантелеева, поскольку у последнего нет такого сочинения.

Между тем реальные литературные примеры первой половины XIX в. указывают на независимость источников заимствования и подчеркнутый экзотизм употреблений. В анонимных «Отрывках из походного Журнала Русского Офицера, посланного курьером чрез Константинополь в Арзерум» 1830 г. дважды представлен вариант *бакчиш*: «Выбравъ изъ оныхъ <каиков> одинъ и давъ Кавасамъ (***) *бакчишъ* (****), мы сѣли; весла ударили, и мы быстро помчались, разсѣкая волны Босфора»; «(***) Кавасъ, родъ

[453] Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. – Т. I. – М., 1990. – С. 302.
[454] Большой академический словарь русского языка. – Т. 1. – М.; СПб., 2004. – С. 346.

полицейскаго офицера»; «(****) Бакчишъ, деньги, которыя даются, какъ у насъ на водку»; второй раз слово уже не выделяется и не поясняется: «Кони готовы; вьючныхъ насилу тащили со двора; всѣ, кто тутъ ни былъ, кричали: "*урыла, урыла* (доброй дороги)!" и просили бакчишъ»[455].

В 1848 г. доктор медицины и акушер А.А. Рафалович возглавил экспедицию в Азию для изучения чумы, краткое описание ее нашло отражение в разделе «Путешествия и экспедиции» хроникальных заметок «Географических известий», где при описании современного Иерусалима встречается и вариант *бакшиш* с косвенным пояснением: «Тутъ – среди лавочекъ съ съѣстными припасами, неспѣлыми и гнилыми фруктами, огурцами и битыми баранами, и около кожевенныхъ заводовъ, находящихся въ центрѣ города, близь самой церкви Св. Гроба – толпится население тощее, блѣдное, оборванное, состоящее, подумаешь, только изъ нищихъ, если судить по жадности, съ которой они просятъ "*бакшиша*" и требуютъ милостыни»[456].

В многочисленных словарях иностранных слов и энциклопедических словарях XIX в. в основном закрепилась форма *бакшиш*, хотя иногда и обнаруживалась неустойчивость фонетико-графической формы: «**Бакшишъ**, перс. a) Подарокъ, особенно служащему лицу. b) Деньги на водку»[457].

«**Бакшишъ** (татар.), на чай, на водку»; «**Бахшишъ** (персидск.), значитъ подарокъ, перешло въ турецкій и арабскій языки и употребляется въ значеніи "на водку" или "на чай"»[458].

«**Бакшишъ** (тат.), выраженіе равносильно – на водку, на чай; подарокъ слугѣ»[459].

«**Бакшишъ** перс. – подарокъ, гостинецъ, деньги на водку или на чай»[460].

В большом «Словаре иностранных слов», составленном бригадой государственного института «Советская энциклопедия» и выходившем

---

455 Отрывки из походного Журнала Русского Офицера, посланного курьером чрез Константинополь в Арзерум. Отрывок 1 // Литературная газета, издаваемая бароном Дельвигом. – СПб., 1830. – Т. II. – № 64. 12-го ноября. Среда. – С. 223, 224.

456 Путешествия и экспедиции // Географические известия. – СПб., 1848. – Вып. IV. – С. 104.

457 *Дубровский Н.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов<,> вошедших в русский язык, с указанием корней: Настольная справочная книга для всех и каждого при чтении книг, журналов и газет. – 4-е доп. изд. – М., 1879. – С. 71.

458 Настольный энциклопедический словарь. – Т. 1. – Вып. 1–14. – Изд. А. Гарбель и К°. – М., <1891>. – С. 393, 464.

459 Самый полный общедоступный Словотолкователь и объяснитель 150 000 иностранныхъ словъ, вошедшіхъ въ русскій языкъ. <..> Составленъ филологами Соколовымъ и Кремеромъ, вновь обработалъ и дополнилъ по новѣйшимъ источникамъ С.Н. Алексѣевъ. <5-е изд. – М., 1899>. – С. 104.

460 *Гавкин Н.Я.* Карманный словарь иностранных слов. – 20-е изд. – Киев; Харьков; СПб., 1903. – С. 77.

в течение многих лет с ошибочной (турецко-румынской) записью персидского слова, вокабула получила устойчивое написание *бакшиш* и краткую дефиницию с помощью синонимов: «**бакши́ш** – перс. [bahşiş] – подарок, взятка, подачка» [461], к чему впоследствии было добавлено «чаевые» (1954, с. 94), а потом в шестом издании опущено слово «подарок» (1964, с. 90), в седьмом издании (1979, с. 70) словарь «обогатился» некоторым сокращением и обновлением ошибки в транскрипции, а также толкования и указанием на устарелость лексемы: «**БАКШИ́Ш** [< перс. bahçiç] – *уст*. взятка; приношение».

Через посредство «Современного словаря иностранных слов» (М., 1992) эта статья в последней редакции вместе с ошибкой в транскрипции попала в «Новый словарь иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой, которые в предисловии претенциозно назвали свой словарь «словарем иностранных слов классического типа» [462], который фактически продолжает традицию словарей иностранных слов, сложившуюся в русской советской лексикографии.

Как абсолютно полноправный член синонимического ряда с заглавным (доминантным) словом *взятка,* вокабула *бакшиш* трактуется синонимическими словарями XX в., что едва ли справедливо: «**Взятка**, подарок, благодарность, мзда, подкупъ, посулъ, бакшишъ, хабаръ, нелегальный (побочный, “безгрѣшный”) доходъ. Брать взятки – лихоимствовать, мздоимствовать. *“Взятка” окончательно умерла и на ея мѣсто народился “кушъ”*. Салт. *Не подмазано – не катится* (т. е. безъ подкупа)» [463].

«**Взятка** – подарок, подношение, преподношение, благодарность, бакшиш, подкуп, куш, нелегальный доход, (уст.) мзда, посул» [464].

«**ВЗЯТКА**; подмазка (*прост*.); мзда; бакшиш (*уст. разг*.); хабар; хабара; хапанцы (*уст. прост*.) <> барашек в бумажке (*уст*.)» [465].

«Большой толковый словарь русского языка» (около 130 тыс. слов) под авторством, составительством и главным редакторством кандидата

---

461 Словарь иностранных слов / Сост. бригадой гос. ин-та «Сов. энциклопедия»; Гл. ред. Ф.Н. Петров. – М., 1937. – С. 76.

462 *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. – М., 2003. – С. 5.

463 *Абрамов Н. <Переферкович Н.А.>* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – СПб., 1900. – С. 21.

464 *Павлов-Шишкин В.Д., Стефановский П.А.* Учебный словарь синонимов русского литературного языка. – 2-е изд. – М., 1931. – С. 21.

465 *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – М., 1986. – С. 21.

филологических наук С.А. Кузнецова[466] даже не счел нужным объяснить слово *бакшиш* и просто опустил его, хотя Т.Ф. Ефремова в своей близкой по объему (свыше 136 тыс. слов) двухтомной компиляции с косноязычным названием («Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный») сохранила: «**БАКШИ́Ш,** *м. устар.* 1. Подарок, взятка»[467].

Однако стоило бы подчеркнуть, что сейчас слово является не только устаревшим, как характеризуют его многие словари советского времени, но и восточным экзотизмом, поэтому в некоторых словарях и энциклопедиях это слово плотно привязывается к Востоку: «**бакши́шъ** – въ Турціи и Персіи деньги на водку, взятка»[468].

«**Бакшиш** (перс. бахтиш <sic!> – подарок) на Востоке (Персия, Турция, Сев. Африка) подарок чиновнику или вообще служащему. Будучи по существу взяткой, Б. был одной из язв чиновничьего управления на Ближнем Востоке»[469].

Привязанность слова *бакшиш* к Востоку подчеркивается при его употреблении (с пояснением!), например, у Н.С. Гумилева в «Африканском дневнике» 1913 г.: «На маленьких станциях голые черные ребятишки протягивали к нам ручонки и заунывно, как какую-нибудь песню, тянули самое популярное на всем Востоке слово: бакшиш (подарок)»[470].

Несмотря на активную фиксацию многими словарями, слово *бакшиш* в русском языке большого распространения все-таки не получило, что можно видеть из кавычек, в которых оно фигурирует в «Турецко-русском словаре» Д.А. Магазаника: «**bahşiş** *n* пода́рок, пода́чка; “чаевы́е”, “бакши́ш”» [471]. В большом «Турецко-русском словаре» кавычки были сняты: «**bahşiş** *n* пода́рок, пода́чка, чаевы́е, бакши́ш»[472].

Лексема *бакшиш*, будучи малоизвестным книжным экзотизмом, в ранних советских словарях ошибочно квалифицировалась как *обл*(астное), а потом как *разг*(оворное) и даже *угол*(овное) слово.

В некоторых словарях даются ложные сведения о превращении *устар*(елого) слова *бакшиш* в *ирон*(ическое): «**БАКШИ́Ш**, а, *м*. [тюрк. baχšiš].

---

466 Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.

467 *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. I. – М., 2000. – С. 60.

468 *Головков Д.* Иллюстрированный словарь иностранных слов. – 4-е изд. – Одесса, 1916. – С. 43.

469 Большая советская энциклопедия. – Т. IV. – М., 1926. – С. 452.

470 *Н.С.* Африканский дневник // Огонек. – 1987. – № 14 (3115). – С. 22.

471 *Магазаник Д.А.* Турецко-русский словарь. – М., 1931. – С. 106.

472 Турецко-русский словарь. – М., 1977. – С. 90.

устар., теперь *ирон*. Взятка, приношение»[473]. На самом же деле просто сознательная неуместность любого редкого слова в речи неизбежно создает *ирон*(ический) эффект, но последний нельзя считать стилистической характеристикой слова.

Неизвестно, на каких основаниях слово «**БАКШИШ** – 1. Взятка. 2. Гостинец, подарок» попало в очень ненадежный «Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаева, В.К. Белко и И.М. Исупова[474] и распространилось в других аналогичных компиляциях, а также с пометой *Угол*(овное) попало в «Большой словарь русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной[475].

Все сказанное позволяет думать, что проникшее во время пребывания советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. в русский военный жаргон слово *бакшиш* слабо связано преемственно с бытовавшим в русском языке XVIII–XIX вв. экзотизмом *бакшиш*, а является новым заимствованием из местных языков Афганистана при загадочном сохранении старого *-к-* в интернациональном слове. В.П. Коровушкин в своем «Словаре русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX вв.» зафиксировал якобы семь последовательно развивавшихся значений: «1. Взятка (в общем сленге XIX–XX вв.). —> 2. Любое подношение, подарок (обычно начальнику). —> 3. Плата деньгами или натурой за личную услугу или продукт. —> 4. Что-либо, добытое бесплатно. —> 5. Награбленное или украденное добро. —> 6. Еда, пища. —> 7. Взрыв снаряда или эрэса, выпущенного душманами»[476]. При этом В.П. Коровушкин указал, что значения 2–7 были в ходу у солдат и офицеров советских Вооруженных сил в 1979–1989 гг., и связал их с иранским источником. С афганским событиями связано и ташкентское употребление слова *бакшиш* в книге С.А. Алексиевич «Цинковые мальчики»: «<...>Билет нужен. – За билет бакшиш давай»[477], хотя здесь не обошлось без влияния

---

473 *Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. – М., 2007. – С. 111.

474 *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – Одинцово, 1992. – С. 22.

475 *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000. – С. 45.

476 *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX веков. – Екатеринбург, 2000. – С. 35–36.

477 *Алексиевич С.* Цинковые мальчики. – М., 1995. – С. 324.

узбекского устарелого *бахшиш* дар, милостыня, подаяние и таджикского *бахшиш* «1) дар, подарок, подношение; 2) посвящение»[478].

Из персидского языка слово проникло и в афганский язык (пушту): «بخښش *бахш˙ и́ш˙* (-*у́на*) (из перс. بخشش) м. дар, подарок; вознаграждение; награда»[479].

Формы с -*к*-, вероятно, обязаны своим происхождением арабскому языку, где персидское слово испытывает колебания между بقشيش *бақшӣш* и بخشيش *бахшӣш* ‘бакшиш, чаевые, подарок’[480].

Стоит отметить, что в той или иной степени следы персидского بخشش *бахшиш* (обычно в арабской форме *бақшӣш*) представлены сейчас или были представлены в прошлом во многих языках, поэтому пути движения этого слова из языка в язык установить не легко.

Турецко-арабское *bakşiş*, заимствованное из персидского بخشش *бахшиш*, производного от глагола بخشدن *бахшӣдан* ‘дать, давать, дарить, жаловать, раздавать; прощать, щадить’, проникло во многие языки Европы: русск., укр. *бакши́ш*; польск. *bakszysz*, *bakczysz*; чеш., слвц. *bakšiš*; болг. *бакши́ш*; макед. *бакшиш*; сербохорв. *бàкшиш*; словен. *bákšiš*; рум. *bakşiş*; нем. *Bakschisch*; франц. *bakchich*; англ. *bucksheesh, buxes*[481].

Следует заметить, что названия для чаевых легко заимствуются из разных языков, оставаясь однако на периферии функционирующего словаря, как это имело место в русском языке с французским *pour boire* > *пурбуары* ‘чаевые’, которое зафиксировано в словаре галлицизмов рядом с другим галлицизмом *презент* ‘подарок, подношение’[482].

V

Такого рода слова иногда появляются в макаронической речи, как немецкое *Trinkgeld* в русском написании в юмористической поэме «Сентенции и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л’этранж» (1840).

Мы на станцьи – новый счет!
За *шмир-гельд, тринк-гельд*, барьеры
Здесь на разные манеры.
Отдувайся кошелек:

---

478 Таджикско-русский словарь. – М., 1954. – С. 52.

479 *Зудин П.Б.* Краткий афганско-русский словарь. – М., 1950. – С. 59.

480 *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. – М., 1957. – С. 97, 69.

481 Български етимологичен речник. – Св. I. – София, 1962. – С. 28; Етимологічний словник української мови. – Т. I. – Київ, 1982. – С. 121.

482 *Епишкин Н.И.* Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка. – Чита, 1999. – С. 533, 525.

Мигом весь уйдет оброк[483].

Подстрочное примечание: «Schmiergeld, Trinkgeld – взятки, чаевые (нем.)».

При более органичном вхождении такого рода слов в русскую речь возникают трудности в их понимании: «<...> я ей буду отдавать все жалованье за удержанием в свою пользу в день получения капитала шестидесяти копеек на тринкгельд»[484].

Последнее слово вызвало затруднения у комментаторов романа Н.С. Лесков «На ножах» (1870–1871).

В «Собрании сочинений в 12 томах» (Т. 8. – М., 1989. – С. 467) дается просто ошибочное этимологическое и контекстное толкование: «*Тринкгельд* (нем. Trinkgeld) – здесь: выпивка». Это же толкование повторяется в семитомном «Собрании сочинений в шести томах» (Т. 2. – Кн. 1. – М., 1993. – С. 517): «*Тринкгельд* – здесь: выпивка (Trinkgeld – *букв*. деньги на выпивку, *нем*.)». В «Полном собрании сочинений в 30 томах» (Т. 9. – М., 2004. – С. 850) толкование чисто этимологическое: «*Тринкгельд* – деньги на выпивку (*нем*. Trinkgeld)».

Из слов восточного происхождения со значением «подарок, чаевые, взятка» можно вдобавок к предыдущему назвать *хабар* и *сеунч*, которые не освещены достаточно полно в русской исторической лексикографии. Не лишено любопытства, что русское слово *гостинец* вошло в языки народов Поволжья и существует в них в весьма неустойчивых формах: чуваш. *кувченеç, кӳ̆ченеч*; татар. *күчтәнәч*; башк. *күстәнәс*; марийск. *Костенéч;* горн. *костéнец*; удм. *кус'тэнэс, кӳ̆стäнäс* ‘гостинец, сласти, подарок’[485].

VI

Слово *харамзада*, которое в проспекте-проекте «Словаря русского языка XIX века» толкуется как ‘жулик, обманщик’, действительно встречается у А.А. Бестужева-Марлинского в повести «Аммалат-Бек» (и не только), но в неустойчивой орфографии и совсем с иным толкованием:

---

483 *Мятлев И.П.* Стихотворения. Сентенции и замечания госпожи Курдюковой. – Л., 1969. – С. 195.

484 *Лесков Н.С.* На ножах (ч. 1, гл. 3) // Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 9. – М., 2004. – С. 28.

485 *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1989. – С. 118.

«Этотъ Харамъ-Зада, отвѣчалъ всадникъ, – не поладилъ со мной за подѣлъ грабленныхъ барановъ, въ досадѣ мы всѣхъ ихъ перерѣзали: не доставайся же никому.... и онъ дерзнулъ выбранить жену мою»;

«Аллахъ бисмаллахъ!.. – произнесла она, то обращаясь къ небу, то грозя собакѣ, то унимая плачущаго ребенка. – Цыцъ, проклятая! молчи, говорю я тебѣ, харанзада (бездѣльникъ, сынъ позора)! <...>»[486].

Встречается это слово и в весьма реалистическом романе писательницы Е.П. Лачиновой (под псевдонимом Е. Хамар-Дабанов) «Проделки на Кавказе», отрывок из которого «Закубанский Харам-задѐ» был опубликован в «Библиотеке для чтения», где герой романа Пшемаф хочет похитить себе невесту:

«Съ этой цѣлью онъ задумалъ сблизиться съ знаменитымъ *харамзаде*, или *карамзадой*, разбойникомъ, Али-Карсисомъ, правильнѣе, *Али-Хырсызомъ*»;

«Съ другой стороны полковникъ и самъ желалъ сблизиться с карамзадой, чтобы получать черезъ него извѣстія о Черкесахъ, если только будетъ возможность склонить на то Али-Карсиса» [487].

В отдельном издании, вызвавшем недовольство самого императора Николая I и изъятие романа из продажи, опубликованная ранее часть была включена в переделанном виде как одна из глав, к названию которой сделано подстрочное примечание, где для интересующего нас слова выработано единое написание: «VII. Закубанской Карамзада(*)» – (*) *Карамзада* значитъ по-Черкесски *разбойникъ*»[488].

Разбойник по имени Али-Карсисъ действует и здесь: «Между тѣмъ полковникъ желалъ имѣть лазутчикомъ Карамзаду, если только будетъ возможность склонить на то разбойника»[489].

Источник слова *харамзада* – сложное арабско-персидское слово حرمزاده *ḫarāmzāda* с расплывчатой неодобрительной семантикой ‘незаконный, незаконнорожденный, побочный; негодяй, подлец, мошенник, вор, злодей’, первая часть которого – арабское слово حرام *харāм* в персидском имеет значение ‘незаконность, запрещенность; незаконный, запрещенный, воспрещенный;

---

[486] *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А.А. Русские повести и рассказы. – Ч. 5. – СПб., 1832. – С. 174, 215.

[487] *Хамар-Дабанов Е. <Лачинова Е.П.>* Закубанский харамзадѐ // Библиотека для чтения. – Т. 54. – СПб., 1842. – С. 119.

[488] *Хамар-Дабанов Е. <Лачинова Е.П.>* Проделки на Кавказе. – Ч. 1–2. – СПб., 1844. – С. 174.

[489] *Там же.* – С. 175.

беззаконный; запретный, возбраненный, недозволенный, исключенный, изъятый; святой, священный; незаконный поступок, неправильное деяние, несправедливость; беззаконие; прелюбодейство', а вторая – персидское زاده *зада* 'рожденный, сын'[490].

Встречается оно в ряде языков Северного Кавказа: кумык. *гьарамзада* 'мерзавец, подлец, негодяй; мошенник'; ногайск. *арамзаде* 'незаконнорожденный, ублюдок; злонравный, зловредный, недоброжелательный; *бран*. плут, негодяй, подлец, жулик'; лезг. *гьарамзада* 'негодяй, мошенник, жулик'.

Употребление инвективного кавказского слова *харамзада*/*карамзада* отражает не столько языковые особенности русской литературы о Кавказе, столько ее стилевые особенности как романтического, так и реалистического направлений, поэтому следует его включить в планируемый «Словарь русского языка XIX века».

Это же касается и более редкого слова *зильфляры*, отмеченного у А.А. Бестужева-Марлинского: «Ручка сабли осыпана была дорогими каменьями. Сей владетель Тарковъ былъ высокій, статный юноша, открытаго лица; черныя зильфляры (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки....»[491].

Восходит оно к персидскому *зулф* «زلف; м. кудри, локон, букля; клок, прядь, коса (волос); плюмаж, султан»[492] и представлено в азербайджанском *зулф* 'волосы, локоны', но остается неясным, почему оно употреблено в форме множественного числа *зулфляр*.

В черновых заметках В.В. Виноградова по истории слова *антик* имеется высказывание: «На этом материале легко видеть, что восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно»[493]. Помещенные в самом конце «статьи», эти даже не очень категоричные слова производят впечатление общего вывода, хотя они таковым не являются: в этой фразе отражена лишь только конкретная не вполне удавшаяся попытка автора обрисовать историю слова *антик* прежде всего с помощью небольшого числа лексикографических

---

490 *Ягелло И.Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910. – С. 1215.

491 *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А.А. Русские повести и рассказы. – Ч. 5. – СПб., 1832. – С. 7.

492 *Ягелло И.Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910, 2014. – С. 762.

493 *Виноградов В.В.* История слов. – М., 1994. – С. 41.

источников, что произошло не из-за малой информативности словарей, а из-за их недостаточного количества (девять словарей и словарных материалов). Увеличение числа привлеченных лексикографических источников (до тридцати единиц) позволяет более точно описать историю слова, что ранее было показано на примере слова *антик*[494] [32], а в данной статье на ряде экзотизмов восточного происхождения.

Сокращения

Даль$_1$ – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Ч. 1–4. – М., 1863–1866.

Даль$_2$ – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – СПб.; М., 1880–1882.

Даль$_3$ – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1–4. – СПб., 1903–1909.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – Вып. 1–. – Л.–М., Л., СПб., 1965–.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. I–IV. – М., 1986–1987.

[494] *Добродомов И.Г.* История слов по лексикографическим данным и труды В.В. Виноградова по русской исторической лексикологии // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – М., 1999. – С. 21–35.

Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях[495]

Поскольку историей слов занимаются две историко-лингвистические дисциплины – историческая лексикология и этимология, возникает проблема их четкого разграничения по методике исследования и по используемому для этого материалу. Историческая лексикология опирается на материал одного языка по его отражению в текстах и словарях этого же языка, а этимология использует материал других – родственных и неродственных – языков, которые исторически имели связи с исследуемым языком и могут давать важные сведения для характеристики слов этого языка[496].

В этом отношении возникает возможность оспаривать преимущества и относительную результативность этимологической и историко-лексикологической методики исследования лексики, что остается вечной проблемой истории словарного состава, поскольку и в том и в другом случае привлеченный к анализу материал обычно фрагментарен и зачастую сам по себе недостаточен для надежных выводов, поэтому чаще всего приходится комбинировать этимологический и историко-лексикологический материал и обрабатывать и тот и другой с использованием соответствующих методик.

Здесь было бы полезным вспомнить научный спор о возможностях этимологических и историко-лексикологических разысканий между В.В. Виноградовым и О.Н. Трубачевым. Последний высоко ценил десятки заметок первого о таких словах, «как *письмоносец, поединок, предвзятый, представитель, начитанный, переживание, закал, набожный, перелистывать, сосредоточенный*, и другие им подобные, как правило, производные образования литературной и просторечной лексики, в большинстве своем позднего происхождения, последних двух веков», и обратил особое внимание на следующие слова В. В. Виноградова: «История слова должна воспроизводить все содержание, всю цепь его смысловых превращений, все его “метаморфозы”. Она стремится раскрыть конкретные условия употребления слова в разные периоды его речевой жизни. Она определяет исторические

---

[495] Первая публикация: *Добродомов И.Г.* Социология языка в историко-лексикологических и этимологических исследованиях // Этимология 2006–2008. – М., 2010. – С. 82–100.

[496] *Добродомов И.Г.* Этимология и историческая лексикология (к изучению булгарских заимствований в славянских языках) // Этимология 1979. – М., 1981. – С. 75–84.

закономерности изменения значений, связывающие судьбу отдельного слова с общим ходом развития всей семантической системы языка или тех или иных его стилей. История слова всегда жизненнее, динамичнее и реальнее его этимологии. Вопрос о происхождении слова только тогда получает твердую культурно-историческую базу, когда опирается на исследования всех этапов смысловой эволюции этого слова, всех обстоятельств его бытования в разных социальных говорах, наречиях и родственных языках»[497].

О.Н. Трубачев по этому поводу резонно замечает: «Конечно, этимология слов типа *поединок, предвзятый, представитель, начитанный* и т.п. сводится либо к указанию на кальку, либо вообще она не требуется ввиду очевидности словообразовательных связей. Но так ли уж богата всегда их история? Много ли превращений и метаморфоз можно указать для слова *письмоносец* или *перелистывать*? Размышляя над высказыванием акад. В.В. Виноградова, а также над некоторыми современными аспектами проблемы, мы должны иметь в виду, что противоположение более древнего лексического фонда и многих тысяч новых слов литературно-книжного языка в действительности может обрести несколько иной смысл, чем тот, который в нее вкладывал покойный ученый»[498].

Высказанные в этом диалоге положения о своеобразии методик исторической лексикологии и этимологии приходится постоянно вспоминать, когда исследователь имеет дело с материалом, который восходит даже к относительно недавнему прошлому и тем не менее не вполне привычен исследователю.

Слова, вышедшие из активного употребления, но встречающиеся в старой литературе, часто плохо понимаются нынешними читателями, а лексикографы их не всегда правильно описывают, как это случилось с существительным *махальный* в недавно вышедшем словаре школьного жаргона О.А. Анищенко, которая в одной старой статье о воспитании в Петербургском кадетском корпусе в начале XIX в. обнаружила слово *махальный* и включила его в свой словарь, придав ему значение ‘кадет, обязанностью которого было стоять у дверей и предупреждать о появлении начальства’, что на первый взгляд как

[497] *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 282–283.

[498] *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М., 1984. – С. 34–35.

бы хорошо подтверждается контекстом: «Урок свой он начинал тем, что ставил махального, т.е. из кадет в дверях, ведущих из класса в коридор, для наблюдения за прохождением инспектора и других начальников»[499].

Не лишено известного интереса, что сам В.И. Даль в своей «Автобиографической записке» 1872 г. употребил слово *махальный* в воспоминаниях о своем пребывании в петербургском Морском кадетском корпусе (1815–1819): «Дети прятались для того на чердаке и в других малодоступных местах, расписывая под охраной выставленных махальных бумажные листы вензелями начальников своих, и наклеивали на лучинные пирамиды» (Русский архив. – 1872. – Кн. 3. – № 11. – С. 2248). В этих строках нет никакого намека на принадлежность слова *махальный* к специфически кадетской лексике.

Кажется, такое же значение обнаруживается и у субстантивированного прилагательного *махальный* в главе 8 «Мелочей архиерейской жизни» (1878–1880) Н.С. Лескова при описании событий середины XIX в., происходивших с учениками иконописной школы-мастерской Киево-Печерской лавры при киевском митрополите (1837–1857) Филарете Амфитеатрове: «А потому мы в один прекрасный день разметили посты, поставили махальных и затем один по одному всею гурьбою спустились потихоньку в угольное окно <...>»; «<...> все три наши махальные не выдержали искушения и, покинув свои посты, вместе с нами сбежали в сад <...>»[500].

В чередовании *сторож*/*махальный* оба слова употребляются Н.С. Лесковым также в очерке о сельском духовенстве «Архиерейские объезды» (1879), но и это употребление не дает нам никакого права считать существительное *махальный* ни кадетским, ни семинарским, ни клерикальным.

Считать слово *махальный* специфическим для русских учебных заведений нельзя, поскольку старый академический «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук»

---

499 *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. – М., 2007. – С. 161. С глухой ссылкой на: *Халютин Л.И.* Воспитание в кадетском корпусе. За полвека назад // Современник. – 1858. – № 10. – С. 630–654 (Санкт-Петербургский кадетский корпус, 1890-е (!) гг.). Столь же ошибочна (что более очевидно) у О.А. Анищенко в числе тех же кадетских шутливых жаргонизмов и характеристика употребления слова *сторож* в кавычках у А.И. Куприна, которое считается синонимом к *махальный*: «**сторож** <…> *Кадет. Шутл.* Кадет, который должен предупредить о появлении учителя или воспитателя. *Буланин догадался, что это **“сторож”**. Действительно, через десять минут “сторож” вернулся и... протяжно свистнул* (*А. Куприн*. На переломе (Кадеты), Московский кадетский корпус; 1880-е гг.)» // Там же. – С. 267, 339.

500 *Лесков Н.С.* Собр. соч.: В 12 т. – Т. 6. – М., 1983. – С. 240, 241. Ср. также: С. 332 (Архиерейские объезды).

1847 г. дает это слово как своеобразный солдатский военный жаргонизм: «**Маха́льной**, аго, въ видѣ с. *м*. У солдатъ: особенный вѣстовой, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому» (Т. II. – С. 292), с синонимами *махало* и *махальщик*.

Уже В.И. Даль в своем словаре для второй половины XIX в. не видит у этого слова принадлежности к солдатской лексике и дает его как общенародное достояние, не различая собственно адъективное и субстантивное его употребление орфографически, хотя и трактует их отдельно: «***Маха́льный***, ***маха́тельный***, къ маханію относящійся, служащій. ***Маха́льный*** м. сторожъ или вѣстовой, выставляемый отъ караула, чтобы издали дать знать часовому о приближеніи начальника, для котораго должно вызвать караулъ. ***Маха́ла*** м. махальный» (Даль$_2$ II, 309).

Надо учесть, что *маха́льной*/*маха́льный*, как и его синонимы *махальщик*, *махала*, не были еще в середине XIX в. официальными терминами, о чем забыли составители академического «Словаря современного русского литературного языка» вопреки напоминающим об этом кавычкам в зачем-то сокращенной и правленной цитате из сочинения 1858 г. бытописателя уральского казачества И. Железнова: «*“Махальный”, стоявший на холме вроде часового, подал товарищам знак, чтобы береглись*. Железн. Уральцы» (ССРЛЯ 6. – С. 718–719). Просторечность и жаргонность слова в кавычках все-таки осталась, вопреки искажающему сокращению цитаты, более правильно и полно приведенной в третьем выпуске двенадцатого тома неоконченного академического «Словаря русского языка» (М.; Л., 1936. – С. 473): «*Один из разбойников, так называемый “махальный”, стоявший на холме вроде часового, подал товарищам знак, чтоб они береглись*. Железнов. Уральцы, I, 148». Но и здесь сокращение привело к тому, что исчезло указание на употребление этого слова применительно к казахским разбойникам: «Лишь только адайцы успѣли убить несчастнаго охотника, какъ одинъ изъ разбойниковъ, так называемый “махальный”, стоявшій на холмѣ, въ родѣ часового, подалъ товарищамъ знакъ, чтобы они береглись, и адайцы снова разсѣялись и попрятались въ барханахъ»[501].

[501] Полное собрание сочинений Иосафа Игнатьевича Железнова. – Т. I: Уральцы. Очерки быта уральских казаков. – СПб., 1910. – С. 148.

Слово *махальный* позже было широко известно русскому языку XIX в. в целом и тогда употреблялось без пояснений: «Не было в то время [1854–1856 гг.] ни железных дорог, ни телеграфов, а были только махальные» (С.-Щедрин. Благонамеренные речи XVI, 1874 г.)[502].

Место, откуда махальные подавали свои знаки, именовалось *махалкой*, но у О.А. Анищенко оно получило контекстное толкование:

«**Махалка**, -и, *ж. Юнк. Гимн. Шутл*. Лестница. *После этого корнеты поставили на лестницу, именуемую на корнетском языке "махалкой", сугубца, приказав ему вовремя предупредить их о появлении офицера* (Г. Домраче(е?)в, Корнеты и сугубцы. Картины военно-училищной жизни; N-ское кавалерийское училище, 1911 г.). *...А гимназист, когда стоял на махалке, чтобы предупредить, что идет учитель, в знак опасности кричал: "Шесть!" – и быстро вбегал в класс* (Толстой Н.И. Воспоминания о русском языке // Лики языка. – М., 1998. – С. 360)»[503].

В столкновении противоречивых показаний текстов и словарей предпочтение нужно отдавать словарям, которые основаны на синхронных текстах, поскольку в словарях заключается исследовательский опыт современников по осмыслению языковой практики своего времени («Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук» 1847 г.), в отличие от ретроспективных словарей (*Анищенко О.А*. Словарь русского школьного жаргона XIX в.), точность последних, впрочем, зависит от количества привлеченного материала, недостаточное количество которого сказывается на точности толкований и социальной привязки слова.

Превращению первоначального солдатского слова в общерусское удивляться особенно не приходится, поскольку солдаты играли видную роль в распространении среди русского народа своих специфических слов и выражений, что давно отмечалось исследователями русской фразеологии уже в XIX в.: «В числе проводников в народ различных пословичных и поговорочных изречений довольно видное место занимают духовные лица до

---

502 *Салтыков-Щедрин М.Е*. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1988. – С. 506; на с. 572 комментарий: «Сведения с театра военных действий шли в столицу посредством ручного телеграфа, употреблявшегося на флоте: расставленные в пределах прямой видимости махальные передавали депеши условными жестами при помощи флажков».

503 *Анищенко О.А*. Указ. соч. – С. 160–161. Последняя цитата относится к 30–40-м гг. XX в.: в ней говорится о русско-сербской гимназии в Югославии.

семинаристов включительно (с которыми равную честь и славу делят также охотливые передатчики – солдаты)»[504].

Не лишено интереса, что солдатское слово *махальный* чем-то понравилось писателю второй половины XX в. А.И. Солженицыну, который, рекомендуя его к использованию в литературе, включил его в свой своеобразный словарь языкового расширения: «**маха́льный** – 1. прил.; 2. сущ. вестовой»[505]; хотя сейчас это слово уже безвозвратно утрачено, поэтому даже лексикографы сейчас ошибаются в его квалификации и причисляют его к совсем другой среде употребления. На самом же деле значение устаревшего теперь существительного *махальный* отличается от значения современного существительного *вестовой* «рядовой, назначаемый для выполнения поручений» [506] : их значения только перекрещиваются, да и «Словарь церковнославянского и русского языка» 1847 г. указывал, что *махальный* – «особенный *вѣстовой*, дающій маханіемъ руки условный знакъ часовому».

Если военное солдатское происхождение уже устаревшего теперь существительного *махальный* не вызывает сомнения в свете показаний «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 г., то с укоризненным собирательным названием гарнизонных солдат *гарниза* дело обстоит более сложно и требует этимологического подхода, способного дать указание и на социальную среду, породившую слово, которое впоследствии распространилось в другие социальные слои и только этимологически обнаруживает свои социальные истоки.

В комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в реплике городничего обращает на себя внимание неизвестное до этого слово *гарниза*, читающееся там, начиная с первой черновой редакции: «Да не выпускайте солдат на улицу без всего: а то эта дрянная гарниза имеет обыкновение, так только сверх рубашки наденет мундир (да метет улицы), а там внизу ничего нет»[507].

В воспоминаниях о Н.В. Гоголе близкой к нему А.О. Смирновой-Россет по записи А.Н. Пыпина в 1873 г. фигурирует слово *гарниза*: «Император Николай Павлович велел переменить неприличные фамилии. Между прочими полковник Зас выдал свою дочь за рижского гарнизонного офицера Ранцева. Он

---

504 *Максимов С.В.* Крылатые слова. – М., 1955. – С. 109.
505 *Солженицын А.И.* Русский словарь языкового расширения. – М., 1990. – С. 100.
506 Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998. – С. 122.
507 *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. – Т. IV: Ревизор. – [М.,] 1951. – С. 153.

говорил, что его фамилия древнее, и потому Ранцев должен изменить фамилию на Зас-Ранцев. Этот Ранцев был выходец из земли Мекленбургской, истый оботрит. Он поставил ему на вид, что он пришел в Россию с Петром III, и его фамилия знатнее. Однако он согласился на это прилагательное. Вся гарниза смеялась. Но государь n'etaindait pas de retrogression просто велел Ранцеву зваться Ранцев-Зас. Свекор поморщился, но должен был покориться мудрой воле своего имп(ератора)»[508].

Из «Ревизора» Н.В. Гоголя название *гарниза* попало и в сценарий «Необычайное происшествие, или Ревизор (по Гоголю)» М.С. Каростина и М.А. Булгакова (1935): «Проезд Ивана Александровича Хлестакова по улицам уездного города был настоящим триумфальным шествием. Выскакивала гарниза и брала на караул»[509].

Употребленное Н.В. Гоголем слово *гарниза* при жизни великого писателя лексикографы не заметили, но в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. встречается его эквивалент: «**ГАРНИЗО́НЩИНА**, ы, с. *ж. соб*(*ират*). *ун*(*ичиж*). Въ просторѣчіи: служащіе в гарнизонѣ».

Старший современник Н.В. Гоголя писатель и лексикограф В.И. Даль уже в 1860-е годы приравнял оба слова, поместив их в конце гнезда *гарнизо́н – гарнизо́нный*, к чему уже в начале XX в. И.А. Бодуэн де Куртенэ добавил [в скобках] еще одно фразеологическое выражение, по другим источникам мне неизвестное: «**Гарниза́** или **гарнизо́нщина** ж. собр. укоризн, служащіе въ гарнизонѣ. *Гарниза пузатая*! [Гарнизонный пупъ!]» (Даль$_3$ I, 843).

В качестве единственного числа к этим собирательным существительным употреблялось также иносказательное ироническое выражение *гарнизонная крыса*[510].

Слово *гарниза* являлось центральным в группе уничижительных прозвищ служащих гарнизонной службы в XIX в., собранных В.И. Далем в его «Пословицах русского народа» (М., 1957. – С. 711, 713): «Солдат – кислая муниция (*дразнят гарнизонных*)»; «Гарниза пузатая. Инвалид без пороху палит»; «Магазейная крыса (*инвалидный солдат*)»; «Куцый капитан общипанной команды (*дразнят гарнизонных*)».

---

508 *Смирнова-Россет О.А.* Дневник; Воспоминания. – М., 1989. – С. 72.

509 *Булгаков М.А.* Собр. соч. – Т. 7. – М., 1999. – С. 174.

510 *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – Т. I. – СПб., 1902. – С. 180.

Но жизнь слова *гарниза* в русском языке была не очень долгой: уже к 1880-м гг. его приходилось пояснять в тексте, причем значение было также несколько иное сравнительно со значением у Н.В. Гоголя и в словарях:

«– Я говорил, что он спрячется или удерет куда-нибудь! – подхватил поручик, очень опечаленный тем, что лишился возможности явиться в роли секунданта и тем показать обществу, что он не гарниза пузатая, как обыкновенно тогда называли инвалидных начальников, но такой же, как и прочие офицеры армии»[511].

Но в качестве инвективного слова по отношению к служилому гарнизонному люду оно продолжало употребляться и в конце XIX в., утратив до некоторой степени первоначальную собирательность, которая для инвективного слова не столь уж важна. В повести М. Горького «Горемыка Павел» (1894) слово *гарниза* употреблено в ряду уничижительных прозвищ-обращений к будочнику Арефию Гиблому: «– И фараон ты бессловесный! <...> Глупый ты пень. Уморит! али ребят-то не бабы нянчат, а вот такие шайтаны, как ты? Кто вас, чертогонов, на ноги-то ставит? У... гарниза тупоголовая!.. говорит еще чего-то!»[512].

Первый неоконченный академический словарь конца XIX в. под редакцией академика Я.К. Грота при опоре на В.И. Даля сделал слабую попытку разделить синонимы и противопоставить их стилистически без видимых оснований, причем впервые был привлечен пример употребления слова у Н.В. Гоголя в неточной сокращенной цитате:

«**Гарниза́**, ы́, *ж. собир. Ирон*. То же что гарниз*о́*нщина. *Гарниза пузатая. Эта дрянная гарниза наденетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ*. Ревиз.»

«**Гарниз*о́*нщина**, ы, *ж. собир. презр. Простор*.: Служащіе въ гарнизонѣ»[513].

В уже советском «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова (Т. I. – М., 1935. – Стб. 543) остается лишь один из двух синонимов и тот объявлен устаревшим, но с обновленным (едва ли обоснованно!) ударением и дефиницией, однако с той же самой сокращенной

---

511 *Писемский А.Ф.* Масоны. – Ч. 4–5. – СПб., 1881. – С. 347.

512 *Горький М.* Горемыка Павел: Повесть (1894 г.) // Собр. соч.: В 30 т. – Т. I. – М., 1940. – С. 214.

513 Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. – Вып. 2: Втас–Да. – СПб., 1892. – С. 777–778.

цитатой, но с заменой стилистической пометы *ироническое* на *бранное*: «**ГАРНИ́ЗА**, ы, *мн*. нет, *ж., собир*. (устар. бран.). Гарнизонные солдаты. *Эта дрянная г.* (гарниза) *наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Ггль.».

Привлечение в семнадцатитомном большом академическом «Словаре современного русского литературного языка» нового материала в виде сокращенной цитаты из рассказа А.П. Чехова «Муж» (1886) заставило заменить явно ошибочную помету *бран*. на *пренебрежительно* и соединить толкование В.И. Даля с толкованием Ушаковского словаря: «**Гарни́за**, ы, ж. В знач. собир. Устар. Пренебрежительно. Гарнизонные солдаты, служащие гарнизона. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры*. Чех. Муж. [Городничий приставу:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Гог. Ревизор, д. I, явл. 5» (ССРЛЯ 3. – С. 41).

Во втором, переработанном и дополненном, но уже не оконченном издании того же большого академического «Словаря современного русского литературного языка» (Т. III. – М., 1992. – С. 42) сделана робкая попытка реабилитировать конечное ударение путем помещения правильной акцентологической формы *гарнизá*, только на второе место после сомнительной *гарни́за*, причислить слово к проблематичной просторечной лексике, исказить толкование исключением указания на собирательность и внесением в него слова *солдат*, а также отослать при второй цитате к несуществующему источнику – приписанному А.П. Чехову произведению «Мужик»:

«**гарни́за**, ы и **гарнизá**, ы́, ж. *Устар. прост*. Команда гарнизона; солдаты (с оттенком пренебрежительности). [Городничий:] *Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарниза наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет*. Гог. Ревизор. *Воинский начальник, его делопроизводитель и местная гарниза надевают лучшие мундиры*. Чех. Мужик.

– Даль: гарнизá; Ушаков, 1934: гарни́за»[514].

[514] В новом начале этого же академического словаря, пока выходящего теперь под просторечным амплифицированным названием старого (БАС) как «Большой академический словарь русского языка», статья *гарни́за* и *гарнизá* (Т. 4. – М.; СПб., 2006. – С. 48) в точности воспроизводит старую только с обновленной ошибкой: рассказ А.П. Чехова «Муж» здесь фигурирует уже как «Мужики», в качестве яркой приметы формального подхода к переработке словаря сотрудниками петербургского академического Института лингвистических исследований РАН и невнимания к источниковедению.

К концу XX в. уже устарелое слово *гарниза*, полуизвестное советским писателям из книг, перестает отличаться от слова *гарнизон*:

«Поздней осенью на фрегате “Перун” Курносов с близнецами своими отплыл из Глубокой Пристани. Днепровский лиман вихрило мыльной пеной. Петя с Павлушей, еще дети, любопытствовали:

– А что там справа чернеет, тятенька?

– Это крепость Очаков, где гарниза турецкая.

– А слева эвон желтеет?

– Это, детушки, коса Кинбурнская, земля уже нашенская. У начала косы Суворов крепостцу основал. Тоже с гарнизой...»[515].

«Естественно, внешне, по обмундированию я выглядел не ротным командиром, прошедшим Польшу, Германию и Маньчжурию, не благополучным трофейно-состоятельным офицером-победителем, а скорее всего захудалым Ванькой-взводным из тыловой, провинциальной или даже таежной гарнизы»[516].

Но у некоторых авторов середины XX в. все еще сохранялось правильное понимание семантического содержания слова *гарниза*, хотя слово анахронистично переносилось в начало XVIII в., как это имело место, например, у И.Л. Солоневича (1891–1953) в статье «Великая фальшивка Февраля», где речь шла о Полтаве времени Полтавской битвы и о наличии в Полтаве четырех тысяч «гарнизонной команды» и четырех тысяч «вооруженных обывателей» под командованием генерал-майора Ивана Степановича Келина: «Этот генерал-майор Келин, во главе восьми тысяч плохо вооруженного сброда (можно себе представить Полтавскую “гарнизу” и вооруженных обывателей!), разделал тридцатитысячную армию Карла так, что от нее осталась, по Ключевскому, “голодная и оборванная толпа” <...>»[517].

Чисто компилятивный «Обратный словарь русского языка» (М., 1974. – С. 22) и построенный на тех же основаниях академический двухтомный «Сводный словарь современной русской лексики» (Т. I. – М., 1991. – С. 210) кодифицировали только наличие загадочного редкого существительного

[515] *Пикуль В.* Фаворит. – Т. II. – Л., 1985. – С. 299.
[516] *Богомолов В.* В кригере // Новый мир. – 1993. – № 8. – С. 104.
[517] *Солоневич И.Л.* Россия и революция. – М., 2007. – С. 327.

гарни́за с ошибочным ударением, которое авторитетными источниками не подтверждается.

По хронологическим причинам не может быть принято предположение о графическом сокращении сочетания *гарнизонные солдаты* в *гарниза*, не имеющее к тому же аналогий, высказанное в академическом труде по истории словообразования русского языка в советский период, где слово *гарниза́* почему-то отнесено к словам широкого распространения: «Крайне редко старые усечения не на морфемном шве касались нарицательных слов. Из слов широкого распространения можно указать *гарниза*, представлявшего собой усечение прилагательного *гарнизонный* с включением значения определяемого существительного (гарнизонные солдаты) <...>»[518].

В этом предполагаемом «старом усечении» остается необъяснимым приобретение им собирательного значения и несвойственное «усечениям не на морфемном шве» присоединение окончания *-а*.

Авторам академического труда оставалось неизвестным более тонкое и убедительное объяснение, предложенное венгерским славистом Л. Гальди и учитывающее также социальную среду, в которой зародилось загадочное слово *гарниза*. Л. Гальди на десяток лет раньше выступил с интересной этимологией, которая позволяет считать слово *гарниза́* семинарским по происхождению: «Слово *гарниза́*[519], употребленное городничим, выдвигает проблемы скорее морфологического порядка. Насколько мне известно, не существует какого-либо общепринятого объяснения для образования формы *гарниза* от нормальной формы *гарнизон* (“Die Neubildung *гарниза* ist eigentümlich”, – пишет Фасмер с присущим ему лаконизмом, ср. I, с. 260). Со своей стороны, я склонен думать о любопытной форме “множественного числа”, образованной в результате своеобразной “реэллинизации”: единственное число *гарнизон* (фр., нем. garnison), будучи воспринято, например, в жаргоне семинаристов или, во всяком случае, людей, знающих греческий язык, как “греческое” существительное на -óv (среднего рода. – *И. Д.*), могло дать форму множественного числа на *-а*, то есть существительное

---

[518] Русский язык и советское общество: Социально-лингвистическое исследование / Под ред. М.В. Панова. – Вып. II: Словообразование современного русского литературного языка. – М., 1968. – С. 273 (§ 187).

[519] Мы предпочитаем обозначать ударение согласно Далю; Фасмер (I, с. 259) приписывает этот же вариант с ударением на последнем слоге также Чехову. Вариант *гарни́за* кажется более новым; «Словарь современного русского литературного языка» ограничивается здесь ссылкой на Словарь Ушакова (примеч. Л. Гальди).

с собирательным значением *гарниза*, которое стало восприниматься затем как существительное в единственном числе (ср. лат. folium > собирательное множественное folia, откуда фр. feuille, итал. foglia, румын. foaie и т.д.). Можно предположить также влияние существительных типа *беднота, мелкота, нахота* (но не следует забывать, что в данном случае собирательным "суффиксом" является *-а*, а не *-та*)»[520].

Л. Гальди правильно исходил в своих этимологических разысканиях из формы с конечным ударением *гарниза́*, которая отмечается старшими лексикографами – В.И. Далем (1801–1872), Я.К. Гротом (1812–1893), И.А. Бодуэном де Куртенэ (1845–1929), А.Г. Преображенским (1850?–1918) и вслед за ними М.Р. Фасмером (1886–1962). При выходе этого слова из живого употребления и превращении в сугубо книжное слово, которое виделось на бумаге, но не звучало в обиходе, возникло и произношение *гарни́за*, осуждаемое в начале XX в. блюстителями чистоты языка[521]. Д.Н. Ушаков (1873–1942) вместе с более молодыми коллегами Б.В. Томашевским (1890–1956), Б.А. Лариным (1893–1964), В.В. Виноградовым (1895–1969), Г.О. Винокуром (1896–1947) и С.И. Ожеговым (1900–1964) без достаточных на то оснований в «Толковом словаре русского языка» кодифицировали ошибочное ударение архаичного слова, чуждого их употреблению (Ушаков I, 543).

На возникновение ошибочного ударения повлияло наличие в русском языке некоторого числа также редких слов с ударным исходом на *-и́за*, который в отдельных словах может восприниматься как суффикс: *вокали́з*(*а*) «упражнение или этюд для голоса, не имеющий текста и исполняемый на одних гласных звуках» (ср. *вокальный*, *вокал*), *антрепри́за* «частное зрелищное предприятие» (ср. *антрепренер*), *эксперти́за* (ср. *эксперт*)[522].

Будучи словом чрезвычайно редким даже в прошлом, семинарское слово *гарниза́* не попало в большинство наших орфографических, орфоэпических

---

[520] *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. – М., 1958. – С. 32. Этимологический словарь М.Р. Фасмера здесь цитируется по немецкому изданию: *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. I–III. – Heidelberg, 1953–1968.

[521] *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. – 2-е изд. – Варшава, 1909. – С. 43.

[522] Экспериментально-академическая «Русская грамматика» (Т. I. – М., 1980. – С. 199) выделяет едва ли правильно суффикс *-иза* только в одном единичном слове *экспертиза.*

и грамматических словарей ни в правильной форме *гарниза́*, ни в ошибочной *гарни́за*[523].

Л. Гальди оставил вне рассмотрения фигурирующую у М. Фасмера без точной документации русскую форму *гармиза́* [524], реальность которой подтверждается также украинскими диалектными *гармиза́*, *гармаза́*. Укр. *гармиза́* укладывается в систему русско-украинских звуковых соответствий, в отличие от искусственной полонизованной формы *гарнізо́н*[525].

Сейчас в русских говорах середины XX в. отмечается форма с утратой собирательности и украинизированной фонетикой (*мы*):

«**Гармыза́**, ы, *м*. Старый отставной солдат. *Да тебе ли, старая гармыза, за девку свататься – ты поглядись в зеркале: Был красавцем кавалеристом, а стал старой гармызой*. Петров. **Сарат**. 1960–1963»[526].

Столь сложное происхождение редкого слова *гарниза́* оказалось непреодолимым препятствием для А.Н. Тихонова, который не смог разумно включить это слово в скромное гнездо *гарнизон*, *гарнизонный* своего «Словообразовательного словаря русского языка» (Т. I–II. – М., 1985)[527], зато туда в аналогичное гнездо попало как якобы производное от *солдат* слово *солда*/*фон*, в котором конечная часть, отделенная косой чертой, трактуется то ли как второй компонент сложения типа *ниже*/*стоящий*, то ли как часть сложного слова, созданного без соединительного гласного, типа *кино*/*зал*, то ли как неопределяемая часть слова, которая употребляется в составе только данного слова типа *газ*/*гольдер*, то ли как вторая часть сложносокращенных слов типа *агит*/*пункт* (Т. I. – С. 5).

---

523 Исключение составляет академический «Русский орфографический словарь» (М., 2000. – С. 175), где зафиксирована лишь достоверная форма *гарниза́* с конечным ударением; причины включения в нормативный словарь вышедшего из употребления слова неясны. Остается не вполне ясным скатологический каламбур в одном из современных детективных романов: «Молодец дочечка Маечка! Все растрепала, говниза паршивая» (*Вайнеры А.* и *Г.* Евангелие от палача. – М.: Сигма, 1997. – С. 136) – то ли это контаминационное преобразование не очень понятного для авторов слова *гарни́за́* (с неясным ударением), то ли суффиксальное образование с суффиксом *-и́за*, который служит для амплификации неприличного слова с бранным значением. Во всяком случае, авторы исходили из весьма туманной для них бранной окраски слова *гарниза* с весьма ослабленной семантикой.

524 Она, вероятно, восходит ко второму выпуску (М., 1910. – С. 119) «Этимологического словаря русского языка» (Т. I) А.Г. Преображенского: «*гарниза́*, обл. *гармиза́* гарнизонный солдат, инвалид».

525 Етимологічний словник української мови. – Т. 1: А–Г. – Київ, 1982. – С. 475.

526 СРНГ 6, с. 45. Зачисление в существительные мужского рода (помета *м.*) едва ли может быть оправданно: прилагательное *старая* при нем свидетельствует об обратном.

527 Нет у него слова *гарниза* и в списке одиночных слов.

Слово *солдафон* представляет собой весьма внушительную трудность для лексикологов и лексикографов, что хорошо видно из новейшего переиздания «Словаря русского языка» С.И. Ожегова, вышедшего в 2007 г. под названием «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» и редакцией Н.Ю. Шведовой, где в конце словарной статьи: «**СОЛДАФО́Н**, -а, м. (разг. неодобр.). Грубый, некультурный человек из военных начальников // *Солдафо́нский*, -ая, -ое. *Солдафонские замашки*. • Экспрессивное образование от слова *солдат*» – вместо этимологической зоны (справки) дается смутная стилистическая характеристика, поскольку этимологическими сведениями и социолингвистической характеристикой слова составители не располагали.

В.В. Виноградов пытался в 1968 г. неубедительно выделить в загадочном слове *солдафон* весьма проблематичный суффикс *-фон*, не озаботившись судьбой согласного *-т* в конце основы слова *солдат*, с чем трудно согласиться особенно при смутности формулировки: «Во второй части словосложения (?) солда-*фон* правильнее видеть лично-именной суффикс жаргонной окраски (ср. *фонный*, задать *фону* и т.п.). Ср. *бурбон*, *фанфарон* и т.п.»[528].

Еще более смутны суждения А.Н. Тихонова о структуре слова *солдафон* и его конечной части в его большой статье «Морфема как значимая часть слова», где конечная часть его оказывается в статусе морфемы, как и другие части слова, выделяемые как морфемы по соотношению с родственными словами лишь в отдельных (или нескольких) словах: «Не относятся к морфемам единичные части слов, которые входят в состав одного-единственного слова и вычленяются лишь на фоне однокоренных слов, например: поп-*адья* (ср. *поп*), дет-*вора* (ср. *дети*), почт-*амт*, почт-*альон* (ср. *почта*), клей-*стер* (ср. *клей*), франц-*уз* (ср. *Франция*), цит-*ата* (ср. *цитировать*), *ва*-банк, стекл-*ярус* (ср. *стекло*), жен-*их*, черт-*еж* (ср. *чертить*), рис-*унок* (ср. *рисовать*), мошк-*ара* (ср. *мошка*), пав-*лин* (ср. *пава*), патрон-*таш* (ср. *патрон*), жест-*икул*-яция (ср. *жест*), ляп-*сус* (ср. *ляпнуть*), юмор-*еска* (ср. *юмор*). Сюда же примыкают образования типа *пианино* (ср. *пианист*), *юбилей* (ср. *юбиляр*), *солдафон*

[528] *Виноградов В.В.* Об экспрессивных изменениях значений и форм слов // Советское славяноведение. – 1968. – № 4. – С. 9–11; цитируется по: *Виноградов В.В.* История слов. – М., 1994. – С. 650 (разрядка моя. – *И. Д.*).

(ср. *солдат*), *маскарад* (ср. *маска*), *молодайка* (ср. *молодой*), *скупердяй* (ср. *скупой*) и мн. др.»[529].

При этом остается без ответа законно возникающий вопрос: «Сколько же нужно случаев выделения редкой морфемы, чтобы, по А.Н. Тихонову, отнести эту редкую морфему к классу морфем?» Лишены ясности и последующие рассуждения: «Если слово *попадья* (ср. *поп*) можно поместить рядом со словами *ударница, поэтесса, курсантка*, как это делает Н.Д. Арутюнова, то вряд ли можно подобрать подходящий ряд для образований типа *почтамт, солдафон, клейстер, маскарад, юмореска, павлин* и т.п.».

Характерно, что в этих списках слово *солдафон* у А.Н. Тихонова на части никак не делится[530].

На самом же деле слово *солдат* было распространено арготическим амплификационным и личным суффиксом *-он*, который выделяется, например, в разных старых русских условных языках в словах: *шилóн* ‘бедняк’ (при *ши́льник* ‘бедный человек’), *сбатлóн* ‘нищий, сборщик’ (*сбатлыга* ‘посох,

---

[529] *Тихонов А.Н.* Морфема как значимая часть слова // Филологические науки. – 1971. – № 6. – С. 49–50. Здесь интересно ошибочное сближение латинского слова *ляпсус* с глаголом *ляпнуть* в духе народной этимологии. Но эта ошибка исправлена в гнездо-«словообразовательном словаре», где латинизм *ляпсус* помещен в списке одиночных слов.

[530] Весь список слов с единичными аффиксами, которым А.Н. Тихонов отказывает в праве считаться морфемами, весьма противоречив по составу и требует внимательного анализа каждого слова. В качестве примера обращу внимание на незакономерное разделение двух слов с одинаковыми суффиксами, переданными по-разному в написании. А.Н. Тихонов не заметил, что в слове мошк-*ара́* и детв-*ора́* содержится один и тот же суффикс *-ар*(*а*) с разным написанием, но в дет-*в-ора* ему предшествует суффикс *-в*(*а*) – ср. дет-*ва* (при лист-*ва*). Это не удивительно, поскольку такие слова затрудняли даже В.В. Виноградова, который при анализе этих слов испытывал затруднение: «...слово *детвора*, находящее себе соответствия в южновеликорусских говорах, не разлагается на *детва* (ср. *листва*) и суффикс *-ора* (ср. *мошкара*); с другой стороны, членение на *дет* и *вора* лишено смысла. Ср. в языке Левитова *мужварье*, в котором слито три собирательных суффикса *-в-(а)*, *ар-* (ср. *мошкара*) и *-ье*» (*Виноградов В.В.* Вопросы современного русского словообразования // Русский язык в школе. – 1951. – № 2. – С. 1–10. Цит. по: *Виноградов В.В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 164). Экспериментально-академическая «Русская грамматика» 1980 г. рассматривает эти суффиксы в одном § 407 и, видимо, считает эти «морфы» представителями одной морфемы, т.е. единого суффикса: «Собирательное значение имеют… слова с суф. морфами *-в(а)*…, *-ар(а)*… и *-вор(а)*… последний – соединение двух предшествующих морфов): *лист – листва*, *брат – братва* (прост.), *татары – татарва* (стар.), *пацан – пацанва* (нов. прост.); *мошка – мошкара*, *дети – детвора*» (Русская грамматика. – Т. I. – М., 1980. – С. 207 (§ 407)). В книге: *Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке. – М., 2001. – С. 195 – слово *солда-фон* перечислено в списке существительных с «несопоставимыми постфиксальными морфемами», но оставлено вне рассмотрения, а соответствующие морфемы названы ущербными. Е.А. Земская зачем-то назвала словообразовательные морфемы, выделяемые в отдельных словах и не представленные параллельно в других, унификсами, но оставила вне рассмотрения и «терминологического» выделения морфемы, представленные в двух, трех и т.д. словах, не обозначив четко границы между унификсами и остальными морфемами. (*Земская Е.А.* Унификсы (Об одном виде морфем русского языка) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. – № 341. – М., 1969. – С. 100–106).

палка нищего', *сбáтлыватъ* 'собирать (о нищем)'), *салмóн* 'городовой' (ср. *салéй* 'солдат', *салéйка* 'солдатка'), *савpóн*, *сафpóн* 'священник' и т.п.[531]

Надо думать, что сюда же относится и глагольный «маскировочный» суффикс *-он-* (и переплетающийся с ним *-кон-*), употребляющийся в условных языках русских ремесленников и торговцев: *всад**он**итъ*, *сват**он**итъ*, *испуг**он**итъся*, *дод**он**ить* (додать), *крикс**он**ить*, *задерм**он**ить* (задергать), *дожид**он**иваться* (дожидаться); *иск**он**итъ*, *получк**он**ить*, *прочит**он**ить*, *пляск**он**ить* и т.п., хотя есть здесь некоторые неясности.

Из жаргонов этот суффикс даже проник в экспериментально-академическую «Русскую грамматику» (Т. I. – М., 1980. – С. 165) жаргонными словами *выпивон*, *объедон*, *закидон*, *раздолбон*, *вышибон*, *опрокидон*(*т*), где им приписывается шутливый просторечный характер, но сфера употребления суффикса шире[532].

Что касается появления звука *ф* вместо *т* в форме *солдафон*, то это обстоятельство обязано семинарскому осмыслению европейского итальянизма *солдат* как грецизма эразмова чтения и искусственному подведению его под рейхлиново чтение, как это отражено соответственно в настоящих грецизмах *театр – феатр*, *библиотека – вивлиофика*, *теория – феория* и т.п.[533]

Принятое в русских духовных учебных заведениях (семинариях) чтение греческой буквы θ как *ф* (рейхлиново чтение) опиралось на греческую фонетику византийского периода, когда эта буква называлась уже не *тэта*, а *фита*. В гимназиях эта же буква называлась *тэта*, где отражалось ее древнегреческое звучание (эразмово чтение), принятое в латинском языке и в нынешнее время в странах Западной Европы. Чередование согласных *ф–т* при варьировании слов противопоставляет обычно архаическую форму с *ф* более новой форме с *т* и носит стилистический характер.

---

[531] *Бондалетов В.Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев: Словопроизводство. – Рязань, 1980. – С. 22–23. Ср. форму *куртóн* среди жаргонных названий куртки: *куртéль*, *куртеха*, *куртяга*, *куртяха*, *куртóн*, *куртóнчик* в «Словаре московского арго» (М., 1994. – 220) В.С. Елистратова.

[532] См. об этом: *Добродомов И.Г.* По следам разысканий В.В. Виноградова о слове *солдафон* // Opuscula polonica et russica, V. – Warszawa, 1997. – С. 105–114; *Добродомов И.Г.* К проблемам русской исторической лексикологии нового времени в трудах В.В. Виноградова // Русистика сегодня. – 1996. – № 3. – С. 133–136. Об арготическом характере суффикса *-он* см.: *Timroth W. von*. Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo varieties of Russian language (Argot, Jargon, Slang and "Mat"). – Munich, 1986. – С. 83, 117 (Slavistische Beitrage, Bd. 205).

[533] Колебания между *ф* и *т* в оформлении новых европейских заимствований в русском языке XVIII в. подробно рассмотрены в книге: *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972. – С. 197–202.

В этом отношении интересна пара из существительного *пафос* и прилагательного *патетический*, в которой существительное оформлено по рейхлинову, а прилагательное – по эразмову чтению.

Соотношение между звучанием *т* эразмова чтения греческих слов русского языка и звучанием *ф* – рейхлинова Н.М. Шанский даже подал как одно из исторических чередований в русских словах, не оговорив особо своеобразия этого чередования *т–ф*, но в качестве примера взят именно случай *солдат – солдафон*: *гнуть – сгибать, дно – донья, мять – мнешь, писать – пишу, нога – ноженька, скепсис – скептический, анализ – аналитический, кот – кошка, солдат – солдафон, обрубок – обрубка, хаос – хаотический, беловатый – синеватый*[534].

В связи со сказанным нельзя согласиться со второй частью суждения В.В. Виноградова об истоках укоризненного для военных слова *солдафон*: «Трудно сомневаться в жаргонном происхождении этого слова. Оно сложилось в жаргоне самих военных» (с. 650)[535].

Но следует отметить, что все-таки в слове *солдафон* конечная часть *-фон* стала выделяться как особая часть. Именно с ее помощью А.И. Герцен образовал своеобразное слово *аристофон*, как бы связанное с *аристократ*. Откликаясь на «Заметку о вольнонаемном труде» А.А. Фета (Русский вестник. – 1862. – Кн. V) и обыгрывая созвучие фамилии Фет с французским *fête* ‘праздник’, А.И. Герцен в письме И.С. Тургеневу от 12/XII (30/XI) 1862 г. создает каламбурные слова *аристофет* и *аристофон*:

«Il sont passes ces jours de Фет.

Этот с чего ругает народ – аристо.. .фет, аристо.. .фон – “мы де в нашей деревне...”»[536].

Как видно из последнего примера, элемент *-фон* в слове *солдафон*, послуживший А.И. Герцену для образования слова *аристофон*, можно рассматривать как своеобразный суффикс, получившийся в результате переразложения конечной части слова *солдафон* (из *солдаф-он*) → *солда-фон* и называвшийся у В.В. Виноградова суффиксом. Образовавшееся с помощью этого своеобразного суффикса слово *аристофон* нарушило уникальность слова

---

534 *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968. – С. 124.

535 Слова *солдафон* нет в очень показательном «Словаре русского военного жаргона» (Екатеринбург, 2000) В.П. Коровушкина.

536 *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. – Т. XXVII. – Кн. 1. – М., 1963. – С. 771.

солда-фон. Результат получится тот же самый, если в русском слове *аристофон* видеть результат контаминации начала слова *аристократ* с концом слова *солдафон*: *солда-фон* и *аристо-фон* имеют абсолютно одинаковое строение с синхронной точки зрения и конечная часть *-фон* не может быть отнесена к так называемым унификсам.

Любопытно заметить, что конечный согласный слова *солдат* обнаруживает некоторую неустойчивость: почему-то, перейдя в чувашский язык, оно приобрело в нем форму *салдак* (орфографически *салтак*).

В свой «Словарь русского школьного жаргона XIX века» (М., 2007. – С. 236) О.А. Анищенко поместила загадочное слово: «**САЛДОПЁР**, -а, *м. Семин*. *Наем*. Солдат (Петровых 1898)», источник которого сбивчиво раскрывается в списке словарей: «***Петровых, 1898***: Петровых И. Словарь семинариста. “Ходячие слова семинарского общежития”. Словарь хранится в рукописном отделении Словарного сектора Института языковедения РАН (в Санкт-Петербурге)» (363–364). Вероятно, этот словарь в «Списке сокращений, допущенных во II томе Словаря русского языка» назван: «Петровыхъ. – слова и замечанiя, сообщенныя редакцiи И.С. Петровыхъ»[537].

Совершенно неожиданно это же слово с иной орфографией обнаруживается в «Словаре московского (?) арго» В.С. Елистратова (М., 1994. – С. 439): «**СОЛДАПЁР**, -а, *м.* Солдат. (От общеупотр. солдат + переть; возм. из арм.)» – вместе с производными: *солдапёритъ*(*ся*) «служить в армии рядовым, солдатом», *солдапёрка* «солдатская форма; солдатское обмундирование», *солдапёрный*, *солдапёровый* «солдатский». Без всяких оговорок этот материал был помещен и в «Словарь русского (!) арго» (М., 2000. – С. 437) того же В.С. Елистратова. В том же составе слово *солдапёр* и производные от него попали в «Словарь русского военного жаргона» (Екатеринбург, 2000. – С. 266) В.П. Коровушкина, а в «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (СПб., 2000. – С. 553) они же получили противоречивую стилистическую привязку: *солдапёр* (*Мол. Шутл.-ирон.*), *солдапёритъ* (*Мол., арм. Шутл.*), *солдапёрка* (*Арм. Шутл.*).

Из всех этих неуловимо-сомнительных слов В.В. Химик включил в свой «Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи» (СПб., 2004. – С. 573) только одно, снабдив его невнятной «этимологией»: «**СОЛДАПЁР**, -а,

[537] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Имп. Академии наук. – Т. II. – СПб., 1907. – XXV.

м. Уничиж. разг.-сниж. Солдат. От **переть** (5 зн). К *празднику нагнали на улицы солдаперов, они все и вычистили*».

Появление слова *солдапёр* может быть объяснимо влиянием противопоставленного ему *вольнопёр* (из *вольноопределяющийся*) по контрасту и принадлежности к одной семантической группе слов. Ср., однако, не очень ясные названия чиновников *чинопёр* (и *чиновал*, *чинодрал*) и *щелкопёр* с аналогичной конечной (ауслаутной) частью неясного происхождения.

Движение слов из языка социальных сфер, где они зародились в соответствии с их языковыми вкусами и возможностями, в другие идиомы осложняет их историческое развитие, которое оказывается невозможно осветить без помощи этимологии и большого числа использованных источников. Проникшее из солдатского языка в язык учащихся и далее во всеобщее употребление существительное *махальный*/*махальной* только при ограниченном материале может быть принято за школьническое. Инвективные обозначения военных *гарниза* и *солдафон* родились совсем не в военной среде, а в семинарской как отражение межсословных конфликтов и трений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный в монографии языковой материал показывает, что количество переходит в качество: обилие использованного материала обеспечивает надежность выводов, причем иногда решающей в итоге оказывается лексика соседних языков, где сохранились важные для решения материалы. Географические сведения о распространении явлений нуждаются в более тщательном освещении при учете социального фактора: слово получает полную характеристику при учете его социальной и географической характеристики. Важным оказывается учет материалов жаргонов и условных языков.

В заключение еще раз повторим высказанную в предисловии мысль о том, что лингвистическая проблематика теснейшим образом пересекается с исторической, геграфической и источниковедческой, что доказательность и аргументированность выводов теснейшим образом зависят от умения привлекать разнородные сведения из смежных наук. Автор выражает надежду, что его теоретические и методологические находки найдут понимание, поддержку и развитие у следующих поколений этимологов и историков русского языка.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

1. *Малов С.Е.* Памятники древнетюркской письменности. – М.; Л., 1951.
2. *Абаев В.И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. – Т. I. – М.; Л., 1958.
3. *Абрамов Н.* <*Переферкович Н.А.*> Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – СПб., 1900.
4. *Александрова З.Е.* Словарь синонимов русского языка. – М., 1986.
5. *Анищенко О.А.* Словарь русского школьного жаргона XIX века. – М., 2007.
6. *Асланов М.Г.* Афганско-русский словарь. – М., 1966.
7. *Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М.* Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. – Одинцово, 1992.
8. *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. – М., 1957.
9. *Белых Г.Г., Пантелеев Л.И.* Республика ШКИД: Повесть. – М.; Л., 1927.
10. *Бестужев-Марлинский А.А.* Аммалат-Бек. Кавказская быль // Бестужев-Марлинский А.А. Русские повести и рассказы. – Ч. 5. – СПб., 1832.
11. Большой академический словарь русского языка. – Т. 1. – М.; СПб., 2004.
12. *Бондалетов В.Д.* В.И. Даль и тайные языки в России. – М., 2004.
13. *Булыка А.М.* Даўнія запазычанні беларускай мовы. – Мінск, 1972.
14. Български етимологичен речник, св. IX–X (том II). – София, 1974.
15. *Быков В.Б.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. – Смоленск, 1994.
16. *Гавкин Н.Я.* Карманный словарь иностранных слов. – 20-е изд. – Киев; Харьков; СПб., 1903.
17. *Гальченко И.Е.* Глоссарий лексики языков народов Северного Кавказа в русском языке. – Орджоникидзе, 1975.
18. *Гиляровский Вл. А.* Москва и москвичи. – М., 1926.
19. *Головков Д.* Иллюстрированный словарь иностранных слов. – 4-е изд. – Одесса, 1916.
20. *Гордеев Ф.И.* Этимологический словарь марийского языка. – Т. 1: А–Б. – Йошкар-Ола, 1979.

21. *Грачев М.А.* Язык из мрака. Блатная музыка и феня. – Н. Новгород, 1992.
22. *Грачев М.А., Мокиенко В.М.* Историко-этимологический словарь воровского жаргона. – СПб., 2000.
23. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – 6-е изд. – М., 1955.
24. *Даль В.И.* Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка // Вопросы языкознания. – 1990. – № 1.
25. *Дубровский Н.* Полный толковый словарь всех общеупотребительных иностранных слов<,> вошедших в русский язык, с указанием корней. Настольная справочная книга для всех и каждого при чтении книг, журналов и газет. – 4-е доп. изд. – М., 1879.
26. *Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф.* Современный русский жаргон уголовного мира: Словарь-справочник. – М., 2001.
27. *Елистратов В.С.* Словарь московского арго: Материалы 1980–1994 гг.: Около 8 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. – М., 1994.
28. *Елистратов В.С.* Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг.: Около 9 000 слов, 3 000 идиомат. выражений. – М., 2000.
29. *Елистратов В.С.* Язык старой Москвы: Лингвоэнциклопедический словарь: Ок. 4 000 единиц. – М., 1997.
30. *Епишкин Н.И.* Краткий исторический словарь галлицизмов русского языка. – Чита, 1999.
31. Етимологічний словник українськоі мови. – Т. І. – Київ, 1962.
32. *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 2. – М., 2000.
33. *Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. – М., 1977.
34. *Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В.* Новый словарь иностранных слов. – М., 2003.
35. *Зудин П.Б.* Краткий афганско-русский словарь. – М., 1950.
36. Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / Сост. Ф.П. Сороколетов, Р.П. Одеков. – СПб., 2000.
37. *Ковалевский О.М.* Монгольско-русско-французский словарь. – Казань, 1846.

38. *Коровушкин В.П.* Словарь русского военного жаргона: нестандартная лексика и фразеология вооруженных сил и военизированных организаций Российской империи, СССР и Российской Федерации XVIII–XX вв. – Екатеринбург, 2000.
39. *Курдоев К.К.* Курдско-русский словарь. – М., 1960.
40. Лексикон латинський С. Славинецького. Лексикон словено-латинський Є. Славинецького та А. Корецького-Становського. – Київ, 1973.
41. *Лыткин В.И.*, *Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.
42. *Магазаник Д.А.* Турецко-русский словарь. – М., 1931.
43. *Максимов С.В.* Крылатые слова. – М., 1955.
44. *Миртов А.В.* Донской словарь: Материалы к изучению лексики донских казаков. – Ростов н/Д, 1929.
45. *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. – Т. I. – СПб., 1902.
46. *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб., 2000.
47. *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. – М., 1996.
48. Настольный энциклопедический словарь. – Т. 1. – Вып. 1–14. – Изд. А. Гарбель и К°. – М., <1891>.
49. *Немет Ю.* Список слов на языке ясов, венгерских алан. – Орджоникидзе, 1960.
50. Опыт областного великорусского словаря. – СПб., 1852.
51. *Отин Е.С.* Материалы к словарю ненормативной лексики // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5. – Донецк, 1999.
52. *Преображенский А.Г.* Этимологический словарь русского языка. – Т. II. – С. 252.
53. *Павлов-Шишкин В.Д., Стефановский П.А.* Учебный словарь синонимов русского литературного языка. – 2-е изд. – М., 1931.
54. Персидско-русский словарь. – Т. II. – М., 1970.
55. *Поликарпов Ф.* Лексикон треязычный. – М., 1704.
56. *Попов В.М.* Словарь воровского и арестантского языка. – Киев, 1912.
57. *Поспелов Е.М.* Школьный топонимический словарь. – М., 1988.

58. *Потапов С.М.* Блатная музыка. Словарь жаргона преступников. – М., 1923.
59. *Потапов С.М.* Словарь жаргона преступников (блатная музыка). – М., 1927.
60. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. – Т. III. – СПб., 1905.
61. Редкие слова в произведениях авторов XIX в.: Словарь-справочник / Отв. ред. Р.П. Рогожникова; Сост. Р.П. Рогожникова, К.А. Логинова, С.А. Пономаренко и др. – М., 1997.
62. *Рейф Ф.И.* Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка. – Т. I. – СПб., 1835.
63. *Рожанский Ф.И.* Сленг хиппи: Материалы к словарю. – СПб.; Париж, 1992.
64. Русский орфографический словарь. – 2-е изд. – М., 2005.
65. Сводный словарь современной русской лексики. – Т. II. – М., 1991.
66. *Симони П.К.* Памятники старинной русской лексикографии // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. – 1908. – Т. XIII. – Вып. 1. – С. 189.
67. Словарь русских донских говоров. – Т. I–III. – Ростов н/Д, 1975.
68. Словарь русского языка XIX века: Проект. – СПб., 2002.
69. Словарь русского языка XI–XVII веков. – М., 1975.
70. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1. – Л., 1984.
71. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. – Т. IV. – Вып. 2. – СПб., 1908.
72. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – Т. 1. – М.; Л., 1948.
73. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. – Т. I. – М., 1990.
74. Словарь украинского языка. – Т. II. – Киев, 1908.
75. Словник української мови. – Т. IV. – Київ, 1973.
76. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка. – Т. I. – СПб., 1893.
77. *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. – Т. II. – М., 1985.
78. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Т. 2. – Мінск, 1978.

79. Толковый словарь татарского языка. – Т. I. – Казань, 1977.
80. *Фасмер М.Р.* Этимологический словарь русского языка. – Т. IV. – М., 1973.
81. *Химик В.В.* Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. – СПб., 2004.
82. *Чеховъ А.* Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ.) – Изд. редакціи журнала «Русская мысль». – М., 1895.
83. *Шипова Е.Н.* Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата, 1976.
84. *Щекатов А.Н.* Словарь географический Российского государства. – Ч. 4. – М., 1805.
85. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М., 1975.
86. *Юганов И., Юганова Ф.* Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов). – М., 1997.
87. *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. – 2-е изд. – М., 1965.
88. *Ягелло И.Д.* Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910.
89. *Brückner A.* Słownik etymolosiczny języka polskiego. – Kraków, 1927.
90. Brünnow // Fischer. Arabische Chrestomatie aus Prosaschriftstellern. – Leipzig, 1960.
91. *Grønbech K.* Komanisches Wörterbuch. – Kopenhagen, 1942.
92. *Herberstain S.* Moscovia der Hauptstat in Reissen. – Wienn, 1557.
93. *Herberstain S.* Rerum Moscoviticarum Commentarii. – Basileae, 1551.
94. *Holub J.*, *Lyer S.* Stručný etymologický slovníc jazyka českého. – Praha, 1967.
95. *Isačenko A.V.* Herbersteiniana. I–II. – Zeitschrift für Slawistik. – 1957. – Bd. II.
96. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého. – Praha, 1971.
97. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. – Berlin, 1914.
98. *Mikloisich Fr.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. – Wien, 1886.
99. *Mikloisich Fr.* Lexicon paleoslovenicum-graeco-latinum. – Vindobonae, 1862–1865.
100. *Muchliński A.* Źródłosłownik wyrazów, które przesły wprost czy pośrednio do naszej mowy z jezyków wschodnich. – Peterburg, 1858.

101. *Pelliot P.* Tängrim > tärim. – T'oung Pao. – T. 37. – Leiden, 1944.
102. *Räsänen M.* Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki, 1969.
103. *Reczek St.* Podręczny słownik dawnej polszczyny. – Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.
104. *Sławski Fr.* Słownik etymologiczny języka polskiego. – T. 2 zesz. 1 (6). – Kraków, 1958.
105. *Vasmer M.* Russisches etymologisches Wörterbuch. – Bd. II. – Heidelberg, 1955.
106. *Wolf S.A.* Wörterbuch des Rotwelsch. Deutsche Gaunersprache. – Mannheim, 1956.

Литература

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. – I. – М.; Л., 1949.
2. *Ахметьянов Р.Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1989.
3. *Ахметьянов Р.Г.* Сравнительное исследование татарского и чувашского языков. – М., 1978.
4. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. – Вып. IX–X. – Чебоксары, 1935–1936.
5. *Аюпова Л.Л.* Из истории изучения тюркских лексических заимствований в русском языке // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1975.
6. *Бартольд В.* Новый труд о половцах // Русский исторический журнал. – Кн. 7. – Пг., 1921.
7. *Баскаков Н.А.* К вопросу о происхождении этнонима «кыргыз» // Советская этнография. – 1964. – № 2.
8. *Баскаков Н.А.* Каракалпакский язык. – II. – М., 1952.
9. *Баскаков Н.А.* Тюркские языки. – М., 1960.
10. *Березин И.Н.* Первое нашествие монголов на Россию // ЖМНП. – 1853. – № 9.
11. *Бернштам А.Н.* Древние тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография: Сб. ст. – Т. 6–7. – М.; Л., 1947.
12. *Бешевлиев В.* Първо-български надписи // Годишник на Софийския ун-тет. Историко-филол. фак. – Кн. XXXI. – Ч. 1. – София, 1934.

13. *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка 18 в.: Языковые контакты и заимствования. – Л., 1972.
14. *Бичурин Н.Я* (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. 1. – М.; Л., 1950.
15. *Боев Е.* За предтурско-тюркско влияние в българския език. Още няколко прабългарски думи // Български език. – 1965. – XV. – Кн. 1.
16. *Болонина Э.Б.* Тюркизмы в восточнославянской письменности XV–XVI вв. // Советская тюркология. – 1982. – № 1.
17. *Боплан Г.* Описание Украины. – СПб., 1832.
18. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М., 1963. – С. 711.
19. *Быков В.Б.* Проблемы эквивалентности в художественном переводе // Слова, слова, слова…: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 65-летию со дня рожд. д. филол. наук проф. И.Г. Добродомова. – Смоленск, 2000.
20. *Ван-Вейк Н.* История старославянского языка. – М., 1957.
21. *Бондалетов В.Д.* Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство. – Рязань, 1980.
22. *Булаховский Л.А.* Русский литературный язык первой половины XIX века: Лексика и общие замечания о слоге. – Киев, 1957.
23. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Исследования по русской грамматике. – М., 1975.
24. *Виноградов В.В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. – М., 1977.
25. *Виноградов В.В.* Исследования по русской грамматике: (Избранные труды). – М., 1975.
26. *Виноградов В.В.* История слов. – М., 1994.
27. *Виноградов В.В.* Чтение древнерусского текста и историко-этимологические каламбуры // Вопросы языкознания. – 1968. – № 1.
28. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – 2-е изд., доп. – М., 2000.
29. *Гальди Л.* Слова романского происхождения в русском языке. – М., 1958.
30. *Гинкен Г.Г.* Древнейшие русские двуосновные личные имена и их уменьшительные // Живая старина. – III. – 1893.

31. *Головенченко Ф.М.* Слово о полку Игореве: Библиогр. очерк. Перевод: Пояснения к тексту и переводу. – М., 1963 (Уч. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. № 193).
32. *Голубовский П.В*. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. – Киев, 1884.
33. *Гордеев Ф.И.* К этимологии некоторых чувашизмов марийского языка: «Диалекты и топонимия Поволжья (Материалы и сообщения)». – Вып. 1. – Чебоксары, 1972.
34. *Григорьев В.В.* Областные великорусские слова восточного происхождения: Замечания к «Опыту областного великорусского словаря» // Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. I. – 1852.
35. *Гумилев Л.Н.* Поиски вымышленного царства: (Легенда о «государстве пресвитера Иоанна»). – М., 1970.
36. *Дмитриев Л.А*. История первого издания «Слова о полку Игореве»: Материалы и исследование. – М.; Л., 1960.
37. *Дмитриев Н.К.* Строй тюркских языков. – М., 1962.
38. *Добродомов И.Г*. История слова по лексикографическим данным и труды В.В. Виноградова по русской исторической лексикологии // Научные труды Московского педагогического государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – М., 1999.
39. *Добродомов И.Г.* О методах исследования древнейших тюркизмов в составе русского словаря: (К истории слова *жемчуг*). – ИАН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 25. – Вып. 1. – 1966.
40. *Добродомов И.Г*. По следам разысканий В.В. Виноградова о слове *солдафон* // Opuscula polonica et russica, V. – Warszawa, 1997.
41. *Добродомов И.Г*. Филологическая достоверность лексикографических данных: (О Филонах и филонах) // Вестник Литературного института им. А.М. Горького. – 2004. – № 1.
42. *Добродомов И.Г., Улуханов И.С*. [Рец. на:] T. Čiževska. Glossary of the Igor' Tale, The Hague, Mouton and C°, 1966, 408 c. («Slavistic Printings and Reprintings». 53) // ВЯ. – 1966. – № 6.
43. *Добродомов И.Г., Шаповал В.В*. О призрачных словах у лексикографов // Ogród nauk filologicznych. Księga Jubileuszowa poświęcona Profesorowi Stanisławowi Kochmanowi. – Opole, 2005.

44. *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* Проблемы достоверности описания арготической лексики в текстах и словарях // Седьмые Поливановские чтения: Сб. ст. по материалам докладов и сообщений (Смоленск, 11–12 октября 2005 г.). – Ч. 3. Идеи Е.Д. Поливанова в современном воплощении. – Смоленск, 2005.
45. *Добродомов И.Г., Шаповал В.В.* Трудности лексикографической трактовки жаргонного слова // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М., 2006.
46. *Долопчев В.* Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи. – 2-е изд. – Варшава, 1909.
47. *Дубенский Д.* Слово о полку Игореве Святославля песнотворца старого времени. – М., 1844.
48. *Егоров В.Г.* Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – I. – Чебоксары, 1954.
49. *Емельченко И.Р.* В.И. Даль и восточные языки // Тюркизмы в восточнославянских языках. – М., 1974.
50. *Завадовский Ю.Н.* К вопросу о восточных словах в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина (1406–1472 гг.) // Труды Института востоковедения АН УзССР. – Вып. 3. – Ташкент, 1954.
51. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. [1]. Горган и Поволжье в IX–X вв. – М., 1962.
52. *Зеленин Д.К.* Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. – Т. 54. – № 3. – Варшава, 1905.
53. *Златарски В.Н.* История на българската държава през средните векове. – Т. I. – Кн. 2. – София, 1927.
54. *Златарски В.Н.* Намереният в Албания надпис с името на българския княз Бориса Михаила // Slavia. – 1923. – Rocn. II. – Ses. 1.
55. *Ильф И., Петров Е.* Кипучая жизнь. Как создавался Робинзон. – 3-е изд., доп. – М., 1935.
56. *Казембек А.* Объяснение русских слов, сходных со словами восточных языков // Прибавления к Известиям по Отделению русского языка и словесности Имп. Академии наук. – Т. I. – 1852.
57. *Калайдович К.* Иоанн эксарх болгарский. – М., 1824.

58. *Ковачевиh Л.* Неколико прилога на црквену и политичку историју јужних словена // Гласник српскога ученог друштва. – Кв. 63. – Београд, 1885.
59. *Ковтун Л.С.* Лексикография в Московской Руси XVI – начала XVII в. – Л., 1975.
60. *Коковцов П.К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л., 1932.
61. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л., 1980.
62. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л., 1972.
63. *Кононов А.Н.* История изучения тюркских языков в России. – Дооктябрьский период. – Л., 1972.
64. *Кононов А.Н.* К этимологии этнонимов *кыпчак*, *куман*, *кумык* // Ural-Altaische Jahrbücher. – Bd. 48. – Wiesbaden, 1976.
65. *Кримський Ю.А.* Тюрки, їх мови та літератури. – І. Тюркські мови. – Вып. 2. – Київ, 1930.
66. *Кудряшов К.В.* Половецкая степь. – М., 1948.
67. *Ларин Б.А.* Западноевропейские элементы русского воровского арго // Язык и литература. – Т. VII. – Л., 1931.
68. *Магницкий В.К.* Чувашские языческие имена. – Казань, 1905.
69. *Мелиоранский П.М.* Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. VII. – Кн. 2. – СПб., 1902.
70. *Менгес К.Г.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л., 1979.
71. *Мурзаевы Э.* и *В.* Словарь местных географических терминов. – М., 1959.
72. *Огиенко И.И.* Иноземные элементы в русском языке. – Киев, 1915.
73. *Одинцов Г.Ф.* Два ногайских заимствования в русском языке // Этимология 1971. – М., 1973.
74. *Опельбаум Е.В.* Восточнославянские лексические элементы в немецком языке. – Киев, 1971.
75. *Осипов В.Л.* Очерки по истории Саратовского края: Конец XVI и XVII вв. – Саратов, 1976.
76. Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. – М., 1979.

77. Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М., 1974.
78. *Пархоменко В.А.* Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. – Сб. 3. – М.; Л., 1940.
79. *Пастушенков Г.А.* Структура слова: (единицы структурно-функционального плана). – Калинин, 1978.
80. *Петров К.И.* Очерк происхождения киргизского народа. – Фрунзе, 1963.
81. *Плетнева С.А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. – М.; Л., 1958 (МИА. № 62).
82. *Попов А.И.* Буртасы и мордва // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова. – № 104 (Серия востоковедческих наук). – Вып. 2. – 1947.
83. *Попов А.И.* Названия народов СССР. – Л., 1973.
84. *Прохорова В.Н.* Замечания к истории и этимологии слова *рахманый* // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 5. – Изд-во МГУ, 1966.
85. *Рамстедт Г.И.* Введение в алтайское языкознание. – М., 1957.
86. *Рамстедт Г.И.* Перевод надписи «Селенгинского камня» // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Имп. Русского географического общества. – Т. 15. – Вып. 1. – СПб., 1914.
87. *Расовский Д.А.* О роли черных клобуков в истории древней Руси // Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). – 1. – Прага, 1927
88. *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. – Вып. 43. – 1952.
89. *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков. – М., 1955.
90. *Севортян Э.В.* Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. – М., 1966.
91. *Селищев А.М.* Соканье и шоканье в славянских языках // Slavia. – 1931. – Rocn. X. – Ses. 4.
92. *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). – М., 1927.

93. *Скворцов Л.И.* Профессиональные языки, жаргоны и культура речи // Русская речь. – 1972.
94. *Скворцов М.И.* Еще раз об арабско-персидском вкладе в чувашскую лексику // Учен. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Вып. XXXIX. – Чебоксары, 1969.
95. *Соколов С.В.* Этимологии удмуртских названий животных // Вопросы удмуртского языкознания. – Вып. 3. – Ижевск, 1975.
96. *Сорокин Ю.С.* Основные принципы и источники исторического словаря русского литературного языка XIX в. // Очерки по исторической лексикологии русского языка: Памяти Ю.С. Сорокина. – СПб., 1999.
97. *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка в 30–90-е годы XIX века. – М.; Л., 1965.
98. *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. – М., 1960.
99. *Сталин И.В.* Сочинения. – Т. 2. – М., 1952.
100. *Татищев В.Н.* Избранные труды по географии России. – М., 1950.
101. *Титаренко Н.А.* Восточная лексика в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина // Известия Воронежского педагогического института. – Т. 126 (Вопросы грамматики и лексики русского языка). – 1972.
102. *Тонкова Е.Г.* Междометия в русском арго // Слово в словаре и дискурсе: Сб. науч. ст. к 50-летию Харри Вальтера. – М., 2006.
103. *Трубачев О.Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология 1965. – М., 1967.
104. *Трубачев О.Н.* Историческая и этимологическая лексикография // Теория и практика русской исторической лексикографии. – М., 1984.
105. *Трубачев О.Н.* О племенном названии *уличи* // Вопросы славянского языкознания. – Вып. 5. – 1961.
106. *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М., 1960.
107. *Успенский А.* Сравнение офенских слов с напечатанными в Трудах Общества словами неизвестного языка, употребительными у жителей разных российских провинций // Труды Общества любителей российской словесности. – Ч. VII. – М., 1828.

108. *Федотов М.Р.* Об арабских и персидских заимствованиях в чувашском языке // Учен. зап. Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. – Вып. XXVI. – Чебоксары, 1963.
109. *Черных П.Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. – М., 1956.
110. *Чернышев В.И.* Толковый словарь русского языка (Критический отзыв) // Чернышев В.И. Избранные труды. – Т. I. – М., 1970.
111. *Шанский Н.М.* Как родилось слово *драндулет*? // Русский язык в школе. – 1966. – № 1.
112. *Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. – М., 1968.
113. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). – Л., 1977.
114. *Эрдман Ф.И.* Изъяснение некоторых слов, перешедших из восточных языков в российский // Казанский вестник. – Ч. 24. – Кн. 9. – Казань, 1828, сентябрь.
115. *Юналеева Р.А.* Опыт исследования заимствований: (Тюркизмы в русском языке сравнительно с другими славянскими языками). – Казань, 1982.
116. *Ястребов Е.В.* Названия Уральских гор в XV–XVIII вв. // Вопросы географии. – Сб. 110. Топонимика на службе географии. – М., 1979.
117. *Bromberg J.* Toponimical and historical Miscellanies on Medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia, II // Byzantion. – 1938. – XIII. – Fasc. 1.
118. *Dickenmann E.* Das Pferd in russischen Nomina appellativa und nomina propria. – Heidelberg, 1977.
119. *Doerfer G.* Türkische und monologische Elemente im Neupersischen. – Bd. I–IV. – Wiesbaden, 1963–1975.
120. *Ekblom R.* Die ostslavische Pleophonie // Zeitschrift fur slavische Philologie. – XXIV. – H. 1. – Heidelberg, 1955.
121. *Gabain A.* Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnungen // Acta orientalia. – T. XV. – Fasc. 1–3. – Budapest, 1962.
122. *Gombocz Z.* Die bulgarisch-türkische Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki, 1912 (MSFOu. 30).

123. *Laude-Cirtautas I.* Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in der Türkdialekten. – Wiesbaden, 1961.
124. *Ligeti L.* A magyar nyelv tōrōk kapcsolatai és ami kōrūlōttūk van. – 1. – Budapest, 1977.
125. *Ludat H.* Farbenbezeichnungen in Volker-namen. – Saeculum V. – 1954.
126. *Menges K.H.* Altaic Elements in the Protobulgarien Insciptions // Byzantion. – 1951. – XXI. – Fasc. 1.
127. *Menges K. H.* The oriental elements in the vocabulary of the oldest russian epos, The Igor' tale. Slovo o pъlku Igorevě. – New York, 1951.
128. *Menges K.H.* The Turkic Languages and Peoples. – An Introduction to Turkic Studies. – Wiesbaden, 1968.
129. *Miklosich F.* Die türkischen Elemente in der südost-und osteuropäischen Sprachen (Griechisch, Albanisch, Rumänisch, Bulgarisch, Serbisch, Kleinrussisch, Grossrussisch, Polnisch). – I. – Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. – Bd. 34. – Wein, 1884; II. – Bd. 35. – Wein, 1885; Nachtrag I. – Bd. 37. – Wein, 1889; Nachtrag II. – Bd. 38. – Wein, 1890.
130. *Minorsky V. Sharaf al-Zamān Tāhir Marvazī* on *China,* the *Turks and India.* – London, 1942.
131. *Moravcsik Gy*. Byzantinoturcica. – II. – Berlin, 1958.
132. *Moravcsik Gy*. Zur Frage der *Хиновe* im Igor Lied // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. – T. 3. – 1960.
133. *Németh J.* Die Volksnamen *quman* und *qūn* // KCsA. – 3. kötet. – 1941–1943.
134. *Pritsak O.* Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955.
135. *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. – Helsinki, 1955 (MSFOu. 110).
136. *Poppe N.* A. Survey of Studies of Turkic Loan-Words in the Russian Language // Central Asiatic Journal. – Volum XI. – № 4. December. – 1966.
137. *Rasonyi Nagy L.* Der Volksname *Беренђи* // Seminarium Kondakovianum. – VI. – Praha, 1933.
138. *Reychman J.* Znajomość i nauczanie języków orientalnych w Polsce XVIII w. – Wroclaw, 1950.

139. *Sobo1evskij A*. Altrussisches *хинъ* // Archiv für slavische Philologies. – Bd. 30. – H. 3. – 1909.
140. *Timroth W. von*. Russian and Soviet Sociolinguistics and Taboo varieties of Russian language (Argot, Jargon, Slang and "Mat"). – Munich, 1986.
141. *Tomaschek W*. Bulgaroi // Paulys Real-Enciklopädie der classischen Altertumwissenschaft. – Bd. 3. – Stuttgart, 1899.
142. *Vámbéry H*. Der Ursprung der Magyaren. – Lpz., 1882.
143. *Winter-Wirz P*. Die Fremdwörter in Afanasij Nikitins «Reise über drei Meere» 1406–1472. Zeitschrift für slavische Philologie. – Bd. 30. – H. 1. – Heidelberg, 1962.
144. *Zajączkowski A.* Material językowe persko-turecki z «Wędrowki za trzy morza» Nikitina (XV w.). – RO. – T. 17 (1951–1952). – Kraków, 1953.
145. *Zajączkowski A.* O zapożyczeniach wschodnych w języku polskim. – II. – Poradnik językowy. – 1937/38. – № 4.
146. *Zajączkowski A.* Związki językowe połowecko-słowiańskie. – Wrocław, 1949.

Научное издание

Добродомов Игорь Георгиевич

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ

Монография

2-е издание, стереотипное
электронное

Редактор *Дубовец В.В.*
Оформление обложки *Удовенко В.Г.*
Компьютерная верстка *Дорожкина О.Н., Потрахов И.А.*

Московский педагогический государственный университет (МПГУ).
119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1.

Управление издательской деятельности и инновационного проектирования (УИД и ИП) МПГУ.
119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 88, оф. 446,
тел. +7 (499) 730-38-61, e-mail: izdat@mpgu.su.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
УИД и ИП МПГУ.

Формат 60x90/16. Бум. офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 13,75.
Тираж 500 экз. Заказ 1074.

ISBN 978-5-4263-0887-9